

PAUL RADIN

THE TRICKSTER

*Study in American
Myhtology*

*with commentaries by
K.K. Kerenyi and C.G. Jung*

ROUTLEDGE AND KEGAN PAUL

LONDON

1956

Пол РАДИН

ТРИКСТЕР

*Исследование мифов
североамериканских индейцев
с комментариями
К.Г. Юнга и К.К. Кереньи*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1999

За помощь в осуществлении издания данной книги
издательство «Евразия» благодарит

*Кипрушкина
Вадима Альбертовича*

Перевод с английского *Кирющенко В.В.*
под редакцией *Тавровского А.В.*

Пол Радин. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. Перевод с английского Кирющенко В.В. — СПб.: Евразия, 1999. — 288 с.

В настоящем издании представлен сакральный миф о трикстере североамериканских индейцев, сопровождаемый обширным культурологическим анализом известного американского антрополога Пола Радина, исследованием Карла Кереньи, посвященным сравнению образа трикстера в архаической и античной мифологии, и психоаналитическим портретом мифологемы трикстера, написанным Карлом Густавом Юнгом, специально для первого издания данной книги.

©Кирющенко В.В., перевод, 1999

©Лосев П.П., оформление, 1999

©Издательство «Евразия», 1999

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительные замечания	7
Часть первая. Миф о Трикстере у индейцев виннебаго	
Цикл о Трикстере у виннебаго	11
Примечания к циклу о Трикстере	87
Часть вторая. Мифы о Трикстере, дополняющие основной цикл	
Цикл о Кролике у виннебаго	97
Примечания к циклу о Кролике	140
Краткое изложение мифа о Трикстере у ассинибойнов	146
Краткое изложение мифа о Трикстере у тлинкитов	154
Часть третья. Пол Радин. Природа и значение мифа	
Текст	161
История и культура виннебаго	164
Мифологические и литературные традиции виннебаго	171
Цикл о Кролике у виннебаго и родственные ему мифологические циклы	180
Фигура Трикстера у виннебаго	190
Отношение виннебаго к Вакджункаге	210
Цикл о Вакджункаге как сатира	216
Цикл о Вакджункаге в его отношении к другим североамериканским циклам о Трикстере	221
Часть четвертая	
Кереньи К.К. Трикстер и древнегреческая мифология	241
Юнг К.Г. О психологии Трикстера	265

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Немногие мифы имеют столь же широкое распространение, как тот, что наиболее известен под названием «Трикстер» и является предметом нашего рассмотрения. Лишь о немногих мифах мы можем с такой же уверенностью сказать, что они представляют собой древнейшее выражение человеческой мысли. Считанные единицы сохранили первоначальное содержание неизменным. Миф о Трикстере проявляет себя в отчетливой форме в мифологии как простейших, так и более сложно организованных племен аборигенов. Мы сталкиваемся с ним у древних греков, у китайцев, японцев, а также у семитских народов. Многие черты, присущие Трикстеру, запечатлены в фигуре средневекового шута и сохранились вплоть до настоящего времени, обнаруживая себя в спектаклях о Панче и Джуди и в клоунаде. Несмотря на постоянные переплетения с другими мифами, зачастую радикальное преобразование и переинтерпретацию, основной сюжет никогда не дает спутать себя ни с чем иным.

Совершенно очевидно, что в данном случае мы являемся свидетелями персонажа и темы (или нескольких тем), обладающих особенной и непреходящей привлекательностью и необычайной популярностью у людей со времен зарождения цивилизации. В форме, которую можно считать наиболее ранней и архаичной, а именно в той, которая обнаруживается у индейцев Северной Америки, Трикстер одновременно предстает как творец и разрушитель, дающий и отвергающий, обманщик и жертва обмана. У него нет сознательных желаний. Его поведение всегда диктуется импульсами, над которыми сам он не властен. Он не знает ни добра, ни зла, хотя и несет ответственность и за то, и за другое. Для него не существует ни моральных, ни социальных ценностей; он руководствуется лишь

собственными страстями и аппетитами, и, несмотря на это, только благодаря его деяниям все ценности обретают свое настоящее значение. Однако, как повествует миф, все это характерно не только для Трикстера. Подобными чертами обладают и другие связанные с ним персонажи: животные, различные сверхъестественные существа и чудовища, а также человек.

Сам Трикстер часто отождествляется с некоторыми животными, такими, к примеру, как ворон, койот, кролик, паук — образы которых, однако, лишь отдаленно напоминают конкретных представителей животного мира. В основе своей его образ не обладает четко определенной и постоянной формой. В том виде, в каком он выступает в публикуемой здесь версии мифа, Трикстер предстает перед нами как еще только зарождающееся нечто, лишенное всяких пропорций, как фигура, несущая на себе слабый отпечаток чего-то свойственного человеку. В данной версии он обладает внутренностями, которые обернуты вокруг его тела, и таким же длинным пенисом, увенчанным мошонкой и также обвивающим тело. Однако о том, каков его конкретный облик — и это весьма показательно — нам ничего не сообщается.

Смех, юмор и ирония пронизывают все поступки Трикстера. Реакция слушателей-аборигенов на него и его поступки — смех с тенью ужаса на лице. И нет никаких оснований считать, что эта реакция вторична или является результатом позднейшего развития. Хотя всегда трудно сказать, смеется ли аудитория над ним самим, над его проделками или над тем скрытым смыслом, которым обладают для нее его поведение и поступки.

Как нам интерпретировать этого удивительного персонажа? Имеем ли мы здесь дело с работой мифопоэтического воображения, общего для всех людей, которое в определенный период истории рисует перед нами картину мира и самого чело-

века? Есть ли это *speculum mentis*, в котором отражается борьба человека с самим собой и с миром, куда он был выброшен помимо собственного желания и согласия? Ответ ли это, или же едва уловимый намек ответа на вопросы, которыми задается человек — сознательно или бессознательно — со времен своего появления на земле?

На основании весьма обширных данных о жизни туземных племен, которыми мы располагаем на сегодняшний день, не просто справедливой, но почти проверяемой является гипотеза, согласно которой мы имеем в данном случае именно такое архаическое *speculum mentis*.

Таким образом, стоящая перед нами проблема носит преимущественно психологический характер. И действительно, только если мы будем рассматривать фигуру Трикстера как попытку человека ответить на мучающие его внутренние вопросы и решить внешние проблемы, она станет для нас понятной и осмысленной. Мы, однако, не сможем адекватно и полно понять природу этих проблем и вопросов, или то, как они сформулированы в различных мифах о Трикстере до тех пор, пока не начнем изучать их в свойственном им культурном окружении и историческом контексте.

Данная работа — представление одного из мифов о Трикстере, распространенного среди виннебаго центрального Висконсина и восточной Небраски, говорящих на языке сиу. Для того, чтобы читатель мог получить более полное представление о предмете, во второй части мною добавлен миф виннебаго о Кролике, а также краткий обзор мифов о Трикстере у ассинибойнов и тлинкитов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МИФ О ТРИКСТЕРЕ У ИНДЕЙЦЕВ ВИННЕБАГО

I

ЦИКЛ О ТРИКСТЕРЕ У ВИННЕБАГО

1. Трикстер совокупляется с женщиной перед началом войны.
2. Трикстер хочет вступить на тропу войны в одиночку.
3. Трикстер отбивает у своих товарищей охоту сопровождать его на тропе войны.
4. Трикстер убивает бизона.
5. Трикстер заставляет свою правую руку вступить в схватку с левой.
6. Трикстер одалживает двух детей у своего младшего брата.
7. Дети погибают, потому что Трикстер нарушает правила.
8. Отец детей преследует Трикстера.
9. Трикстер плавает по океану в поисках берега.
10. Трикстер ловит рыбу.
11. Трикстер подражает указывающему человеку.
12. Танцующие утки и говорящий анус.
13. Лисы поедают запеченных уток.
14. Трикстер поджигает анус и ест собственные внутренности.
15. Пенис в коробе.
16. Пенис послан через озеро.
17. Трикстер летает на гигантской птице.
18. Женщины спасают Трикстера.
19. Трикстер и его товарищи решают, где поселиться.
20. Превратившись в женщину, Трикстер выходит замуж за сына вождя.
21. Их младший ребенок плачет и успокаивается.
22. Трикстер посещает жену и сына.

23. Трикстер и слабительная луковица.
24. Трикстер падает в собственные испражнения.
25. Деревья сбивают с толку Трикстера, ищущего воду.
26. Трикстер принимает сливы, отражающиеся в воде, за сливы, висящие на дереве.
27. Пока матери ищут сливы, Трикстер поедает детей.
28. Трикстер убеждает скунса прорыть лаз через холм.
29. Трикстер заманивает матерей в лаз и съедает их.
30. Дерево потешается над Трикстером, застрявшим между ветвей.
31. Появляются волки и съедают пищу Трикстера, оставленную под деревом.
32. Трикстер попадает на уловку мух, заманивших его в лосиный череп.
33. Люди разбивают лосиный череп.
34. Трикстер превращается в оленя, чтобы отомстить ястребу.
35. Медведь становится жертвой хитрости Трикстера.
36. Норка, перехитрив Трикстера, забирает себе мясо медведя.
37. Трикстер безуспешно преследует норку.
38. Трикстер лишается части своего пениса из-за бурундука.
39. Ненужные куски пениса брошены в озеро и превращаются в растения.
40. Койот приводит Трикстера в деревню.
41. Трикстер подражает ондатре-самцу, который превращает лед в корни озерных лилий.
42. Трикстер подражает бекасу в ловле рыбы.
43. Трикстер подражает дятлу в охоте на медведя.
44. Трикстер подражает хорьку в охоте на оленей.
45. Норка, следуя планам Трикстера, оскверняет дочь вождя.
46. Одураченный койот привязан к лошадиному хвосту.
47. Трикстер устраняет препятствия на Миссисипи.
48. Трикстер заставляет водопад обрушиться на землю.
49. Трикстер в последний раз ест на земле и удаляется на небо.

МИФ О ТРИКСТЕРЕ

1

Некогда была одна деревня, в которой жил вождь, и он как раз собрался вступить на тропу войны¹. Он призвал людей, которые должны были доставить все необходимое, чтобы развести огонь и подготовиться к торжеству. Вождь сказал им:

— Вы, кто должны доставить все необходимое для разведения огня, принесите мне четырех больших оленей.

Приказание было в скором времени выполнено и олени доставлены, и затем те, кто принес их — племянники вождя² — немедленно поставили их вариться.

В это время начали прибывать приглашенные на пир. Ибо не сам ли вождь вступал на тропу войны? И все, кто был способен сражаться, тотчас решили следовать за ним.

Когда они закончили праздновать, вождь вдруг поднялся и покинул их, направляясь к своему жилищу. Гости же остались там, ожидая, когда он вернется. Когда, спустя некоторое время, он так и не появился, несколько человек пошли к его жилищу узнать, что случилось. Там, к их огорчению и ужасу, они обнаружили, что он совокупляется с женщиной³. Они вернулись к месту праздника и рассказали об увиденном остальным, после чего все разошлись по домам.

Некоторое время спустя опять поползли слухи, что вождь собирается вступить на тропу войны. Снова был отправлен человек, чтобы найти устроителей огня. Когда их привели к вождю, он приказал принести ему двух больших оленей и двух больших медведей. Вскоре его племянники вернулись, неся этих животных. Они убили в точности таких животных, каких было приказано, двух больших оленей и двух больших медведей.

Племянники сразу же поставили мясо на огонь. Однако во время еды вождь — тот, ради кого был устроен праздник — снова покинул их. Когда гости еще ели, когда те, кто удостоился чести быть приглашенными на пир, еще не закончили пировать, вождь покинул их⁴. Некоторое время они ждали, но он не вернулся. Поскольку, однако, он не просил расходиться, один из гостей отправился за вождем, посмотреть, что случилось, а остальные остались ждать. Как и в первый раз, он снова обнаружил его в жилище совокупающимся с женщиной.

— Весь народ ждет тебя, — сказал посланный, обратившись к вождю.

— Ах, вот как? А что, чем мне было еще заниматься? Когда все съедено, делать больше нечего, — ответил он⁵.

После этого посланный вернулся и рассказал остальным обо всем, что видел и слышал. Выслушав его, все гости разошлись по домам, ведь и вправду, делать больше было нечего.

Через некоторое время снова распространились слухи, что вождь хочет, чтобы для него был устроен пир, так как он собирается вступить на тропу войны. Когда его спросили, каких животных ему принести на этот раз, он ответил:

— Четырех самых больших медведей-самцов, — он велел принести именно таких.

Как и в прошлый раз, и до этого, племянники отправились на охоту. Вскоре они принесли этих животных и поставили мясо на огонь, чтобы приготовить. Начали прибывать те, кто был приглашен на пир. Вскоре пир начался. После того, как было объявлено, кто будет есть головы⁶, вождь встал со своего места и удалился. Обратно он так и не пришел. И вот, через какое-то время те, кто был приглашен на пир, выбрали из всех одного и послали его на поиски вождя. Там, в его доме, его опять обнаружили совокупающимся с женщиной. Когда об

этом было сообщено, все гости разошлись по домам. А они-то рассчитывали вступить на тропу войны!

Спустя некоторое время в четвертый раз распространились слухи, что вождь собирается вступить на тропу войны. На этот раз, помня о том, что происходило, все приглашенные поняли, что это только пустые разговоры. Будет пир, на который они все придут. Но каждый уже знал, что вождь и не собирается вступать на тропу войны. Как случалось трижды до этого, так повторилось и сейчас: вождь приказал своим племянникам принести четырех животных, на сей раз четырех крупных самок медведя⁷. Вскоре они возвратились с добычей, и сразу были поставлены на огонь котлы, чтобы приготовить еду. Все уселись пировать. Там, среди них, сидел вождь, окруженный теми, кто был приглашен, и, удивительно — он все еще был там, когда пиршество подошло к концу⁸.

2

Теперь, когда пир был окончен, вождь встал, и, взяв свою связку воина и связку стрел⁹, воскликнул:

— Я, я — тот, кто отправляется на тропу войны!¹⁰

Затем он стал спускаться в долину и дошел до того места, где была лодка. В эту лодку он немедленно сел. Все, кто присутствовал на пиру, последовали за ним, и все, кто был способен сражаться¹¹, также сели в свои лодки. Все мужчины, способные воевать, пошли за ним, ведь сам вождь вступил на тропу войны¹². И вот они оттолкнули лодки от берега. Они плыли по большой, широкой воде. Они гребли, но вождь неожиданно повернул лодку обратно к берегу. Высадившись на сушу, он во весь голос воскликнул:

— Я тот, кто вступает на тропу войны, чтобы сражаться.

Обернувшись к своей лодке, он прокричал:

— Ты не можешь сражаться! Зачем тебе идти со мной?

Затем он выптадил лодку на берег и разбил ее на куски¹³.

Все, кто и раньше считал вождя дурным человеком, убедились в этом и вернулись домой. Некоторые, тем не менее, остались и последовали за ним пешком.

3

Некоторое время спустя они пересекли болото, где увидели множество кочек, поросших травой. Там вождь остановился и воскликнул снова:

— Я — тот, кто решил вступить на тропу войны, я! Я способен сражаться, вот почему я иду. Я могу без труда передвигаться с места на место. А ты — связка воина, ты не можешь этого, ты не можешь сделать ничего стоящего. Ты двигаешься, только когда я несу тебя на спине. Ты не можешь двигаться сама и неспособна двигать ничего другого. Как же ты можешь вступить на тропу войны? Ты — просто лишняя помеха, вот и все.

Так он прокричал.

Вслед за тем он бросил связку воина и втоптал ее в землю¹⁴. Некоторые из тех, кто все еще следовал за ним, повернули обратно.

Снова он отправился в путь. Внезапно он отшвырнул в сторону связку стрел¹⁵, воскликнув:

— Ты никак не способна вступить на тропу войны! Только я могу сделать это. Только я могу сражаться, но не ты, поэтому я и решил вступить на тропу войны!

И вот последние несколько человек, все еще шедшие за ним, повернули назад, так как теперь они поняли, что он и вправду дурной человек.

Дальше он шел один. Он шел неспешно, и все вещи в мире, с которыми он заговаривал, он называл младшими братьями.

Он и все вещи в мире понимали друг друга — понимали, разумеется, язык друг друга¹⁶.

4

Продолжая свой путь, он, Трикстер, заметил вдруг небольшой холм. Когда он подошел к нему, то, к своему удивлению, обнаружил рядом старого бизона.

— Ну и ну, какая жалость! Если бы я не выбросил связку стрел, я бы смог теперь убить и съесть это животное, — воскликнул он.

Затем он взял нож, нарезал травы и смастерил из нее фигуры людей. Их он поставил в круг, оставив его с одной стороны незамкнутым. Место было очень топкое¹⁷. Соорудив эту ограду, он вернулся к тому месту, где увидел бизона, и закричал:

— Ого! Мой младший брат, вот и он! Вот он где, ест себе преспокойно, не заботясь ни о чем! Пусть же ничто его не тревожит! Я стану охранять его от непрощенных гостей!

Так обратился он к бизону, который жевал траву в свое удовольствие. Затем он добавил:

— Послушай-ка, младший брат, это место со всех сторон окружено людьми! Но вон там есть проход, через который, быть может, тебе удастся спастись.

Услышав это, бизон, ничего не подозревая, поднял голову и, к своему удивлению, действительно заметил, что со всех сторон окружен людьми. Только в том месте, на которое показал Трикстер, был проход. Туда бизон и бросился бежать. Вскоре он увяз в трясине, Трикстер тут же прыгнул ему на спину с ножом и убил его. Потом он перетащил его к деревьям и освежевал тушу. Все это время он пользовался только правой рукой.

Между делом его левая рука вдруг вцепилась в бизона.

— Отдай его мне, он мой! Отцепись, не то я ударю тебя ножом! — закричала правая рука. — Я разрежу тебя на куски, вот что я с тобой сделаю, — продолжала она.

Тем временем левая рука ослабила хватку. Однако вскоре она опять вцепилась, на этот раз в правую руку. Она схватила ее за запястье как раз в тот момент, когда правая рука начала свежевать бизона. Это повторялось снова и снова. Вот так Трикстер заставил свои руки поссориться друг с другом. Ссора скоро перешла в жестокую схватку, и левая рука была сильно порезана.

— Ох, ох! И зачем я это затеял! Что же я наделал! Я причинил себе боль!

И действительно, левая рука истекала кровью.

Трикстер разделал тушу бизона. Закончив, он вновь отправился в путь. Когда он проходил мимо птиц, они кричали:

— Смотрите! Смотрите! Вон идет Трикстер! — Так они кричали и улетали.

— Ах вы, дрянные маленькие птицы! Интересно, что они говорят?¹⁸

Так продолжалось все время. Каждая птица, которую он встречал, кричала:

— Смотрите! Смотрите! Вон идет Трикстер! Вон он шагает!

Продолжая свой путь, он неожиданно подошел к месту, где увидел человека, вооруженного дубинкой.

— Хо-хо! — сказал Трикстер, — мой младший брат, он

тоже гуляет! Младший брат, что ты делаешь?

Но ответа он не получил. Внезапно этот человек заговорил:

— О, мои бедные дети! Они, должно быть, очень голодны.

Трикстер засыпал его вопросами. Конечно, он сильно надел со своими вопросами. Но ни разу он не получил ответа. Тут Трикстер увидел, как человек сделал вот что. Так случилось, что он стоял неподалеку от холмика. Он поднял свою дубинку, ударил ею по холмику и, к удивлению Трикстера, убил большого, старого медведя. После этого он развел огонь и опалил тушу медведя. Затем он взял котел, который носил с собой, и сварил в нем медведя. Как только все было готово, он разложил мясо и снова произнес:

— Скорее, дети, скорее, ведь вы, должно быть, действительно очень голодны!

После чего он взял деревянную миску, налил в нее немного похлебки и остудил ее. Наконец он отвязал пузырь, который висел у него на пояском ремне. В нем сидело четверо крошечных детей. Это к ним все время он так ласково обращался.

Тут Трикстер сказал:

— Вот это да, младший брат, какие у тебя милые детки! Так говорил Трикстер.

Отец отдал детям еду, но при этом все время следил, чтобы они не съели слишком много. Когда они кончили есть, он снова поместил их в пузырь, который привязал к поясу. После этого он сломал несколько веток, выложил на них из котла остатки и, усевшись, сам приступил к еде. Он съел все, что было в миске. Затем он выпил остывшую в котле похлебку.

Наконец с этим было покончено, и только тогда он заговорил с Трикстером:

— До сих пор я был занят, вот почему я не говорил с тобой¹⁹.

Трикстер на это ответил:

— Младший брат, и вправду, у тебя прекрасные дети. Не откажешься ли ты доверить мне двоих из них?

— Конечно нет, ты наверняка их убьешь.

— Конечно нет, младший брат, это не так, — сказал Трикстер, — ты преувеличиваешь. Я просто хочу взять детей в попутчики. Вот почему я прошу тебя позволить мне забрать их. Я буду заботиться о них так же, как это делал ты.

Так он продолжал и, наконец, убедил человека отдать ему двух детей. Отец детей отдал Трикстеру дубинку, котел, миску и медведя, которого он убил. Затем он взял другой пузырь, свисавший с его ремня, и посадил в него двух из своих детей.

— Теперь, Трикстер, запомни, если ты убьешь хотя бы одного из детей, ты умрешь. Запомни, если ты убьешь этих маленьких детей, то где бы ты ни был, я буду преследовать тебя и убью. Храни то, что я даю тебе, и корми этих детей раз в месяц. Не меняй этого правила. Если ты когда-нибудь изменишь его, ты убьешь детей. Ты видел, что я делал, и ты делай то же.

Так он говорил, и Трикстер ответил ему:

— Мой младший брат, ты говорил, а я слушал. Я сделаю все, как ты сказал.

На этом они разошлись, каждый со своим пузырем на ремне.

7

Вскоре после того, как они расстались, Трикстер, продолжавший свой путь, вдруг воскликнул:

— Эгей! Мои дорогие детки, должно быть, уже голодны! Что зря терять время на пустые разговоры? Я сейчас же дам им чего-нибудь поесть²⁰.

Он как раз был неподалеку от какого-то холмика, поэтому он взял дубинку, ударил по нему и убил большого, старого медведя. Затем он поспешно развел огонь и опалил шкуру. Тушу он разрезал на части и сварил. Когда вода только еще начинала закипать, он уже вытащил мясо и, когда оно остыло, развязал пузырь и сказал:

— Мои милые маленькие дети, я так по ним соскучился!²¹

Затем он выпустил их и накормил. Он наполнил деревянную миску до краев и дал им. Несмотря на все, что сказал ему человек, он сделал много такого, что было строго-настрого запрещено. После того, как он сделал все то, что было запрещено, он поместил детей обратно в пузырь, который повесил себе на пояс.

Продолжая идти, он собирал валежник и вскоре был готов остановиться, чтобы поесть. Он съел все, что еще осталось, и выпил похлебку, которая была в котле. Затем он продолжил свой путь. Все животные в мире насмеялись над ним и кричали:

— Трикстер!²²

Через некоторое время он почувствовал голод. «Мне было сказано, что маленькие дети должны есть один раз в месяц», — подумал он. Но сейчас он сам был голоден. Поэтому он опять сказал:

— Ну вот, опять пришло время, когда мои дорогие маленькие дети проголодались. Я должен достать для них какой-нибудь еды.

Он немедленно разыскал холмик, ударил по нему и убил огромного²³ медведя. После этого он развел огонь, опалил шкуру, разделал тушу и поставил мясо вариться. Как только мясо сварилось, он вынул его и быстро остудил. Когда оно остыло,

он взял пузырь, прикрепленный к поясу, и открыл его. К его удивлению, дети были мертвы.

— Мои дорогие маленькие детки! Какое несчастье, что они умерли!²⁴

8

Как только он сказал это, появился отец детей и сказал:

— Так, хорошо же, Трикстер, сейчас ты умрешь! Я убью тебя, как я и обещал, если ты убьешь моих детей!

Когда он подошел к нему, Трикстер умоляюще воскликнул:

— О, мой младший брат!

Но человек набросился на него такой яростью, что Трикстер сразу отскочил и побежал прочь. Он бежал изо всех сил, но преследователь не отставал и на бегу швырял в него всякие предметы, которые едва не задевали его. Казалось, спасения не было. Только с помощью внезапных и неожиданных поворотов ему удалось кое-как избежать ударов.

Так человек преследовал Трикстера. В отчаянии Трикстер начал думать о том, чтобы спрятаться на небе или под землей. Однако он чувствовал, что и там за ним будут гнаться.

— Трикстер, куда бы ты ни бежал, тебе не удастся спасти свою жизнь, — кричал человек. — Куда бы ты ни шел, я все равно догоню тебя и убью. Так что можешь сдаться прямо сейчас, и покончим с этим. Ты уже выбился из сил, сам видишь. Тебе некуда бежать. Ты, конечно, не сможешь найти место, где спрятаться.

Так говорил человек.

Он гнался за Трикстером повсюду. Только ловко уворачиваясь, Трикстер смог избежать предметов, которые в него летели. Внезапно Трикстер испугался²⁵. К тому времени он

уже обежал всю землю и сейчас приближался к тому месту, где восходит солнце и где находится предел мира²⁶. Он бежал к острой оконечности земли, крутой скалой вдающейся в океан, вот куда он бежал²⁷. Он подбежал к самому краю и прыгнул в воду. Он упал прямо в середину океана.

— А, Трикстер, ты спасся! А ведь ты должен был умереть!

После этого человек прекратил преследование. Трикстер испустил вздох глубокого облегчения и сказал себе:

— Я никак не ожидал, что такое может случиться с Трикстером, воином!²⁸ Я почти уже простился с жизнью!

9

Там, в воде он и оставался. Однако, поскольку он не знал, где находится берег, то просто плыл, сам не зная куда. Так он плыл бесцельно, пока вдруг не увидел рыбу. Трикстер обратился к ней, сказав:

— Моя младшая сестра, всем известно, что ты славишься своим умом, не подскажешь ли мне, где находится берег?

— Я не знаю, брат, поскольку я никогда в жизни не видела берега, — ответила рыба.

Поэтому Трикстер поплыл снова. Вскоре ему повстречалась зубатка, к которой он также обратился, сказав:

— Сестра, всем известно, что ты славишься своим умом, не подскажешь ли мне, где находится берег?

— Я не знаю, — ответила зубатка, — ведь я никогда не подплывала к нему, брат.

И опять Трикстер поплыл дальше. Тогда ему повстречалась другая рыба, *насиджага*²⁹, и Трикстер заговорил с ней так:

— Сестра, ты всегда плавала в этих водах, может быть, ты

сможешь сказать мне, где находится берег, ибо я никак не найду его!

— Увы, мой брат, никогда, нет, никогда я не подплывала к берегу, — ответила рыба.

Так все и продолжалось.

Трикстер был вынужден оставаться в воде, плывя сам не зная куда. И вот он повстречал веслоноса и заговорил с ним:

— Брат, о, брат мой, всем известно, что ты славись своим умом, может, ты скажешь мне, где находится берег? Я совсем не знаю, куда мне плыть.

— Увы, брат, никогда я не подплывал к берегу, — ответил веслонос.

И опять Трикстеру пришлось плыть дальше. Вскоре неожиданно ему встретила желтая зубатка.

— Сестра, о, сестра, говорят, что тебе известно все на свете, быть может, ты знаешь, где находится берег? Если так, прошу тебя, скажи мне.

— Увы, мой брат, никогда я не подплывала близко к берегу, — ответила желтая зубатка.

И опять ему пришлось плыть дальше. Тут на своем пути он встретил еще одну рыбу и сказал:

— Сестра, о, сестра моя, всем известно, что ты славись своим умом, быть может, ты знаешь, где находится берег? Я заблудился, прошу тебя, помоги мне.

— Увы, брат, никогда еще я не подплывала близко к берегу, — ответила рыба.

Так повторялось снова и снова, когда он встречал рыбу за рыбой. Он спрашивал одну рыбу за другой. Он говорил с *вичугера*, с *хогагира*, с *рыбой-бизоном*, с *нотрописом*, с *хошджагера*, с *ховирегера*, с *хомингера*, с *ишчгагера*, с *хопагура*, с *вирара*, с *чатпучгера*. с угрем и сомиком. Всех рыб, которые только существуют, он повстречал.

Наконец неожиданно он увидел белую рыбу, целый косяк белых рыб, и обратился к ним:

— Мои младшие братья, нет ничего, что было бы для вас неизвестно, быть может, вы знаете, где находится берег? Если так, прошу вас, скажите мне, ведь сам я совсем не знаю, куда плыть.

— Конечно, старший брат, берег вон там, как раз там, где ты сейчас находишься, — ответила рыба.

И действительно, прямо с того места, где он плыл, он смог увидеть берег! Скоро он уже выходил из воды.

— Благодарю вас, благодарю, младшие братья! — Так он говорил рыбам.

Оказалось, что он все это время просто плыл вдоль берега океана.

10

Он был очень голоден, так что когда он вышел из воды, то сразу же смастерил себе котел, глиняный котел. Затем он вновь подошел к самой воде, так как он очень хотел поесть рыбы, вот какой он был умница!³⁰ Он очень хотел поймать хотя бы одну. Как только он видел рыбу, проплывающую мимо, он устремлялся за ней, но все они уплывали. Одна из рыб проплыла совсем близко от него, он поспешил за ней и погрузил котел в воду³¹.

— Ха-ха, уж из этой-то я точно приготовлю себе прекрасную похлебку, — сказал он.

Он развел огонь, вскипятил воду и выпил ее.

— Ох, ну и вкусная же была похлебка! И рыба, я думаю, должна быть просто объеденье!

Затем он отправился в путь, и все время, пока он шел, он ловил рыбу³², то есть опускал котел в воду и готовил себе

похлебку. Таким образом он вскоре наполнился до предела, даже живот засиял, так его раздуло. Вдруг он заметил, как к берегу плывет нотропис.

— Так-так, мой младший брат, ты, должно быть, совсем выбился из сил! Ты, наверно, уже мертв³³. — Так он говорил. — Сейчас я тебя отложу: чуть погода твоё мясо станет ещё вкуснее.

Он выловил его из воды и вернулся на берег. Там он выкопал яму и закопал рыбу.

11

И опять он бесцельно бродил по свету. Однажды он увидел берег озера. К своему удивлению, он заметил, что у самой воды на берегу стоит человек. Он быстро пошел туда, чтобы посмотреть, кто это. Это был кто-то в черной рубашке. Когда Трикстер подошел к озеру совсем близко, он увидел, что этот человек стоит на противоположном берегу и указывает на него. Трикстер позвал его:

— Скажи, мой младший брат, на что ты указываешь?

Ответа не последовало. Тогда он во второй раз позвал его:

— Скажи, мой младший брат, на что это ты указываешь?

Опять он не получил ответа. Тогда он в третий раз обратился к человеку и опять не получил ответа. Там, на другой стороне озера стоял человек и, вытянув руку, указывал.

— Хорошо, если так будет и дальше, то и я стану делать то же самое. Я тоже могу стоять и указывать на него столько же, сколько и он на меня. Я тоже могу надеть черную рубашку. — Так говорил Трикстер.

И вот он надел черную рубашку, быстро шагнул по направлению к этому человеку и вытянул вперед руку, указывая на

него пальцем, в точности так, как это делал тот, другой. Так он стоял очень долго. Наконец рука у Трикстера затекла, поэтому он обратился к человеку и сказал:

— Мой младший брат, давай прекратим это.

И опять ответа не было. Во второй раз, когда Трикстер уже едва мог это вынести, он сказал:

— Младший брат, давай прекратим это, моя рука совсем затекла.

И опять ответа не последовало. Некоторое время спустя он снова сказал:

— Младший брат, я голоден! Давай сейчас поедем, и тогда можно начать все сначала. Я убью для тебя хорошего зверя, такого, мясо которого ты любишь больше всего, вот какого я убью для тебя зверя. Давай же прекратим.

Но и на этот раз он не получил ответа.

— Ну хорошо же, зачем я все это говорю? У этого человека совсем нет сердца. Я просто делаю то, что делает он.

Сказав так, он отправился прочь. Когда он огляделся по сторонам, то, к своему удивлению, заметил пень, из которого торчала ветка. Его-то он и принял за указывающего человека.

— Ну да, вот поэтому-то люди и прозвали меня Глупцом!³⁴ И они, конечно же, правы.

Сказав так, он ушел.

Продолжая свой путь, он вдруг вышел к озеру, и там, на озере он увидел множество уток. Он тут же неслышно отбежал назад, так, чтобы утки не заметили его, и отыскал болотистое место. Там он насобирав много камыша и сделал большую вязанку, которую взвалил себе на спину и понес к озеру. Он

шел вдоль самого берега, нарочито стремясь выставить свою ношу напоказ. Вскоре утки заметили его и сказали:

— Смотрите, вон идет Трикстер. Интересно, что это он делает? Давайте позовем его и спросим.

Они позвали его и спросили:

— Трикстер, что это ты несешь?

Так они кричали ему, но он ничего не ответил. И снова они позвали его. Но только после того, как они позвали его в четвертый раз, он ответил им и сказал:

— Не со мной ли вы говорите?

— Что ты несешь у себя на спине? — спросили утки.

— Мои младшие братья, вы сами не знаете, о чем спрашиваете. Что я несу? Конечно же, я несу песни³⁵, — ответил им Трикстер. — В моем животе множество плохих песен. Некоторые из них мой живот не может вместить, вот почему я несу их у себя на спине. Я не пел их уже давно. И сейчас во мне скопилось их очень много. На своем пути я не встретил людей, которые бы согласились станцевать для меня под мои песни, чтобы я мог спеть хотя бы некоторые из них. Вот почему я не пел их уже давно.

Тогда утки, поговорив друг с другом, сказали:

— Что если мы попросим его спеть? Мы бы могли станцевать, ведь так?

Тогда одна из уток крикнула:

— Что ж, пусть так и будет. Я очень люблю танцевать, к тому же прошло уже много времени с тех пор, как я танцевала в последний раз.

Итак, они сказали Трикстеру:

— Старший брат, мы согласны. Если ты споешь нам, мы станцуем. Нам все время очень хотелось танцевать, но мы не могли, потому что у нас не было песен.

Так говорили утки.

— Мои младшие братья, — ответил Трикстер, — вы хорошо сказали, хорошую речь, ваше желание должно быть исполнено. Однако сначала я хотел бы соорудить дом для танцев.

Они помогли ему в этом, и вскоре из травы был сделан дом для танцев. Затем они изготовили барабан. Когда и с этим было покончено, он пригласил их всех войти, и они так и сделали. Перед тем, как запеть, он сказал:

— Мои младшие братья. Вот как вы должны себя вести. Когда я пою и когда люди собираются танцевать для меня, танцоры сразу же должны закрыть глаза и больше не открывать их.

— Хорошо, — ответили утки.

Начав петь, он сказал:

— Помните, мои младшие братья, вы не должны открывать глаза. Если вы все же откроете глаза, они станут красными.

И вот, как только он начал петь, утки закрыли глаза и стали танцевать.

Через некоторое время стало слышно, как одна из уток громко захлопала крыльями и закричала: «Квак!» Это повторялось опять и опять. Иногда раздавались такие хрипы, что можно было подумать, будто кого-то хватают за горло. Каждый раз, когда какая-нибудь из уток кричала, Трикстер приказывал другим уткам танцевать все быстрее и быстрее. Наконец утка, которую звали Маленькой Красноглазкой, тайком приоткрыла глаза, она совсем чуть-чуть приоткрыла их. К своему удивлению, она увидела, как Трикстер сворачивает шею остальным уткам! Когда он сворачивал шею очередной утке, он кусал ее. Именно когда он все это проделывал, и раздавался звук, похожий на хрип сдавливаемого горла. Так Трикстер убил столько уток, сколько смог схватить.

Маленькая Красноглазка громко закричала:

— Горе нам! Он убивает нас! Спасайтесь, кто может! — и быстро вылетела через отверстие в крыше. Все остальные тоже скопом полетели к отверстию. Они били Трикстера своими крыльями и царапали его лапками. А он шел среди них с закрытыми глазами и растопыривал руки, чтобы схватить их. Он схватил по одной в каждую руку и задушил. При этом его глаза оставались плотно закрытыми. Потом вдруг всем уткам как-то удалось улететь сквозь отверстие, кроме тех, что остались у него в руках.

Когда он взглянул на них, то с огорчением увидел, что обе утки, которых он держал в руках, были больны паршой. Ничуть не смутившись, он закричал:

— Ха-ха, вот поступок настоящего мужчины!³⁶ Конечно же, из этих уток выйдет недурная похлебка.

Затем он развел огонь и срезал несколько острых прутьев, чтобы зажарить их. Одних уток он зажарил, насадив на прутья, других испек, закопав в горячую золу³⁷.

— Я подожду, пока они приготовятся, — сказал он себе. — А сейчас мне лучше пойти вздремнуть. Когда я проснусь, они наверняка будут совсем готовы. Теперь ты, мой младший брат, должен следить за ними, пока я буду спать. Если заметишь кого-нибудь, немедленно гони его прочь.

Он разговаривал со своим анусом³⁸. Наконец, повернув анус к огню, он заснул.

Пока он спал, подошло несколько маленьких лисов. Пробегая мимо, они учуяли что-то, что напоминало костер.

— Что-то здесь должно быть, — сказали они.

Они повернули свои носы по ветру и, посмотрев вокруг, через некоторое время и вправду увидели дым от костра. Они тщательно осмотрелись и вскоре увидели множество острых прутьев, поставленных вокруг костра, на которых было наколото мясо. Они подходили все ближе и ближе, крадучись и тщательно обследуя все вокруг, и вскоре заметили кого-то спящего.

— Это Трикстер, и он спит! Давайте съедим мясо. Только нам нужно действовать очень осторожно, чтобы не разбудить его. Съедим мясо! — говорили они друг другу.

Однако, когда они подкрались ближе к огню, к их удивлению, откуда-то раздался взрыв газа.

— Пу-у! Пух! — такой был звук.

— Осторожно! Он, должно быть, проснулся! — И они отбежали подальше.

Через некоторое время один из них сказал:

— Я думаю, теперь он опять заснул. Это был обман. Он всегда готов выкинуть какую-нибудь штуку.

И вот опять они приблизились к костру. И снова они услышали взрыв газа, и снова отбежали назад. Так повторилось три раза. Когда они подошли в четвертый раз, снова раздался взрыв. Но на этот раз они не убежали. Тогда анус Трикстера начал быстро выпускать все больше и больше газа. Но они и не думали убегать. Один, другой, третий раз. Анус выпускал газ все быстрее и быстрее.

— Пу-у-х! Пу-у-х! — такой он издавал звук.

Но они и тогда не убежали. Звук становился все громче:

— Пу-у-ух! Пу-у-ух!

Но они не убежали. Напротив, они начали поедать куски жареного утиного мяса. Пока лисы ели, анус все время продолжал свое «пу-у-х». Лисы оставались там до тех пор, пока не был съеден последний кусок жареной утки. После этого они

приступили к тем, что были испечены в золе, и их они тоже съели, несмотря на то, что анус все время продолжал испускать газ:

— Пу-у-х, пу-у-х, пу-у-х, пу-у-х!

Затем они аккуратно закопали кости, мясо на которых уже было съедено, обратно в золу. Только после этого они ушли.

14

Через некоторое время Трикстер проснулся.

— Вот здорово! — радостно воскликнул он. — Мясо, которое я положил на огонь жариться, должно быть, совсем готово и уже покрылось хрустящей корочкой.

Он осмотрелся, пошарил вокруг себя и вытащил утиную ножку. К его великому ужасу, это оказалась только обглоданная кость, на которой не осталось ни кусочка мяса.

— Какой ужас! Но они всегда так выглядят, когда их слишком долго готовят!³⁹

Тут он снова пошарил вокруг себя и вытащил еще одну. Но и на этой ножке ничего не было.

— Какой ужас! Эта, должно быть, тоже жарилась слишком долго. Но ведь я приказал своему младшему брату следить за мясом⁴⁰. Он ведь отличный повар.

Он начал извлекать из золы одну кость за другой. Все они были начисто обглоданы. Наконец он сел и осмотрелся. К его изумлению, куски мяса, которые были наколоты на прутья, тоже исчезли!

— Ага, теперь я понимаю! Это, должно быть, проделки моих жадных друзей, это они обошлись со мной так плохо! — воскликнул он.

Затем он снова начал шарить вокруг костра, но так ничего и не нашел, кроме костей.

— Увы! Увы! Эти алчные друзья оставили меня голодным! А ты, жалкое создание, как ты себя вел? Разве я не приказал тебе следить за огнем? Ну, ты это запомнишь! В наказание за нерадивость я подпалю тебе рот, да так, что ты никогда уже не сможешь им воспользоваться!

С этими словами он взял горящее полено и прижег им рот своего ануса. Конечно же, он прижег самого себя, и как только огонь коснулся кожи, он закричал:

— Ой! Ой! Ну, это уж слишком! Моя кожа вся горит. Не за это ли меня называют Трикстером? Конечно, меня уговорили сделать это, как будто я делал что-то не так!⁴¹

Трикстер обжег свой собственный анус. Он прижег его горящим поленом. Затем он пошел прочь.

Когда он шел по дороге, он был уверен, что кто-то совсем недавно проходил по ней, так как на дороге были следы. И верно, вскоре он набрел на кусок жира, который, должно быть, принадлежал какому-то животному. «Кто-то, должно быть, нес здесь тушу убитого зверя», — подумал он.

Затем он поднял с земли кусок жира и съел его. Жир был очень вкусный.

— Ну и ну, какой вкусный жир! — воскликнул Трикстер. Однако дальше он, к своему большому удивлению, вдруг обнаружил, что то, что он ел, является частью его самого, его собственных внутренностей. После того, как он прижег свой анус, его внутренности сжались и стали вываливаться кусок за куском — их-то он и подбирал.

— Ну и ну! Значит, правильно называют меня Глупцом, Трикстером! Но называя меня так, меня и вправду превратили в Глупца, Трикстера!

Затем он связал свои внутренности вместе. Большая часть, однако, пропала. Он стянул их вместе, так что образовались

складки и морщины. Вот почему человеческий анус имеет такую форму⁴².

15

Трикстер шел все дальше. Наконец он пришел на красивое место. Там он сел и вскоре заснул. Через некоторое время он проснулся и обнаружил, что лежит на спине без одеяла. Он посмотрел вверх, прямо над собой, и там, к своему изумлению, увидел что-то развевающееся на ветру. «Ага, ага! Вожди развернули свое знамя! Люди, должно быть, устраивают великий пир, потому что так бывает всегда, когда разворачивают знамя вождя⁴³».

Он сел, и тут до него дошло, что его одеяло исчезло. И что именно его он видел развевающимся наверху, прямо над головой. Его пенис стал твердым и поднял одеяло вверх.

— Вечно со мной случается такое, — сказал он.

— Мой младший брат, ты потеряешь одеяло, верни мне его скорей. — Так он говорил своему пенису.

Он схватил его, и пока он его держал, пенис становился все мягче, пока одеяло не упало вниз. Затем он свернул пенис и уложил его в короб. И только когда он добрался до конца своего пениса, он нашел одеяло. Короб, в котором покоился пенис, он взвалил себе на спину.

16

После этого он спустился вниз по склону и наконец подошел к берегу озера. У противоположного берега он заметил купающихся женщин. Это была дочь вождя со своими подружками.

— Сейчас, — воскликнул Трикстер, — настал подходящий момент: сейчас я вступлю в связь с женщиной.

Затем он вынул свой пенис из короба и сказал ему:

— Мой младший брат, тебе предназначается дочь вождя. Минуй ее подруг и смотри, чтобы ты непременно вошел в нее, в дочь вождя.

С этими словами он отправил его. Пенис заскользил по поверхности воды.

— Младший брат, эй, младший брат! Вернись, немедленно вернись обратно! Если ты будешь так приближаться к ним, ты их перепутаешь.

Он вытащил его обратно на берег. Затем он привязал к его шее камень и снова послал его. На этот раз пенис погрузился на дно озера. Снова он вытащил его, взял другой камень, поменьше, и привязал его к шее пениса. Прodelав все это, он опять послал его вперед. Пенис заскользил по воде, но от этого по поверхности расходились волны.

— Брат! Вернись, скорее вернись назад! Все женщины разбегутся, если ты будешь создавать такие волны!

И вот он сделал четвертую попытку. На этот раз он подыскал камень как раз нужного размера и привязал его к шее пениса. Когда он отправил его опять, пенис проследовал прямо к назначенному месту. Когда он подплыл, то слегка коснулся подруг дочери вождя. Они увидели его и закричали:

— Бежим из воды! Скорее!

Дочь вождя последняя добралась до берега и не успела убежать, так что пенис вошел прямо в нее. Ее подруги вернулись назад и попытались вытащить его, но все было напрасно. Они ничего не могли сделать. Позвали людей, которые славились своей силой, и они попробовали вытащить его, но им не

удалось его даже сдвинуть. В конце концов они оставили всякие попытки. Один из них сказал:

— Здесь неподалеку живет одна старая женщина, которая знает много всего. Давайте позовем ее.

И вот они пошли и позвали ее и привели на то место, где все происходило. Когда она пришла, ей сразу же стало ясно, что происходит.

— Это же Перворожденный, Трикстер⁴⁴. Дочь вождя вступила с ним в связь, вы же все ее только раздражаете. — Сказав это, она пошла и принесла шило.

Усевшись на пенис верхом, она начала раз за разом втыкать в него шило. При этом она пела такую песню:

Перворожденный, если это ты, вытащи его, вытащи его!

Так она пела. Внезапно, посередине песни, пенис одним рывком выскочил наружу, далеко отшвырнув старуху. Когда она, еще толком не соображая, что произошло, встала на ноги, Трикстер на той стороне озера громко расхохотался:

— Несносная старуха! И зачем она делает все это, когда я сошелся с женщиной? Она испортила мне все удовольствия!

17

И опять Трикстер пошел дальше, сам не зная куда. Он шел и через некоторое время вдруг услышал пронзительный свист. Он прислушался и, к своему великому изумлению, увидел огромных размеров птицу, которая летела над его головой. Она летела прямо к нему. Тут его внезапно поразила мысль, что было бы совсем не плохо стать таким же, как эта птица. Поэтому, когда птица, а это был гриф-индейка, подлетела ближе, он заговорил с ней:

— Вот это да, младший брат! Ну и везет же тебе, ты неплохо

проводишь время! Хотел бы я делать то же, что и ты. — Так он обратился к ней. Потом он сказал:

— Младший брат, если бы ты захотел, ты бы мог посадить меня к себе на спину, ведь мне тоже очень нравится летать!

— Хорошо, — сказала птица.

Трикстер взгромоздился ей на спину. Птица напрягла все свои силы, и через некоторое время ей удалось взлететь⁴⁵. Они поднялись высоко в воздух. Трикстер был очень доволен, он без умолку болтал:

— Мой младший брат, я очень благодарен тебе. Так хорошо летать вместе.

Вскоре гриф начал делать крутые повороты, и Трикстер, встревожившись не на шутку, громким голосом взмолился:

— Будь очень осторожен, младший брат, будь очень осторожен, ты можешь уронить меня!

Тогда птица полетела, как прежде, прямо, и Трикстер получал при этом огромное наслаждение. Гриф, однако, был занят тем, что высматривал внизу полое дерево. Он задумал подшутить над Трикстером. Через какое-то время он заметил подходящее дерево, совсем без ветвей. Он подлетел довольно близко к нему и сбросил Трикстера прямо внутрь дерева. Вот как все произошло.

— Горе мне! Какой ужас! Да он и вправду очень злой! Не я, а он сыграл со мной злую шутку!⁴⁶ — Так говорил Трикстер.

Чуть погода он слышал эхо, звук которого напоминал треск падающих под ударами топора деревьев.

— О-о! Интересно, я людей слышу или нет? Но даже если это и так, не думаю, чтобы они сюда пришли, — сказал он себе.

Постепенно люди подходили все ближе и ближе, и вскоре он уже мог слышать, как они разговаривают. Голоса принадлежали женщинам. Тогда Трикстер пропел:

*Здесь сижу я, куцехвостый енот!*⁴⁷

Одна из женщин услышала это и сказала:

— Слушайте, здесь кто-то говорит.

Затем опять он пропел то же самое. Наконец, когда они подошли совсем близко, женщина сказала:

— Давайте разрубим это дерево и достанем его.

И вот они стали вырубать Трикстера из дерева. Он заслонил отверстие своим одеялом из шкуры енота — его-то и видели женщины. Наконец они сказали:

— Да, это, должно быть, очень большой и красивый енот.

Услышав это, так называемый енот заговорил с ними и сказал:

— Как только вход в мое укрытие будет закупорен вашей одеждой, оставьте меня здесь, а затем вернитесь за мною. Уверю вас, я очень жирный.

— Хорошо, мы именно так и сделаем, — ответили они.

Они сняли с себя одежду, закрыли ею отверстие и ушли домой⁴⁸.

А он вылез наружу и пошел дальше. Когда женщины вернулись обратно, они ничего не нашли.

19

Продолжая бесцельно бродить, он неожиданно, к своему большому удивлению, повстречал маленького лиса:

— Так-так, вот и ты, мой младший брат! Ты путешествуешь, не так ли?

— Да, так оно и есть, — ответил маленький лис, — жить в мире становится все трудней. Я бы хотел разыскать какое-нибудь чистое место и поселиться в нем⁴⁹. Вот чего я ищу.

— Да, да, мой младший брат, то, что ты говоришь — чистая правда. И я думал о том же самом. К тому же, мне давно нужен спутник. Давай жить вместе.

Придя к согласию, они отправились искать подходящее место, где можно было бы поселиться.

Они пошли дальше, и на пути им повстречалась сойка.

— Так-так, моя младшая сестра, что это ты делаешь? — спросил Трикстер.

— Я, старший брат, ищу место, где можно было бы поселиться, ибо в мире скоро станет трудно жить.

— Мы ищем как раз то же самое. Когда я слышал, как мой младший брат⁵⁰ говорит об этом, я очень ему позавидовал. Давай жить вместе, ведь мы тоже хотим найти такое место. — Так сказал Трикстер.

Тогда они собрались и пошли. В скором времени они все вместе повстречали *хечгенигу*⁵¹.

— Так-так, мой младший брат, что это ты делаешь? — спросили они его.

— Старшие братья, я ищу хорошее место, чтобы поселиться в нем, — ответила птица.

— Младший брат, мы путешествуем в поисках того же. Когда я слышал, как остальные говорят, что они хотели бы жить вместе как хорошие друзья, мне это очень понравилось. Поэтому давайте жить вместе, — сказал Трикстер.

Все с этим согласились и вскоре подошли к месту, где река разделялась на два рукава. Это было очень красивое место, там росли красные дубы⁵². Что и говорить, прекрасное было место. Это, как все решили, было очень хорошее место для житья. Поэтому они остановились там и построили себе жилище.

Осенью, в пору созревания плодов, у них было вдоволь еды. Однако вскоре наступила зима, и сразу же начался сильный

снегопад. Конечно, времена для всех четверых настали трудные. У них совсем не осталось еды, и они голодали. Тогда Трикстер сказал:

— Мои младшие братья, наступают трудные времена. Но если мы предпримем то, что я задумал, все будет хорошо. Так, по крайней мере, я думаю.

— Что ж, если то, что старший брат имеет в виду — действительно что-то хорошее, мы с радостью это сделаем, так как иначе кто-нибудь из нас непременно умрет с голоду. Что же хорошее нам нужно сделать, чтобы раздобыть что-нибудь поесть? — спросили они.

— Слушайте. Вон там есть деревня, на которую снизошло великое благословение. У вождя той деревни есть сын, который убивает на охоте множество животных. Он еще не женат, но думает об этом. Мы пойдем туда. Я притворюсь женщиной и выйду за него замуж. Так мы сможем спокойно жить, пока не придет весна, — сказал Трикстер.

— Отлично! — воскликнули они.

Все они с радостью согласились с этим.

20

Трикстер взял лосиную печень и сделал из нее женскую вульву. Потом он взял лосиные почки и сделал из них женские груди. Наконец он облачился в женское платье. Друзья плотно затянули его в это платье. Платья, которые он надевал, оставили женщины, принявшие его за енота. Он превратился в очень хорошенькую молодую женщину. Затем он позволил лису совокупиться с собой и забеременел от него, то же он позволил сделать и сойке, и наконец хечгениге. Потом он направился к деревне⁵³.

На окраине деревни жила одна старая женщина, и она немедленно обратилась к нему со словами:

— Внучка, с какой целью ты вот так путешествуешь? Уж конечно, у тебя есть что-то на уме.

Затем она выбежала на улицу и закричала⁵⁴:

— Хо! Хо! К нам пришла незнакомка добиваться расположения сына вождя⁵⁵.

По крайней мере, кажется, она говорила именно это. Вождь сказал своим дочерям:

— Хо! Думаю, именно этого и хочет женщина, и поэтому она пришла. Идите и приведите ко мне вашу невестку⁵⁶.

И они пошли за ней. Она, и вправду, была очень привлекательной женщиной. Сыну вождя она сразу очень понравилась. Они тут же приготовили для невесты сушеного маиса и сварили медвежьи ребра⁵⁷. Конечно, именно с этой целью Трикстер и выходил замуж. Когда еда была готова, ее выложили на блюдо, остудили и поставили перед Трикстером. Он тут же все сожрал⁵⁸. Там она (Трикстер) и осталась.

Скоро Трикстер забеременел. Сын вождя был очень рад тому, что он скоро станет отцом. Вскоре Трикстер родил мальчика. Потом он опять забеременел и родил еще одного мальчика. Наконец, он забеременел в третий раз и родил третьего мальчика.

21

Младший ребенок сразу после родов расплакался, и ничто не могло его остановить⁵⁹. Он плакал все сильнее и сильнее, так что было решено послать за старой женщиной, славившейся умением успокаивать детей. Она пришла, но, как и все ос-

тальные, ничего не смогла сделать. Ребенок плакал и наконец вдруг запел:

Если бы я мог поиграть кусочком белого облака!

Послали за шаманом. Ведь тот, кто хотел этого, был сыном вождя, поэтому то, что требовалось, должно было быть получено любой ценой⁶⁰. Он просил кусочек белого облака, и все старались его достать. Но как им было достать кусочек белого облака? Они пытались изо всех сил, и в конце концов вызвали снег. Когда снегу стало достаточно много, они дали ему комок поиграть, и он перестал плакать.

Однако через некоторое время он опять расплакался и запел:

Если бы я мог поиграть кусочком голубого неба!

Все старались добыть для него кусочек голубого неба. Все очень старались, но так и не смогли ничего добыть. Весной того года, однако, ему дали немного голубой травы, и он перестал плакать.

Однако через некоторое время он снова начал плакать. На этот раз он попросил голубых (зеленых) листьев. В четвертый раз он попросил жареных початков. И ему дали зеленых листьев и жареных маисовых початков, и он перестал плакать.

На следующий день, когда они готовили маис, жена вождя стала дразнить⁶¹ свою невестку. Она начала гоняться за ней вокруг ямы, в которой на пару варился маис. Наконец жена сына вождя (Трикстер) перескочила через яму и уронила в нее что-то очень гнилое. Люди закричали:

— Да это же Трикстер!

Все мужчины были опозорены, а особенно сын вождя. Животные, которые были с Трикстером, — лис, сойка и хечгенига — тут же убежали.

22

Трикстер тоже убежал. Вдруг он сказал себе:

— Зачем я все это делаю? Пора бы мне вернуться к женщине, на которой я действительно женат. Куну, должно быть, уже совсем подрос.

Так сказал Трикстер. Затем он пошел за озеро к женщине, на которой он действительно был женат. Когда он пришел туда, он, к своему огромному удивлению, обнаружил, что мальчик, который у него родился, и вправду сильно вырос. Вождь был очень рад, когда Трикстер вернулся.

— Наконец-то вернулся мой зять! — воскликнул он.

Он и вправду был очень рад. Трикстер охотился для своего сына и убивал очень много животных. Там он оставался долго, пока сын его не вырос и не стал взрослым мужчиной. Когда он увидел, что его сын уже может сам о себе позаботиться, он сказал:

— Пора мне опять отправляться в путь, ведь сын мой стал совсем взрослым⁶². Я хочу обойти всю землю и повидать людей, потому что я устал сидеть на одном месте. Я привык мирно бродить по свету. Здесь же я только наживаю себе кучу неприятностей⁶³.

23

Однажды, идя безо всякой цели, он услышал чей-то голос. Он внимательно прислушался, и ему удалось разобрать такие слова:

— Кто пожует меня, будет испражняться! Тот будет испражняться! Вот что он услышал.

— Ну и ну, почему он так говорит? — сказал Трикстер.

Он пошел в том направлении, откуда доносился голос, и снова, совсем рядом, услышал, как кто-то сказал:

— Тот, кто пожует меня, будет испражняться, тот будет испражняться! — Вот что было сказано.

— Почему он так говорит? — удивился Трикстер.

Затем он пошел в другую сторону. Так он шел. Тут, откуда-то сбоку он услышал, как кто-то сказал:

— Кто пожует меня, будет испражняться! Тот будет испражняться!

— Интересно, кто это так говорит? Я точно знаю, что если даже пожую это, то не буду испражняться.

Он все время смотрел по сторонам в поисках того, кто говорил и наконец, к своему большому изумлению, заметил луковицу на кусте. Она-то и говорила. Тогда он схватил ее, положил себе в рот, разжевал и проглотил. Только всего он и сделал и снова отправился в путь.

— Куда же подевалась луковица, которая так много болтала? И почему, интересно, я должен испражняться? Я сделаю это только тогда, когда сам захочу, никак не раньше. Как может какая-то луковица заставить меня испражняться? — Так говорил Трикстер.

Не успел он, однако, закончить фразу, как начал пускать ветры.

— Вот, оказывается, что это значит. Но луковица сказала, что я буду испражняться, я же просто выпустил газы. Все равно я великий человек, даже если слегка и пускаю газы⁶⁴. — Так он говорил.

Когда он говорил, он снова пустил ветры. На этот раз это было довольно сильно.

— Так-так, ну и дурак же я. Вот почему прозвали меня Глупцом, Трикстером.

Тут он снова и снова начал пускать ветры.

— Теперь я вижу, почему луковица так говорила.

Он снова пустил ветры. Вышло очень громко, и у него заболела прямая кишка.

— Да, это действительно великая вещь!

Затем он снова пустил ветры, и уже так сильно, что его бросило вперед.

— Ну и что! Может статься, меня и еще раз так же подбросит, однако ничто не заставит меня испражняться, — воскликнул он вызывающе.

В следующий раз, когда он пустил ветры, заднюю часть его тела силой взрыва подбросило вверх, и он упал на колени.

— Давай еще! Давай еще!

Тут он опять пустил ветры. Теперь их сила подбросила его высоко в воздух, и он приземлился на живот. В следующий раз, пуская ветры, он вынужден был уцепиться за бревно — так сильно его подбросило. Но все равно он поднялся в воздух и через некоторое время вместе с бревном упал на землю. Он так сильно ушибся, что еле остался жив. В следующий раз, когда он пустил ветры, он успел ухватиться за ствол росшего рядом дерева. Это был тополь. Он держался за него изо всех сил, и все же его ноги болтались в воздухе. Он вцепился в ствол с новой силой, но при следующем толчке дерево с корнями вырвало из земли. Чтобы защитить себя, он нашел огромный дуб и обхватил его ствол обеими руками. Но когда он пустил ветры, его кинуло вверх так, что он ударился пальцами ног о ствол. Но все же он удержался.

После этого он побежал туда, где жили люди. Добравшись до них, он закричал:

— Эй! Скорее сворачивайте жилище! Сюда приближается

множество врагов, и вас наверняка убьют!⁶⁵ Скорее, уходим отсюда!

Он так перепугал жителей своими воплями, что они быстро свернули свой вигвам и погрузили его на Трикстера, а сами уселись сверху⁶⁶. Они также погрузили на Трикстера всех своих маленьких собак. Тем временем он опять начал пускать ветры, и от их силы все, что было на нем, разлетелось в разные стороны. Оказавшись в разных местах, люди кричали и звали друг друга, а разбросанные в беспорядке собаки выли. Трикстер стоял и хохотал над ними до колик в животе.

Он снова отправился в путь. Казалось, все неприятности были позади.

— Эта луковица много чего наболтала, — сказал он сам себе, — и все же я так и не испражнился.

Но не успел он произнести эти слова, как его одолело желание слегка испражниться.

— Так вот что она имела в виду. Однако она здорово преувеличивала.

С этими словами он испражнился еще раз.

— Ну и хвасталась же она! Все, что она наговорила, было сплошное хвастовство.

После этих слов его пробрало уже гораздо сильнее. Через некоторое время, когда он все еще сидел, его тело ощутило прикосновение испражнений. Тогда он взобрался на бревно и присел там, но даже так он чувствовал, что касается испражнений. Наконец он вскарабкался на бревно, прислонившееся к стволу ближайшего дерева. Но его тело и там касалось испражнений, поэтому он полез выше. Но и тогда он касался их, поэтому он взобрался еще выше. Он должен был лезть все выше и выше. А прекратить испражняться он не мог. И вот он очутился на самой верхушке дерева. Места там было мало и

сидеть было очень неудобно. Кроме того, испражнения подступали все ближе.

24

Даже на верхушке дерева, где он сидел, он продолжал испражняться. Он попытался переменить позу. Однако верхушка была очень скользкой, и он свалился прямо в испражнения. Прямо вниз он свалился, прямо в собственные испражнения. Он тут же скрылся из виду, так что ему стоило большого труда выбраться наружу. Его одеяло из шкуры енота сильно перепачкалось, и он вылез, волоча его за собой. Вся его поклажа, какую он нес на спине, была покрыта испражнениями, и короб, в котором он хранил свой пенис, тоже. Он вытряхнул короб и опять взвалил его на спину.

25

Тогда, все еще ничего не видя из-за застилавших глаза испражнений, он побежал. Он ничего не видел перед собой. Когда он бежал, он стукнулся об дерево. Старик⁶⁷ закричал от боли. Он потянулся к дереву, ощупал его и пропел:

Дерево, что ты за дерево?

Расскажи мне что-нибудь о себе!

Дерево на это ответило:

— Какое, ты думаешь, я дерево? Я дуб. Я развилистый дуб, что стоит посреди долины. Вот какое я дерево, — сказала оно.

— Вот оно что! Не скажешь ли мне, нет ли где поблизости воды? — спросил Трикстер.

Дерево ответило:

— Ступай прямо. — Вот что оно сказала ему.

Он пошел дальше и наткнулся на другое дерево. От удара он отлетел назад и снова пропел:

Дерево, что ты за дерево?

Расскажи мне что-нибудь о себе!

— Какое, ты думаешь, я дерево? Я красный дуб, что стоит на краю долины. Вот какое я дерево.

— Вот оно что! Не скажешь ли мне, нет ли где поблизости воды? — спросил Трикстер.

На это дерево ответило:

— Держи путь все прямо и прямо.

И он опять пошел. Вскоре он снова налетел на дерево. Он заговорил с ним и пропел:

Дерево, что ты за дерево?

Расскажи мне что-нибудь о себе!

— Какое, ты думаешь, я дерево? Я гладкий вяз, что растет среди других. Вот какое я дерево.

— Не скажешь ли, нет ли где поблизости воды?

Дерево ответило:

— Иди как идешь, все прямо.

Он пошел дальше и вскоре наткнулся на следующее дерево. Он дотронулся до него и пропел:

Дерево, что ты за дерево?

Расскажи мне что-нибудь о себе!

— Какое, ты думаешь, я дерево? Я липа, что стоит на берегу, у самой воды. Вот какое я дерево.

— Вот оно что! Как хорошо, — сказал Трикстер.

И он тут же прыгнул в воду. Лежа в воде, он тщательно вымылся.

Говорят, что старик чуть не умер тогда, с таким трудом он нашел воду. Если бы деревья отказались с ним разговаривать, он наверняка бы умер. В конце концов, спустя долгое время и

с превеликим трудом ему удалось отмыться, так как испражнения, намертво присохшие к коже, никак не хотели отставать. После того, как он вычистился сам, он вымыл свое енотовое одеяло и короб⁶⁸.

26

Когда он мылся и чистился, он случайно посмотрел в воду и, к своему великому удивлению, увидел в ней множество слив. Он рассмотрел их очень внимательно, а затем нырнул за ними. Но все, что ему удалось вытащить — это несколько камешков. Он снова нырнул под воду. Но в этот раз он так ударился о подводный камень, что лишился чувств. Через некоторое время он всплыл и постепенно пришел в себя. Он лежал на поверхности воды, на спине, и когда он открыл глаза и посмотрел вверх, то там он увидел множество слив. Все, что он видел в воде, было лишь отражением⁶⁹. Тогда он понял, что он наделал. «Ну и ну, какой же я дурак! Мне бы следовало догадаться, что к чему. Ведь я только причинил себе сильную боль».

27

Он вышел на берег и съел столько слив, сколько смог. Обвязав ремнем свое енотовое одеяло, он наполнил его доверху сливами и отправился вниз по течению.

Он шел все дальше, и вдруг, к своему большому изумлению, заметил овальный дом. Он подошел поближе, украдкой заглянул внутрь и увидел там двух женщин и много детей. Он взял одну сливу и бросил ее в отверстие в крыше дома. Это наделало там много шума. Женщины схватили сливу. Он повторил

это еще раз, и вскоре одна из женщин вышла наружу и с удивлением обнаружила, что там стоит мужчина:

— Ага, это делает мой старший брат.

Женщина и ее подруга пригласили его войти внутрь, и когда он вошел в дом, он каждой женщине дал по сливе. Тогда они спросили его:

— Где ты взял эти сливы, старший брат?

— Я знаю одно место, сестры, где их много, и если вы захотите собрать их, я расскажу вам, куда идти.

— Мы бы очень хотели собрать хоть немного, брат, — сказали они, — но мы никак не можем оставить без присмотра наших детей — они такие непослушные.

— Послушайте, сестры, если вы так хотите пойти, то я могу последить за вашими детьми вместо вас, — предложил Трикстер.

— Ты очень добр, старший брат, — сказали они.

— Вы ни за что не сойдёте с пути, — добавил он, — там слишком много слив. Вы даже не сможете собрать их все, до того их там много. И если к вечеру, на закате, вы увидите красное небо, знайте, что это от слив⁷⁰. Не поворачивайте назад, и вы найдете то, что хотели.

Женщины отправились за сливами, и как только они скрылись из виду, Трикстер убил детей, опалил их и сварил. Это были еноты.

— Так-так, кажется, на этот раз я поем вдоволь! — сказал он.

Он съел очень много, очень много мяса енота. Когда он наелся, он отрезал голову у одного из детей, насадил ее на шест и поставил шест у двери, как будто ребенок выглядывает наружу и смеется⁷¹. После этого он пошел к холму, который был неподалеку.

У этого холма он встретил самку скунса и сказал ей:

— Бабушка, я хочу попросить тебя сделать для меня кое-что прямо сейчас.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала? — спросила самка скунса.

— Бабушка, я хочу, чтобы ты прорыла сквозь этот холм лаз, и я хочу, чтобы ты прорыла его прямо сейчас.

— Хорошо, — согласилась самка скунса.

Она тут же начала копать. Она была очень быстрым землекопом и копала очень глубоко. Он же присел и наблюдал за ней. Как только она совсем скрылась под землей, он последовал за ней, сел и стал смотреть, как она копает. Он попросил ее поторопиться:

— Быстрее, сестра, копай быстрее, быстрее! — Так он говорил.

Она выкопала лаз еще глубже, и он опять сказал:

— Поторопись, сестра, поторопись, круглая вульва!

Тогда самка скунса остановилась и сказала:

— Что ты сказал, внучек? Не сказал ли ты «круглая вульва»?

— Да нет же, бабушка. Я сказал: «Поторопись, поторопись! Рой скорее, скорее рой землю!» Вот что я сказал.

Тогда она опять начала копать, и снова он повторил то, что сказал раньше. Он сидел и смотрел на нее, когда это говорил. Когда она копала, то нагибалась и поворачивалась к нему анусом. Он же, когда говорил это, смотрел на нее. Через некоторое время он снова сказал:

— Сестра, поторопись, копай быстрее! Круглая ты вульва!

— Что ты сказал, внучек?

— Ах, бабушка, копай же, копай скорее! Я сказал, что мне становится жарко.

И она снова стала копать, он же опять сказал это, и тогда она остановилась и переспросила его. И опять он повторил ей совсем не то. Четыре раза он так говорил ей, и наконец она закончила работу, прокопав лаз через холм. Она сделала все очень быстро, конечно же, очень быстро. Трикстер взял немного сухой травы, собрал ее в две охапки и положил по одной с каждого конца лаза. После этого он подошел к той стороне холма, что примыкала к дороге, и стал ждать.

29

Вскоре вернулись женщины. Он заметил их издалека. Когда они увидели его, он вошел внутрь холма. Подходя к дому, женщины злились все больше, потому что им так и не удалось найти ни одной сливы. Когда они подошли к дому, они были очень рассержены тем, что один из детей выглядывает из дверей. Ребенок улыбался.

— Что это еще за шутки? Мы так и не нашли ни одной сливы.

— Я очень сердита, — сказала одна из женщин.

Она ударила ребенка по щеке, и голова тут же свалилась с шеста⁷². Тут, к своему ужасу, она увидела, что это лишь голова ребенка. Обе женщины закричали:

— Бедные наши дети! Он их убил! Это, наверное, Трикстер! Это он, должно быть, только что вошел внутрь холма!

Они плакали навзрыд.

Вскоре Трикстер вышел им навстречу. Он изменил свой облик и выкрасил лицо черным⁷³. Он подошел к ним и спросил:

— Сестры, о чем вы так плачете?

И они ответили:

— Трикстер убил наших детей и съел их.

— Хотел бы я поймать его для вас! Когда я слышу о нем подобные вещи, меня всегда так и тянет поймать его! Не знаете ли вы, куда он ушел?

Они сказали:

— Совсем недавно кто-то вошел внутрь холма. Наверное, это и был Трикстер.

— Ну, сейчас он за все заплатит! Куда, вы говорите, он ушел? Пойдемте, вы покажете мне дорогу.

Они пошли туда и увидели лаз, очень широкий, только что выкопанный лаз.

— Сейчас он свое получит! Да, наверняка это он и был! — сказал человек.

Затем он вошел в лаз, и когда он был уже достаточно глубоко, то постарался произвести как можно больше шума, как будто он кого-то бил. Потом они слышали внутри холма что-то похожее на стон. Чуть погодя из лаза показался Трикстер, весь в крови. Его нос был подбит и запачкан кровью. Конечно, он сам разбил себе нос и потом вышел наружу.

— Ну и здоровый же он оказался! Недаром про него так много говорят! Он жестоко сопротивлялся, но я все же убил его. Вы, конечно же, слышали, как мы дрались. Он остался там, внутри. Теперь вы можете пойти и взять его. Он мертв, и вам нечего бояться.

Так Трикстер говорил женщинам.

Женщины вошли внутрь, но через несколько минут вернулись обратно.

— Он внутри, чуть подальше. Не бойтесь его.

Женщины углубились в лаз, и как только они ушли доста-

точно далеко, он положил в проход сено и поджег его. Затем он побежал к другой стороне холма и там тоже положил сено и поджег. Когда сено выгорело, он вошел внутрь и вытащил оттуда енотов. Они были изрядно опалены.

— Теперь-то уж я поем сала, — сказал Трикстер.

30

Но сначала он отправился к воде. Он тщательно вымыл енотов, развел огонь и сварил их. Через некоторое время он взял ту, что лежала на дне, и переложил ее наверх. Затем он наломал веток и выложил на них еду. Он уже было собрался поесть и положил в рот первый кусок, как вдруг услышал над головой скрип.

— Так-так, — сказал он нетерпеливо, но мясо есть не стал.

Он опять собрался положить в рот кусок мяса, но снова услышал скрип. И снова он не стал есть. И в третий, и в четвертый раз случилось то же самое. Наконец он огляделся и, к своему огромному удивлению, увидел большое дерево, которое поскрипывало ветвями. Он вскарабкался на него и сказал:

— Почему, как только я собираюсь поесть, ты дразнишь меня?

Сказав это, он попытался разломить ствол в том месте, где дерево раздваивалось, но его рука утонула в разлом. Она крепко застряла, и, что бы он ни делал, он не мог освободиться.

31

В тот момент мимо пробежала стая волков. Он закричал им:

— Бегите себе мимо. Я только что собирался поесть, но моя рука застряла в ветвях дерева. Вот почему я здесь. Под деревом лежит немного мяса, которое я приготовил для себя.

Не вздумайте его есть⁷⁴.

— Так-так, здесь что-то есть, — сказали друг другу волки.

Они побежали туда, и когда подбежали близко, увидели приготовленную еду. Еды было много.

— Послушайте, — прокричал им с дерева Трикстер, — вы можете поесть немного, но оставьте и мне что-нибудь.

Но они не обратили на него никакого внимания и съели все мясо, которое там было. Трикстер сказал:

— Не трогайте хотя бы похлебку, ведь вы и так уже сожрали все мое мясо.

Но они взялись за похлебку и съели все, что нашли. Покончив с едой, они убежали.

— О, эти алчные братья, как они меня огорчили! Это из-за тебя у меня все неприятности, — сказал он, повернувшись к развилке дерева.

Он разломал ствол, и дерево упало⁷⁵. Затем он побежал в том направлении, куда скрылись волки.

32

Так он бежал и прибежал в долину. Там он услышал, как кто-то бьет в барабан, и удары барабана сопровождаются боевыми кличами⁷⁶. Кто-то пытался произвести как можно больше шума. Этот шум был таким громким, что, казалось, достигал небес⁷⁷.

— Интересно, что делают эти люди? Хотелось бы мне разузнать все поподробнее, давно уже я не веселился. Что бы они ни делали, я присоединюсь к ним. Если они собираются танцевать, я тоже стану танцевать. Раньше я был неплохим танцором.

Так говорил Трикстер.

Потом, когда он шел через долину, он снова и снова слышал этот шум. Все кричали от радости. Это было чудесно! «Ах, должно быть, там много народу», — думал Трикстер. И снова он услышал, как они кричат, и когда опять ударили в барабан, можно было подумать, что разрываются небеса. Затем люди опять издали оглушительный крик. Ему так захотелось принять участие в общем веселье, что он пустился бежать. Крики теперь раздавались уже совсем близко. Однако он все еще никого не видел. И снова он услышал крики. Они были очень громкими. Казалось, что небо разрывается на куски⁷⁸.

Ему уже казалось, что он находится среди кричащих людей. И все же он никого не видел. Однако неподалеку он заметил кости какого-то животного, а еще немного дальше он увидел то, что при ближайшем рассмотрении оказалось черепом лося. На черепе в разные стороны ветвились рога. Он тщательно осмотрел его и наконец увидел, от чего исходит шум и где происходит торжество. Оно было внутри лосиного черепа. В черепе роились мухи⁷⁹. Они залетали внутрь черепа и вылетали обратно, производя шум, который Трикстер и принимал за крики. Он посмотрел на мух и увидел, что им ужасно нравится то, чем они заняты, и Трикстер им позавидовал.

«Я сказал, что присоединюсь к ним, что бы они ни делали. Так я и поступаю. Интересно, что я должен сделать, чтобы присоединится к ним?» — размышлял про себя Трикстер. Потом он сказал:

— Младшие братья, вам, я вижу, очень весело. Вы, конечно же, заняты очень важным делом. Мне бы очень хотелось стать таким же, как вы. Как мне это сделать? Покажите мне, что надо сделать, чтобы я тоже мог к вам присоединиться. — Так он говорил.

Они ответили ему:

— Это совсем не трудно. Мы залетаем в череп через шею, как ты сам, наверное, видел. — Так они говорили.

Трикстер попробовал влезть туда, но у него ничего не вышло. Он очень хотел сделать это, но у него ничего не получалось.

— Как же вам удастся залетать внутрь, мои младшие братья? — спросил он мух.

Хоть он и был великим человеком, он не смог совершить этого, как ему ни хотелось⁸⁰. Они сказали ему:

— Если ты хочешь войти внутрь черепа, просто скажи: «Шея, стань шире!» И она станет шире. Так ты сможешь войти внутрь. Мы так и делаем. — Вот что они ему сказали.

Он сел и сказал:

— Шея, стань шире!

И шейное отверстие стало шире. Затем он просунул в него голову и вошел в череп. Он просунул ее по самую шею. Все мухи тотчас вылетели из черепа, и отверстие, в которое он просунул свою голову, снова стало маленьким. Его голова оказалась накрепко запертой в лосином черепе. Он прилагал все усилия, чтобы освободиться, но все было напрасно. Он ничего не мог поделать. Он не мог вытащить свою голову из лосинового черепа. Когда он понял, что ему ничто не поможет, он направился к реке с черепом на голове. У него были большие ветвистые рога, потому что на голове он нес лосиный череп. Подойдя к реке, он пошел вдоль берега и наконец пришел к месту, где жили люди. Там он дождался наступления ночи. На следующее утро он сделал вот что. Как только люди пришли к реке за водой, он лег на берегу, накрывшись своим енотовым одеялом. Выглядел он довольно устрашающе. Тело его целиком было укрыто енотовым одеялом, а на голове были длинные ветвистые рога.

Рано поутру одна из женщин пошла за водой и увидела его. Она бросилась бежать, но он сказал ей:

— Вернись, я благословляю тебя!⁸¹

Она остановилась и подошла к нему, и он сказал ей:

— Теперь иди домой. Возьми топор и принеси его сюда. Потом соверши все требуемые обычаем приношения, о которых тебе скажут родственники. Если ты ударишь меня топором по голове, ты сможешь использовать все, что найдешь внутри, в качестве знахарского снадобья, и получишь все, что захочешь. Я — дух лося. Я благословляю эту деревню⁸². — Так он говорил ей.

И еще он добавил:

— Я — один из великих духов, обитающих в этих водах⁸³.

Женщина пошла домой и рассказала жителям деревни о том, что случилось.

— Там, где мы обычно берем воду, я встретила духа воды, который благословил меня. Он сказал, что у него есть «ящичек со снадобьями»⁸⁴ в коробе, который он носит. И если мы принесем топор, соберем приношения и положим их там, а потом ударим его по голове топором и расколем ее, то все, что мы найдем внутри, можно будет использовать как снадобье.

Так она говорила.

Жители деревни собрались и пошли к реке, взяв с собой приношения, и, конечно, там они увидели его, и выглядел он довольно устрашающе. Приношения — красные перья, шкуру белого оленя, пояса из красной пряжи⁸⁵ — они принесли с собой во множестве. Они разложили все это перед ним и выбрали человека, которому предстояло взяться за топор. Он ударил по черепу и расколол его. И — ба! — тут они увидели

смеющегося над ними Трикстера. Он поднялся с земли и сказал:

— Я носил такое великолепное украшение на голове, а вы взяли и испортили его!

И он громко расхохотался. Когда он встал, люди воскликнули:

— Это Трикстер!

Однако он заговорил с ними:

— Раз уж вы сделали мне эти приношения, они не пропадут даром⁸⁶. Ибо для чего бы вам ни вздумалось использовать этот череп, вы получите то, что захотите.

Тогда они изготовили всякие знахарские средства для лечения болезней и потом нашли их вполне пригодными. Трикстер же покинул их и отправился дальше.

34

Однажды он встретил ястреба. Ястреб летал и высматривал падаль.

— Ты, скверная, ни на что не годная птица, однажды ты сыграла со мной злую шутку, за которую я давно мечтаю с тобой поквитаться.

Вот что было на уме у Трикстера. Он лег у самой воды, где волны накатываются на берег, и принял вид большого мертвого оленя-самца. Такого, который умер, но тело еще не успело разложиться. Вороны были уже там, желая полакомиться трупом, однако они нигде не могли отыскать удобного места для атаки, так как шкура была достаточно прочной, потому что тело еще не начало гнить. Тут подлетел ястреб, и вороны стали звать его. Они говорили друг другу:

— Обычно только у него есть острый нож.

Им пришлось звать его несколько раз, прежде чем он под-

летел. Он был настроен весьма решительно. Он обошел вокруг животного в поисках удобного места для нападения. Наконец, он зашел сзади и начал клевать прямую кишку. Этим он причинил Трикстеру такую боль, что тот чуть не подпрыгнул. Затем ястреб сунул голову в кишку, чтобы добраться до внутренних органов. Как только голова ястреба проникла достаточно глубоко, Трикстер плотно сжал кишку и вскочил.

— Ага, господин ястреб, когда-то ты причинил мне сильную боль, и я давно хотел рассчитаться с тобой.

Затем он пошел дальше. Ястреб пытался освободиться, но безуспешно. Он никак не мог освободиться. Сначала он все время хлопал крыльями, но потом он хлопал ими все реже и реже.

35

Трикстер продолжал идти. Скоро он встретил медведя, и медведь сказал ему:

— О, Куну, как идет тебе этот хвост!

Трикстер ничего не ответил и шел дальше.

— О, Куну, как идет тебе этот хвост, если бы и у меня был такой же!

Прошло еще немного времени, и медведь опять сказал:

— О, Куну, как идет тебе этот хвост, нельзя ли и мне найти такой же?

Тогда Трикстер, наконец, ответил ему:

— Ты все время говоришь одно и то же. Такой хвост получить совсем не трудно. Почему бы и тебе не сделать себе такой? Не так давно я увидел его, он мне понравился, и я получил его. Всякий, кто захочет, может сделать себе такой хвост.

— Хорошо, Куну, если ты думаешь, что можешь сделать мне такой, я очень хотел бы этого.

— Ну хорошо, я сделаю. Сейчас внимательно смотри на хвост, и если потом кто-нибудь попросит тебя дать и ему такой же, сделай то же самое.

Затем он обратился к ястребу:

— Давай, вылезай, требуется еще один хвост.

Он ослабил хватку, и сразу вокруг распространилось злово-
ние. Ястреб освободился и пошел прочь. Все его перья исчезли.

Трикстер повернулся к медведю и сказал:

— Ну вот, давай-ка я подготовлю тебя как следует для твоего хвоста, чтобы, когда ястреб вернется, я мог бы засунуть его в твою прямую кишку.

Затем он взял нож, разрезал прямую кишку медведя и, вытя-
нув его внутренности, убил его. Он развел огонь и опалил шкуру.

— Много же времени прошло с тех пор, как я последний раз пробовал то, что я люблю больше всего на свете! Теперь-то уж я наемся до отвала.

Он приготовил мясо и поставил его на огонь вариться.

36

Но тут у кромки воды он увидел норку, который шел к нему.

— Мой младший брат, вот и ты. Иди сюда, мой младший брат, я как раз собираюсь поесть. Давай поедим вместе. — Так он сказал.

Норка подошел к нему, и Трикстер опять заговорил с ним:

— Мой младший брат, вот какая мысль пришла мне в голову. Давай устроим состязание в беге. Победитель станет вождем. А тот, кто проиграет, будет подавать еду⁸⁷.

Он уже воображал, как норка будет подавать ему еду, так как он был совершенно уверен в победе. Он думал о том, как норка будет подавать еду и как он наестся.

Через некоторое время он снова заговорил с норкой и сказал:

— Знаешь, младший брат, поскольку земля здесь не очень-то пригодна для бега, давай побежим по льду.

Река в то время уже замерзла. И вот оба отправились к реке, к месту, откуда решено было начать бег. Целью был горшочек с едой. Победить должен был тот, кто первым прикоснется к еде⁸⁸. Порешив на том, они начали состязание. Скоро Трикстер сильно отстал. Тем не менее, он продолжал бежать, пока не достиг трещины во льду. Здесь он остановился и сказал норке:

— Младший брат, что ты такое сказал, когда подбежал к трещине во льду и перепрыгнул через нее?

Норка ответил:

— Я сказал: «Трещина во льду, стань шире!» А потом прыгнул.

Трикстер повторил слова норки: «Трещина, стань шире!» и прыгнул через нее. Но трещина во льду стала очень широкой, и он упал в воду. Тут же края трещины снова сошлись, и Трикстер оказался подо льдом. Именно так все и случилось. Пока Трикстер оставался подо льдом, норка сам подал себе еду и начал есть. Он наелся досыта.

Трикстер, тем временем, продолжал идти подо льдом, пока не пришел к тому месту, где сидел норка, и сказал:

— Мой младший брат, ты ел один, поэтому положи в рот маленький кусок для меня, возьми хороший кусок.

Он говорил это из-под трещины во льду. Затем норка положил для Трикстера себе в рот один кусок. Трикстер снова попросил его сделать то же, и он сделал это. Когда он попросил его в четвертый раз, тот положил себе в рот последний кусок мяса. Когда мясо было съедено, норка выпил всю похлеб-

ку и положил Трикстеру в рот кусок медвежьего помета⁸⁹.

— Вот это да! Ну и негодяй же он! Он еще издевается надо мной. За это ты умрешь!

Оскорбленный, он пробил лед, выбрался на берег и погнался за норкой. Но тот ускользнул под лед и был таков.

— стыдно попадаться на уловки такого ничтожного существа. Но когда-нибудь придет и мой черед! Ему все равно никуда от меня не деться. — Так он говорил.

37

Вскоре он пришел к человеческому жилью и пошел в деревню, где он был женат. Здесь он надеялся подготовить все для того, чтобы отомстить норке. Он одолжил очень хорошую охотничью собаку и сразу же пустился в погоню. Норка, однако, все не выходил из-под льда, поэтому у Трикстера не было никакой возможности до него добраться. Трикстер был готов на все, лишь бы отомстить норке.

38

Затем Трикстер продолжил свое путешествие. Вдруг он услышал, как что-то поет:

Трикстер, что это ты несешь?

Свой пенис, вот что ты несешь!

— Ну и ну! Какие отвратительные вещи говорит это презренное существо! Кажется, он точно знает, что я несу⁹⁰.

Он шел все дальше. Вскоре откуда-то, словно бы совсем рядом, он опять услышал пение:

Трикстер, что это ты несешь?

Свои тестикулы, вот что ты несешь.

— Ну и ну, кто это упоминает о таких вещах? Должно быть, он наблюдает за мной. Что ж, хорошо, теперь я буду носить эти вещи правильно⁹¹.

После этого он вытряхнул из своего короба все, что там было. Затем он взял тестикулы и поместил их вниз, ближе к спине. Когда он проделывал все это, он вдруг опять услышал, как совсем рядом кто-то поет:

*Трикстер, что это ты несешь? Что это ты несешь?
Твои тестикулы внизу, твои тестикулы внизу!*

— Что за презренное существо так издевается надо мной! Наверное, он наблюдает за моей поклажей.

И опять он переложил свой короб. Теперь он положил конец пениса наверх. Он пошел дальше, но вскоре неожиданно где-то поблизости снова услышал пение:

*Трикстер, что это ты несешь?
Свой пенис, вот что ты несешь! Ты положил конец
пениса наверх, ты положил конец пениса наверх!*

— Что за зловредное существо это говорит! — И он прыгнул в его сторону.

Но тот, кто пел песню, закричал: «Тиги! Тиги! Тиги!» и убежал. Он спрятался в полом дереве. Это был бурундук.

— За это я убью тебя, презренное существо, — сказал Трикстер. Тут он обратился к своему пенису:

— Теперь, мой младший брат, попробуй добраться до него, ведь он так долго досаждал тебе.

Трикстер вынул свой пенис и просунул его в отверстие. Но он никак не мог достичь дна. Тогда он еще немного вытащил пенис из короба, но и так ему не удалось достичь дна. Так он разматывал и разматывал свой пенис и погружал его все глубже внутрь, но все напрасно. Наконец, он взял то, что еще оставалось, полностью освободив короб, но пенис

так и не смог достичь дна. Наконец Трикстер забрался на бревно и попробовал просунуть его так глубоко, как только возможно, но и на этот раз он не смог достичь дна. «Хо!» — сказал он от нетерпения и внезапно вытащил пенис обратно. К его великому ужасу, от пениса осталась только небольшая часть.

— Горе мне, что он со мной сделал! Ну, презренная тварь, ты мне за это заплатишь!

39

Затем он разнес бревно на куски. Там он нашел бурундука и раздавил его и там же, к своему ужасу, он увидел свой изглоданный пенис.

— Горе мне, какого прекрасного органа он меня лишил! Но зачем я так говорю? Я сделаю из кусков предметы, которые люди смогут использовать.

С этими словами он взял конец своего пениса, тот, на котором совсем не было кожи, и объявил:

— Вот то, что люди назовут «озерная лилия».

И он бросил его в озеро неподалеку. После этого он собрал другие куски, объявляя по порядку:

— Это люди назовут «картофель», это люди назовут «турнепс», это люди назовут «артишок», вот то, что люди назовут «фасоль», вот то, что люди назовут «собачьи зубы», вот это люди назовут «острые когти», это люди назовут «рис».

Все эти куски он бросил в воду. Наконец, он взял самый конец своего пениса и объявил:

— Вот то, что люди назовут «кувшинка».

Он имел в виду широкую часть конца пениса.

То, что осталось от пениса, было не очень длинным. Когда

наконец он снова двинулся в путь, он оставил короб, в котором до этого хранил свернутым свой пенис.

Вот почему наш пенис имеет такую форму. Именно из-за всех этих событий пенис так короток. Если бы бурундук не изгрыз пенис Трикстера, то наш пенис выглядел бы так же, как вначале выглядел его пенис. Он ведь был такой большой, что Трикстеру приходилось носить его у себя за спиной. Было бы нехорошо, если бы пенис человека оставался таким же, так что бурундук был создан специально для этой цели⁹². Так говорят.

40

Затем Трикстер снова пустился в странствия. Скоро на его пути повстречался койот.

— Странствия — дело трудное, но вот мой младший брат странствует⁹³. Послушай, младший брат, я думаю, на вершине вон того холма что-то есть. Давай пойдем туда, — сказал Трикстер.

И вот они полезли на вершину холма. Когда они взобрались туда, их взору открылся замечательный вид на окрестные земли.

— Младший брат, говорят, что у тебя острый нюх. Так, во всяком случае, принято про тебя думать. Давай сыграем в игру «острый нюх»⁹⁴. У меня тоже тонкий нюх. Давай попытаемся по запаху определить место ближайшего человеческого жилья.

Оба, как и договорились, одновременно подняли свои носы по ветру и принюхались. Разумеется, они очень старались. Трикстер, естественно, не мог ничего унюхать. Но он решил притвориться, что может, и при этом следить за тем, что делает койот. Поэтому он отошел на некоторое расстояние и приостановился. Он шел по направлению к лесу. «Должно быть, он что-то учуял», — подумал койот. Тогда Трикстер сказал:

— Мой младший брат, там, у леса живут люди. Вот видишь, мой младший брат, мой нюх острее твоего.

Конечно, он ничего не мог почуять. Он просто подражал действиям койота, который, видимо, что-то учуял с той стороны, а Трикстер это заметил.

— Что же, мой младший брат, неужели ты ничего не чувствуешь? — продолжал Трикстер.

Койот ответил, что ему тоже показалось, что там что-то есть. Трикстер сказал:

— Ах, мой младший брат, теперь я вижу, что и ты тоже кое-что можешь. Ну что ж, мой младший брат, пойдем туда.

И вот он направился к тому месту. Когда он добрался до него, там действительно оказалась деревня, в которой жили люди. Он остался в этой деревне и через некоторое время женился. Прошло немного времени, и у него родился ребенок. Поскольку как раз тогда племя той деревни готовилось к осеннему кочевью, он перебрался в другое место и стал жить один. Там он остался и устроил свое постоянное жилье. Он никогда не возвращался в деревню, где женился в первый раз. Однажды он заговорил с койотом и сказал:

— Мой младший брат, пришло время мне пойти и проведать кое-кого⁹⁵.

41

Сначала он пошел в деревню ондатры. Все ее жители были очень рады его приходу. Дети кричали:

— Наш дядя пришел!

Они повторяли это снова и снова. Тогда старый ондатра-самец заговорил с ним. Он сказал:

— А, мой старший брат пришел! Это хорошо.

Обернувшись к своей жене, он сказал:

— Старуха, приготовь какой-нибудь еды для моего старшего брата, да поскорей! Свари для него корней, корней озерной лилии.

Она дала ему ведро, он вышел и принес немного льда. Затем он взял острый инструмент — шило, и начал крошить лед. Скоро ведро было полно льда. Этот колотый лед он понес своей жене. Она взяла его и повесила на крюк над огнем. Вскорости, как это ни удивительно, она вынула из котла немного корней озерной лилии. Котел к тому времени был полон этих корней, несмотря на то, что вначале в него положили лед. Трикстеру они очень понравились, и он съел довольно много. Когда он закончил есть, то сразу ушел, однако намеренно оставил под ковриком одну из своих рукавиц, чтобы иметь предлог вновь позвать хозяина, как будто он что-то позабыл в доме. Он немного отошел от деревни, обернулся и прокричал:

— Эй, младший брат, я забыл у тебя в доме одну из своих рукавиц. Пошли кого-нибудь из детей, пусть принесет ее мне.

Когда старый ондатра услышал это, он сказал одному из своих детей:

— Отнеси эту рукавицу своему дяде. Но помни, что он любит поговорить. Не подходи к нему близко, а пройди только часть пути и брось ее ему.

Сын хозяина, как ему было велено, прошел только часть пути и собрался уже кинуть Трикстеру рукавицу, как тот сказал:

— Принеси ее мне, я боюсь возвращаться. Поэтому я и прошу тебя принести ее.

Тогда он подошел к Трикстеру и отдал ему рукавицу, и Трикстер сказал:

— Передай своему отцу, чтобы утром он пришел ко мне.

Когда маленький ондатра вернулся, он сказал отцу:

— Отец, дядя попросил тебя прийти навестить его завтра утром.

— Я так и знал, что он скажет что-нибудь такое, вот почему я наказал тебе просто бросить ему рукавицу.

— Я и вправду прошел только часть пути и уже собирался бросить ее, но он остановил меня и сказал, что боится возвращаться. Поэтому он попросил меня подойти к нему, и я отдал ему рукавицу.

Когда Трикстер уходил, ему в дорогу хотели дать немного корней озерной лилии для его жены, но он отказался и сказал:

— Не стоит беспокоиться, мой младший брат, у нас дома достаточно еды⁹⁶.

Но он, конечно же, говорил неправду, тогда у них дома совсем не осталось съестного, ведь именно поэтому он и пришел к ондатре.

На следующее утро ондатра пришел к Трикстеру.

— В такой день, младший брат, не всякий выйдет из дома, но ты все же пришел ко мне! Что ж, младший брат, чем же мне тебя угостить? Старуха, дай-ка мне мой мешок и острый инструмент.

Старуха была весьма удивлена его просьбе, но все же принесла то, что он просил. Трикстер вышел и принялся колоть лед и колот его довольно долго. Он наполнил мешок льдом и принес его обратно. Затем он поставил котел на огонь и положил в него колотый лед. Его жене при этом было очень за него стыдно.

— Послушай, свояк, должно быть, он видел, как ты делаешь что-то подобное, вот он и ведет себя так, — сказала она.

Некоторое время спустя котел нагрелся, лед стал таять, и вода начала переливаться через край. Воды вылилось так много,

что она залила огонь. В конце концов они вынуждены были вылить содержимое котла на улицу.

Трикстер, ничуть не смутившись, сказал:

— Удивительно, почему это вода ведет себя так странно?

Раньше у меня всегда все получалось.

Тут ондатра взял мешок, вышел, доверху наполнил его льдом и принес обратно. Затем он высыпал все из мешка в углу жилища. Лед превратился в корни озерной лилии. Потом он опять вышел и вернулся с полным мешком льда. Его он тоже высыпал, и лед превратился в корни озерной лилии. Четыре раза он сделал это. Жена Трикстера очень его благодарила.

— Ты, злобная старуха, что ты такое говоришь! Сколько раз я делал это для тебя и не слышал ни слова благодарности! А теперь ты благодаришь этого человека!

Затем ондатра ушел домой. Трикстер сказал своей жене:

— Вот что нужно делать, чтобы у нас всегда было много корней озерной лилии, так сказал мне старый ондатра. Так или иначе, старуха, на какое-то время этого должно хватить для нас и наших детей. Теперь им долго не придется голодать.

42

Через некоторое время они съели все запасы, и Трикстер сказал:

— Ладно, старуха, пойду навещу одного из своих младших братьев.

— Хорошо, отправляйся, — сказала его жена.

И он пошел туда, где жил бекас. Когда он пришел, бекас сказал:

— А, мой старший брат, в такой день не всякий выйдет из дома, но ты все же пришел ко мне!

Бекас и его дети были очень рады приходу Трикстера. Затем бекас сказал своей жене:

— Эй, старуха, что мой свояк будет есть?

— Почему бы тебе не добыть для него рыбы? — предложила старуха.

— Хорошо, передай-ка мне лесу для ловли, — попросил старик.

Он взял лесу и вышел. Он пошел к тому месту, где дерево склонилось над самой водой. К нему он подошел и прокричал:

— Ри-ри-ри-ги!

И скоро туда приплыло множество рыб. Из них он выбрал самую большую. Подождав, когда она приоткроет одну из жабер, он вошел в нее и вышел через другую. Так он связал рыбу и принес домой. Трикстер очень обрадовался. Они тут же сварили рыбу, и он съел столько, сколько хотел. Когда он закончил есть, он поблагодарил их и сказал:

— Ах, мой младший брат, как хорошо, что ты всегда можешь достать любую рыбу, какую захочешь!

— Старший брат, возьми немного рыбы для своих детей. Я могу сходить и наловить для тебя.

— Младший брат, у нас и так дома рыбы довольно, — ответил ему Трикстер с притворным достоинством в голосе.

На самом деле, они остро нуждались в еде. А сказал он это просто для того, чтобы произвести впечатление.

Затем он нарочно оставил одну из рукавиц под ковриком и ушел. Он немного отошел от деревни и прокричал:

— Младший брат, пусть один из твоих детей принесет мне рукавицу, которую я забыл у тебя в доме. Она осталась под ковриком.

Затем старый бекас сказал одному из своих детей:

— Возьми эту рукавицу и отнеси ее ему, но не подходи к нему близко, потому что он любит поговорить.

Маленький бекас понес рукавицу, но только он собрался бросить ее, как Трикстер сказал:

— Иди сюда, сынок, я боюсь возвращаться, поэтому я хочу, чтобы ты подошел и отдал ее мне.

Когда маленький бекас послушался и принес рукавицу, Трикстер сказал:

— Передай своему отцу, чтобы завтра утром он пришел навестить меня.

Когда маленький бекас вернулся домой, он сказал:

— Отец, дядя попросил навестить его завтра утром.

— Вот почему я велел тебе не подходить к нему.

— Я остановился и хотел бросить ему рукавицу, но он сказал, что боится возвращаться. Вот он и попросил меня отдать ее ему. Я сделал так, как он говорил.

Утром бекас отправился навестить Трикстера, и Трикстер сказал:

— Возможно ли это! В такое время мало кто захочет выйти из дома, и все же ты пришел ко мне!

Дети тоже очень обрадовались.

— Наш дядя пришел, — сказали они.

— Ну, старуха, дай-ка мне лесу, чтобы зятю было чем у нас угоститься.

Жена не знала, зачем ему это, но в конце концов она принесла лесу. Он взял ее и вышел. Подойдя к самому берегу реки, он сказал:

— Чигирихиджеже.

«Какие странные звуки он произносит», — подумала старуха. Тут к берегу подплыло множество всякой рыбы. Он выбрал самую крупную, и, когда рыба приоткрыла свои жабры, собрался войти в нее через одну из них. Но по ошибке он вошел ей прямо в глотку. Так рыба проглотила Трикстера. Дети начали плакать, и жена Трикстера сказала бекасу:

— Послушай, зять, должно быть, он видел, как ты делал что-нибудь подобное. Поэтому, наверное, он и ведет себя так странно. Никогда раньше я не видела, чтобы он так себя вел. Тогда бекас сказал:

— Свояченица, нет ли у тебя еще одной леси?

Она тут же принесла ему лесу, и он пошел к тому месту, где дерево наклонилось над водой, и стал кричать. К нему приплыло множество рыб, однако той, что проглотила Трикстера, нигде не было видно. Наконец приплыла и она, *шававанкише*. Бекас внимательно следил за ней и, когда ее жабры слегка приоткрылись, тут же вошел внутрь рыбы и вскоре вышел наружу вместе с Трикстером. Трикстер засмеялся:

— Никогда еще, мой младший брат, со мною не приключалось такого. Это в первый раз. Я подумал, что ты наверняка проголодался после такой долгой дороги, поэтому я очень торопился и все так получилось.

Бекас же в тот день наловил много рыбы, и теперь еды у них должно было хватить надолго. Когда бекас ушел, Трикстер сказал:

— Что, старуха, каков из меня добытчик? Теперь рыба долго у нас не переведется.

Потом они нажарили себе рыбы. Так они ели жареную рыбу долго, очень и очень долго.

Некоторое время спустя вся рыба кончилась и Трикстер сказал:

— Пора мне, старуха, опять навестить одного из моих младших братьев, ведь только так я смогу добыть еды. Я собираюсь навестить моего младшего брата дятла.

— Хорошо, — сказала старуха.

И вот он пошел навестить своего младшего брата. Когда он пришел, дятел сказал:

— Мой старший брат, дороги в эту пору не слишком хороши для путешествий, но все же ты пришел повидаться!

— Да, мой младший брат, я долго шел, — сказал Трикстер.

Затем жена дятла сказала:

— Чем же, старик, угостить нам свояка? Свежее мясо все вышло.

— Что ж, старуха, дай мне шило.

Она принесла ему шило, и он прикрепил его к клюву. Затем он подошел к шесту, что находился посреди жилища, прыгнул на него и прокричал:

— Кованк! Кованк! Кованк!

После этого он посмотрел вокруг. Потом он застучал по шесту клювом, восклицая при этом:

— Коко!

И тут же вниз упал медведь. Они положили его на огонь и опалили шкуру. Затем они разделали тушу и положили куски в котел. Скоро мясо было совсем готово, и они тут же подали его. Трикстер съел очень много, ведь он по-настоящему проголодался. Когда он наелся, дятел сказал:

— Ты можешь взять немного мяса с собой для детей, мой старший брат.

Но тот ответил:

— Я знаю, что ты желаешь мне добра, младший брат, но, прошу тебя, не беспокойся. Иногда я тоже пользуюсь шилом.

Затем он нарочно припрятал одну из своих рукавиц под коврик, попрощался и вышел. Пройдя немного, он прокричал:

— Младший брат, я забыл под ковриком одну из своих рукавиц. Пусть кто-нибудь из твоих детей принесет ее мне.

Дятел позвал одного из своих детей и сказал ему:

— Отнеси эту рукавицу своему дяде, но не подходи к нему близко, а брось ее ему, потому что он любит поговорить.

Ребенок пошел туда, остановился и хотел уже бросить рукавицу, как Трикстер сказал:

— Иди сюда, подойди сюда, сынок, я боюсь возвращаться и поэтому хочу, чтобы ты отдал ее мне.

Тогда он подошел и отдал рукавицу, и Трикстер сказал:

— Передай своему отцу, чтобы завтра утром он пришел навестить меня.

Ребенок вернулся обратно и сказал:

— Отец, завтра утром дядя просит навестить его.

— Вот поэтому я и сказал тебе, чтобы ты не подходил к нему близко, а бросил рукавицу издалека, — ответил отец.

— Я и хотел ее бросить, но он запретил мне делать это и сказал, что боится возвращаться. Он попросил, чтобы я отдал ему рукавицу прямо в руки. Тогда я принес ее ему.

На следующее утро, в ранний час, дядя отправился в гости к Трикстеру. Тот ждал его прихода с большим нетерпением, но заговорил с ним так, будто был удивлен его приходом:

— Вот это да! Пришел мой младший брат! И это при том, что дороги просто ужасны!

Старуха спросила:

— Чего бы тебе хотелось поесть, зять?

Тут Трикстер перебил ее и сказал:

— Мне кажется, у нас кончилось свежее мясо. Старуха, дай мне шило.

Поскольку жена уже знала, почему он ведет себя так, она дала ему шило. Он воткнул его себе в нос, подошел к шесту, что находился в центре жилища, вскарабкался по нему на самый верх и сказал:

— Кованк! Кованк! Кованк!

Затем он застучал шилом по шесту, чем наделал очень много шума. Он так вогнал шило себе в нос, что сорвался с шеста и упал на землю без сознания. Из его носа обильно шла кровь. Дети заплакали. Когда старик, наконец, очнулся, его жена сказала:

— Ах, дорогой зять, должно быть, он видел, как ты делал что-то подобное, поэтому он и ведет себя так странно. Раньше он так никогда не делал.

— О, мой младший брат! — воскликнул Трикстер. — Никогда еще со мной не случилось ничего похожего. Это в первый раз. Мне очень жаль, что все это произошло как раз тогда, когда ты пришел навестить нас.

Тогда дятел попросил шило, и они дали его. Он взял шило, вскочил на шест, осмотрелся и сказал:

— Кованк! Кованк! Кованк!

Он громко застучал по самому верху шеста и выбил енота. Енот упал на землю с глухим стуком. Тогда он сделал это в третий раз и опять выбил енота. Когда же он сделал это в четвертый раз, то выбил четырех медведей. После того, как он все это сделал, он спрыгнул с шеста и ушел.

Тогда Трикстер сказал жене:

— Что ж, старуха, вот как поступают настоящие мужчины, когда им хочется отведать сала⁹⁷. Теперь у нас будет вдосталь белого сала.

Они освежевали туши и из шкур нашили себе одежды. На некоторых шкурах они опалили шерсть. Они приготовили также и требуху, чтобы можно было использовать и ее, и тщательно вымыли кишки. Они даже вычистили прямую кишку. Теперь у них было вдоволь сала. Даже кости пригодились для похлебки. Одним словом, они не выкинули ничего, кроме помета⁹⁸. Теперь у них было полно медвежьего мяса. Они ели и пировали без конца, и жизнь их была приятна и радостна.

Но время шло, и они съели все, что было. Это случилось, должно быть, не так скоро, ведь медведи — крупные звери.

Тогда Трикстер сказал:

— Надолго, старуха, хватило нам мяса этих животных. Но теперь, думаю, пора мне снова навестить одного из моих младших братьев. Теперь я отправлюсь к моему младшему брату хорьку.

— Давай, и поторопись, если хочешь добыть хоть какой-нибудь еды для детей, они уже доели все сало. В доме ничего не осталось.

Итак, Трикстер отправился навестить своего младшего брата хорька. Когда он пришел к нему, хорек сказал:

— Вот это да! Мой старший брат пришел! Кажется, в такое время мало кто отважится пуститься в дорогу, и все же, наш старший брат, ты сделал это! И вправду, мой старший брат!

Дети тоже были очень довольны. Семья хорька была очень гостеприимна. Они всячески старались угодить Трикстеру. Затем старуха сказала:

— Что наш зять будет есть? Свежее мясо все вышло. Почему бы тебе не пойти и не раздобыть чего-нибудь? — сказала она своему мужу.

— Что ж, не осталось ли у нас, старуха, хоть немного желудей?

— Осталось, — сказала она и дала ему мешок. Он взял мешок с желудями, открыл дверь и сказал:

— Сюда, олени, идите сюда, поешьте желудей!

Вскоре отовсюду собралось множество оленей, и он рассыпал желуды по двору. Как только во дворе собралось достаточно оленей, он повернул к ним свой анус и пустил ветры в их сторону. Так он многих убил. Затем хорьки, муж и жена,

приготовили оленей. Часть мяса они положили в котел вариться. Вскоре мясо было готово и подано Трикстеру. Трикстер съел очень много оленины. Когда он наелся, они сказали:

— Старший брат, возьми с собой в дорогу столько, сколько сможешь унести. Возьми мяса для своих детей.

Однако Трикстер ответил:

— У нас и так достаточно оленины, ведь перед тем, как идти к вам, я делал то же самое. Но все дело в том, что перед тем, как идти, я израсходовал все боеприпасы. Вот зачем я пришел. Я хочу, чтобы вы дали мне четыре патрона⁹⁹.

— Хорошо, — сказал хорек и сделал что-то с прямой кишкой Трикстера.

После этого Трикстер отправился домой.

Отойдя немного от дома хорька, он вдруг сказал себе:

— На хорька никак нельзя положиться. Возможно, он надул меня, а я ничего и не заметил.

Так случилось, что он оказался рядом с холмиком, и тут он подумал, что было бы неплохо выстрелить по нему. Поэтому он повернул к холмику свой анус и пустил ветры. Холмик тут же исчез. «На этот раз приятель, кажется, меня не обманул». Через некоторое время он опять стал сомневаться в подарке хорька. Он подумал, что, быть может, сработал только первый патрон. И он решил еще раз испробовать их. Рядом росло большое дерево, и он решил выстрелить по нему. Он повернул к нему свой анус и пустил ветры в том направлении. Дерево вырвало из земли с корнями и разнесло в щепки.

— Да, кажется, братец говорил правду! — воскликнул Трикстер.

Затем он продолжил путь, но вскоре опять занервничал, думая, что только первые два выстрела оказались удачными. «Что же я переживаю понапрасну? Ведь я могу проверить еще

раз». Рядом был большой камень, и он решил выстрелить. Он повернул к нему свой анус и пустил ветры. Камень разлетелся на мелкие куски.

— Что ж, кажется, этот ненадежный приятель меня не подвел!

С этими словами он пошел дальше и вскоре уже был совсем близко от дома.

— Я просто уверен, что он-таки дал мне неполный комплект, — опять сказал себе Трикстер, — ведь, по правде говоря, он подозрительный тип. Он подарил мне больше, чем я ожидал от него: целых три патрона. Но что же это я болтаю зря. Я скоро и так все выясню.

Рядом был очень каменистый остроконечный холм. В него-то он и решил выстрелить. Он повернул свой анус к холму и пустил ветры, и холм исчез.

— Теперь я точно знаю, что младший брат меня не обманул. Зря я не верил ему¹⁰⁰.

И он пошел домой.

На следующее утро хорек пришел к Трикстеру.

— Вот тебе на! Не думал я, что в такое время можно отправиться в столь дальнюю дорогу, и вот, вижу, мой младший брат ко мне пожаловал!

Все в доме были рады приходу гостя. «Это наш дядя», — говорили они друг другу.

Они уже знали, что если говорят «к нам в гости пришел дядя», то в доме появится еда. Поэтому они заранее были рады приходу того, кто назывался дядей¹⁰¹. Старуха спросила:

— Чего ты хочешь поесть, зять?

Трикстер сказал:

— Не осталось ли в доме больше желудей?

Конечно, желуды нашлись. Они часто варили их.

— Вот тут есть немного, — сказала старуха, — но, может быть, он не ест такое.

— Дай их мне, а я уж придумаю, что с ними делать. Не зря же я спрашиваю.

Она дала ему желуди, он отворил дверь и рассыпал их по двору. Затем он спрятался, выставил наружу свой анус и сказал:

— Олени, идите сюда, поешьте желудей.

— Трикстер ведет себя так, как будто знает, что делает! — воскликнула старуха.

Вскоре к жилищу сбежалось множество оленей, некоторые даже забредали внутрь в поисках корма. Однако они ничего не видели. Вдруг они заметили Трикстера, который стоял в дверях и, повернув анус в их сторону, пытался выпустить газ. Он прилагал все усилия, но с каждой попыткой только все больше и больше пачкался. Конечно, как у него могло хоть что-нибудь получиться? Скоро все олени разбежались. Они даже наступили на него и наделали ему синяков. Он весь выпачкался в крови и грязи.

Тогда хорек сказал:

— Не осталось ли у тебя, свояченица, немного желудей?

— Есть еще немного, — ответила та.

— Вот и хорошо, дай-ка их мне, — попросил он.

Она отдала ему желуди, и он, приоткрыв дверь, рассыпал их по двору, приговаривая:

— Олени, идите сюда, поешьте желудей.

Сбежалось множество оленей, и он выпустил в них газ из своего ануса и многих убил. Только нескольким удалось убежать. Покончив с этим, он отправился домой¹⁰².

— Видишь, старуха, как нужно действовать, чтобы добыть много оленины.

Затем они стали свежевать туши, варить и жарить их частя-

ми и целиком прямо на огне и на вертеле. Оленей было очень много. Потом они взяли олений жир и заморозили его в земляных ямах. Из костей сварили похлебку. Шкуры выдубили, копыта опалили. Затем они разделали мясо и разложили его по мешкам. Они наделали очень много свежего сала. Из жира и кишок они приготовили оленью колбасу¹⁰³.

45

Однажды Трикстер сказал:

— Думаю, настало время нам вернуться обратно в деревню. Наверное, они соскучились по нам, особенно по детям¹⁰⁴.

— Ты прав. Я и сама об этом подумывала, — ответила жена.

Когда они были готовы тронуться в обратный путь, они упаковали вещи и начали их перетаскивать. Нужно было сделать не один переход. Трикстер решил делать короткие переходы. Дети тоже помогали в дороге, но поклажи было так много, что они не много успевали пройти за день. Через некоторое время они подошли к дому, и все жители деревни вышли поприветствовать их и помочь тащить вещи. Жители деревни были очень рады.

— Ку ну вернул ся! — кричали они.

Вождь жил посреди деревни, и рядом было построено длинное жилище для Трикстера. Вечером там собиралась молодежь, и Трикстер развлекал их, потому что он был очень добродушный и веселый¹⁰⁵. Юноши очень любили его компанию, и когда они ходили ухаживать за девушками в другие деревни, он ходил вместе с ними, просто для развлечения.

Однажды в деревню прибыл путешественник. Трикстер сразу узнал его¹⁰⁶. Юноши пытались пригласить незнакомца пойти с ними приударить за девушками, но он отказался. Трикстер сказал ему:

— Я знаю, что в тебя влюбилась дочь вождя. Это сказала мне одна старуха, которой все известно со слов самой девушки.

— Хорошо, — сказал незнакомец. — Я не хожу к девушкам, чтобы не мешать другим юношам, хотя я вовсе не прочь. Но никому не говори об этом. Сегодня ночью я попробую.

Тогда Трикстер взял рыбий жир и несколько корней артишоков, истолок их в жиру и дал юноше съесть. Он сделал это специально, чтобы сыграть с ним шутку. В ту ночь он отправился с незнакомцем. Они пришли туда, где обычно спала дочь вождя, и Трикстер показал ему, где она спит. Юноша зашел внутрь и оставался там всю ночь. Трикстер все время наблюдал за ним. На рассвете произошло нечто ужасное! Юноша только собрался уходить, как его неожиданно пробрало от рыбьего жира. Однако он и не догадывался, что это были проделки Трикстера. Он испачкал дочь вождя. Тут Трикстер закричал:

— Путешественник испачкал дочь вождя!

Он шел по всей деревне и кричал это. Путешественник, а это был не кто иной, как норка — ведь именно поэтому Трикстер сыграл с ним злую шутку — был сильно опозорен. Он только собрался жениться на дочери вождя, как с ним случилось такое! Норка убежал в кусты и больше не показывался. Трикстер от души смеялся над ним:

— Вот забавный приятель! Как я хотел тебя поймать, когда ты убежал от меня — а теперь ты сам пришел сюда! — Так он говорил.

В деревне, где они жили, было две лошади. На одной из деревенских девушек женился койот. Трикстеру очень хотелось отомстить койоту, а койоту, в свою очередь, не терпелось сыграть какую-нибудь злую шутку с Трикстером. Трикстер узнал о намерениях койота, и ему это совсем не понравилось.

— Не один раз он вредил мне, и я спускал ему, но теперь я не намерен терпеть. Пришло время сыграть с ним злую шутку, — сказал Трикстер.

Он отправился в дикое место¹⁰⁷, туда, где обычно паслись деревенские лошади. Одну из них он усыпил. Уверившись в том, что лошадь уснула, он разыскал мышь и сказал ей:

— Послушай, тут лежит мертвое животное. Сходи к койоту и скажи ему: «Там лежит труп животного, внучек, но сама я не могу никуда его перетащить. Он там, недалеко от деревни. Помоги перетащить его, и он будет наш».

Мышь охотно согласилась, побежала к койоту и сказала:

— Внучек, я знаю, что ты очень сильный. Поэтому хочу сказать тебе, что там, совсем недалеко от деревни, лежит мертвое животное. Было бы неплохо перетащить его в другое место. Я бы и сама это сделала, да у меня сил не хватает. Вот зачем я пришла за тобой. Ведь я испытываю к тебе сострадание¹⁰⁸.

Койот очень обрадовался и отправился к месту, о котором говорила мышь. Трикстер же в это время побежал в деревню и стал их там поджидать. Мышь и койот скоро пришли, и мышь привязала койота к хвосту лошади. Она крепко связала их. Койот сказал:

— Я очень силен, и точно знаю, что смогу тащить это животное. Животное, которое я потащу — это лось или олень.

— Ну что ж, все готово, теперь ты можешь тащить его, — ответила мышь.

— Хорошо, — сказал койот и начал тянуть.

Он разбудил лошадь, и она испугалась. Она вскочила и увидела, что к ее хвосту привязано какое-то животное. От этого она испугалась еще больше и пустилась во весь опор. Койот волочился сзади. Он был похож на ветку, которую тащат по земле. Лошадь поскакала в деревню, а Трикстер во весь голос закричал:

— Вы только посмотрите на нашего зятя, койота! Каким позорным делом он занимается! Посмотрите на него!

Все выбежали на улицу и там, к своему изумлению, увидели койота, привязанного к хвосту лошади и болтающегося на нем вверх и вниз. Наконец, лошадь подбежала к своему хозяину, и там ее поймали. Они отвязали койота, и когда он сел, его пасть так и дергалась. Он был сильно опозорен. Он даже не вернулся домой. Он ушел из деревни, и больше его не видели. В деревне у него была жена и много детей, но он и их бросил. С того времени койот больше не живет среди людей¹⁰⁹. Если кто-нибудь его замечает, он стыдливо убегает, а если к нему подходят слишком близко, его пасть дергается. Он до сих пор стыдится того, что с ним произошло.

47

Трикстер жил в этой деревне очень долго и вырастил много детей. Однажды он сказал:

— Теперь, пожалуй, хватит оставаться здесь. Я жил здесь очень долго. Теперь я опять собираюсь обойти вокруг земли и повстречать разных людей, ведь мои дети выросли. Я не создан для того, чем занимаюсь здесь¹¹⁰.

Затем он пошел вокруг земли. Он начал свое путешествие у истока реки Миссисипи и пошел вниз по течению. Миссисипи — это деревня духов, а река — их главная дорога. Он знал,

что реку скоро заселят индейцы. Именно поэтому он и отправился по ней. Все, что казалось ему препятствием для индейцев, он изменял. Он вдруг вспомнил, зачем он был послан на землю ее Творцом. Вот почему он устранил все препятствия на реке¹¹¹.

Когда он шел, он убивал и съедал всех существ, которые вредили людям. Дороги духов воды проходили совсем близко от поверхности земли, и он вогнал их вглубь. Дороги духов воды — это ямы на реках. На многих реках есть пороги, которые лодки не могут пройти, и он выравнивал дно реки, устраняя их.

48

Он шел вокруг всей земли и однажды он пришел туда, где был большой водопад. Он был очень высокий. Трикстер сказал водопаду:

— Переместись в какое-нибудь другое место, потому что здесь скоро поселятся люди, и ты будешь мешать им.

Водопад сказал:

— Я не уйду. Я сам выбрал это место и останусь здесь.

— Говорю тебе, ты пойдешь в другое место, — сказал Трикстер.

Но водопад отказался сделать это.

— Говорю тебе, что земля сотворена для людей, чтобы они жили на ней, а ты, если останешься здесь, будешь мешать им. Я пришел на эту землю, чтобы изменить ее. Если ты не сделаешь то, что я говорю, тебе придется нелегко.

Водопад сказал:

— Я уже сказал тебе, что я не сдвинусь с этого места и останусь здесь.

Тогда Трикстер вырезал себе палку и бросил ее в водопад, и низверг водопад на землю¹¹².

Наконец, он сделал каменный котел и сказал:

— Сейчас я в последний раз поем на земле¹¹³.

Он начал варить себе еду и, когда она была готова, положил ее на огромное блюдо. Он сделал это блюдо из камня. Там он сидел и ел. Он сидел на вершине скалы, и место, где он сидел, можно видеть и сейчас. Там же можно увидеть котел и блюдо, и даже отпечатки его ягодиц. Даже отпечатки его тестикул видны там до сих пор. Он ел неподалеку от того места, где Миссури впадает в Миссисипи. Потом он ушел и сначала погрузился в океан, а затем поднялся на небо.

Под миром, где обитает Творец Земли, есть другой мир, похожий на первый, и за него отвечает Трикстер. Черепаха отвечает за третий мир, а Кролик отвечает за мир, в котором живем мы¹¹⁴.

II

ПРИМЕЧАНИЯ К ЦИКЛУ О ТРИКСТЕРЕ

1. Вождь племени виннебаго ни при каких обстоятельствах не может вступить на тропу войны.
2. Обязанность добывать пищу к празднеству всегда возлагается на сыновей сестры.
3. Мужчине, вступающему на тропу войны, строго воспрещается вступать в половые сношения с женщиной.
4. Человек, который устраивает пир, всегда должен уходить последним.
5. Это, конечно, верно. Дело, однако, в том, что гости еще не закончили есть.
6. На церемонии, происходящей перед вступлением на тропу войны, то есть во время обряда связки воина, самая изысканная часть животного — голова — подается самым уважаемым воинам.
7. Они противопоставляются четырем медведям-самцам, которых подали на третьем пире.
8. Согласно обычаю. Теперь слушатели знают, что воины готовы к выступлению.
9. То есть колчан.
10. Это восклицание служит предупреждением, что сейчас будет сломана связка стрел.
11. Типичная ритуальная недоговоренность. Имеются в виду уже проявившие себя в боях воины, принимавшие участие в обряде связки воина.
12. Здесь явная ирония — сам вождь никогда не выходит на тропу войны.

13. Этот нелепый поступок призван отбить у кого бы то ни было всякую охоту его сопровождать.

14. Действие представляет собой невероятное святотатство и направлено на то, чтобы отпугнуть тех, кто все еще сопровождает вождя.

15. Так он последовательно лишил себя средств передвижения, оружия для защиты и нападения, а вместе с тем и всякой гарантии на успех предприятия.

16. Таковы особенности повествовательного стиля рассказчика. Конечно, они вовсе не младшие, а наоборот, старшие братья. Однако поскольку его зовут Куну, то есть «старший брат», это и есть, строго говоря, его имя. Так к нему часто обращаются животные.

17. Испытанный способ ловли бизонов у виннебаго.

18. Конечно, он прекрасно понимает, что они говорят.

19. Очень невежливо пытаться завести разговор с человеком, когда он занят.

20. Голоден, конечно же, сам Трикстер.

21. Саркастически подражая заботе, которой отец окружал своих детей.

22. Он хотел избавиться от попутчиков, чтобы никто не смог увидеть или узнать его. И несмотря на это, мнимые младшие братья видят его, узнают и насмеваются над ним.

23. Медведь огромен, так как он предназначен для Трикстера.

24. В данном случае трудно определить смысл фразы: просто сарказм или указание на полную бесчувственность Трикстера.

25. «Испугался» означает здесь «начал осознавать, что поступил дурно».

26. То есть восток. Виннебаго представляют наш мир в виде острова овальной формы. Восток назван пределом мира, потому

что Трикстер, спасаясь от погони, уже полностью обожегал вокруг него.

27. Согласно космологическим представлениям виннебаго, наш мир, равно как и три других мира, является островом.

28. В этом выражении — двойной сарказм. Прежде всего, Трикстер воспринимается как фигура, противоположная воину. Во вторых, воины всегда преследуют врага, а не наоборот.

29. Мне не известен английский аналог названия рыбы. То же относится и к названиям на языке виннебаго, приведенным далее.

30. Комментарий рассказчика.

31. Метод, которым пользуются только при ловле мелкой рыбы на небольшой глубине.

32. То есть он вовсе не ловил рыбу, а просто кипятил воду, через которую она проплывала.

33. Когда ему, наконец, все же удастся поймать рыбу, то она оказывается мертва. И даже ее он не может приготовить, так как желудок его переполнен водой. Поскольку рыбу, уснувшую в воде, обычно не едят, мысль закопать мертвую рыбу, чтобы приготовить ее позже, абсурдна вдвойне.

34. Это означает, что он, наконец, начинает осознавать причину своих поступков. На стр. 18 и 21 животные называют его Трикстером. Теперь же он сам употребляет это имя по отношению к своим действиям.

35. Этот смешной ответ Трикстера может означать карикатуру либо на распространенную теорию виннебаго о том, что песни являются людям во сне, либо на представление, что люди держат их в себе и могут изрыгать их. Весь эпизод — явная пародия на праздничные танцы и пение.

36. Саркастическая пародия на победный клич воина.

37. Два обычных для виннебаго способа приготовления мяса.

38. Он наделяет разные части своего тела, в особенности

свой анус и пенис, способностью к самостоятельному существованию.

39. Конечно же, он прекрасно понимает, что произошло.

40. В данном случае он понимает, что случилось, и, публично признаваясь в этом, подготавливает слушателей к наказанию ануса.

41. В связи с этим замечанием любопытно оправдание Трикстера виннебаго, стр. 210.

42. Это один из немногих объяснительных мотивов в цикле о Трикстере. См. также эпизоды 34 и 46.

43. На пирах, устраиваемых двумя вождями племени — вождем клана Птицы Грома (он же вождь племени) и вождем клана Медведя — они несут знаки своей власти: по два длинных изогнутых посоха с разноцветными перьями. Несмотря на то, что здесь упоминаются два вождя, Трикстер явно имеет в виду великий пир мира, который устраивается вождем всего племени. Это придает происшествию вдвойне оскорбительный и непристойный характер.

44. Трикстера часто называют просто Первороденным, не добавляя ничего больше.

45. Ей было трудно подняться с земли из-за его огромного веса.

46. Здесь нет указаний на то, что Трикстер собирался подшутить над грифом-индейкой, но от него всегда ожидается какой-нибудь подвох.

47. Это явная пародия на охоту — енот сам сообщает охотникам, где его искать.

48. Для женщины публично раздеться считается самым большим позором.

49. То есть священное место, где можно чувствовать себя в безопасности.

50. То есть лис.

51. Английский эквивалент неясен.

52. Обычное описание красивого места.

53. Женщины никогда не ходят в одиночку. Этот и весь следующий абзац является пародией на распространенную сказку, неизменный персонаж которой — старуха, живущая на краю деревни.

54. Она берет на себя роль глашатая, то есть человека, всегда занимающего высокое социальное положение, которым она, конечно же, не обладает.

55. С точки зрения существующего порядка все как раз наоборот.

56. Ничто не может быть более смешным, чем эти слова вождя. Дети вождя занимают очень высокое социальное положение и не вступают в брак с чужими.

57. Традиционная свадебная пища виннебаго.

58. Есть таким образом считается грубейшим нарушением этикета у виннебаго. Это позволено только во время состязаний «быстрой еды» на церемонии связи воина.

59. Детям виннебаго не свойственно плакать. Продолжительный детский плач имел серьезные основания и нуждался в истолковании.

60. Явная ирония.

61. Поддразнивание и подшучивание друг над другом обычно между свойственниками.

62. Конечно же, такое поведение противоречит нормальному порядку вещей. Отправиться в путешествие должен именно юноша.

63. То есть несет ответственность.

64. Пародия на обычай воинов возвещать о каждом подвиге, который они совершили.

65. Совершенно нелепое требование. Во-первых, вигвам как

раз и служит для защиты от внезапной атаки. Во-вторых, чтобы свернуть вигвам, требуется время.

66. Люди не убегают из деревни, когда ее атакует неприятель. И, уж конечно, не делают этого, узнав о готовящемся нападении.

67. Иногда Трикстера называют не Первороденным, а стариком.

68. В котором он носил свой пенис.

69. Этот эпизод, вероятно, имеет европейское происхождение.

70. Во многих сказках виннебаго красное небо — традиционный символ смерти. Именно таким значением наделены слова Трикстера о красном небе, обращенные к доверчивым женщинам, которые вот-вот лишатся своих детей.

71. Это — военный обычай виннебаго, который они, тем не менее, приписывают своим врагам.

72. У виннебаго детей никогда не бьют.

73. Как притворный знак скорби. Черным должны были выкрасить лицо женщины.

74. Юмор здесь, с точки зрения виннебаго, заключается в том, что Трикстер сам дает волкам точные сведения о том, где находится пища, как будто они сами не могут ее обнаружить.

75. Дело в том, что ему следовало бы рассердиться и расколоть ствол раньше, поскольку, как мы видим, даже такая легкая неприятность, как скрип ветвей, мешала ему есть.

76. То есть происходил некий общественный танец. В такого рода танцах боевые кличи не выкрикивают, но в тех случаях, когда кличи выкрикивают, люди стараются произвести как можно больше шума.

77. Обычная фраза, используемая при описании удовольствия от звуков танцевальных песен. Рассказчик, Свиномордый Уж, очень часто ее использует.

78. Еще одно частое выражение. Свиномордый Уж был знаменитым танцором и певцом, поэтому он не упускает случая, чтобы подробно описать удовольствие от песни и танца.

79. Дело в том, что танцоры во время обряда подобны мухам в черепе мертвого животного.

80. Саркастическое замечание рассказчика по поводу того, что хотя Трикстер и считает, что может все, ему не удастся выполнить такую простую вещь, как войти в отверстие лосиного черепа. В этих словах заключена своего рода мораль: большим людям не стоит пытаться проникнуть в слишком узкие отверстия.

81. Он воплощает собой дух лося. На это указывает фраза «выглядел довольно устрашающе».

82. Так часто говорят духи, наделяя людей своей силой.

83. Он воплощает собой дух воды, а лоси, по поверьям виннебаго, вышли из воды.

84. Технический термин для обозначения хранилища, в котором заключены магические силы, особенно полученные от духов воды.

85. Обычные приношения духу лося.

86. По мнению простых индейцев, после того, как приношения сделаны, благословение происходит автоматически. Это, однако, расходится с мнением жрецов.

87. Это пародия на миф, объясняющий, как клан Птицы Грома получил право на вождество в племени. В этом мифе член клана Птицы Грома, представляющего верхнюю фратрию, соревнуется с членом клана Медведя, представляющим нижнюю фратрию, за положение вождя. Еду подает хозяин, и, согласно этикету, на пиру он ест последним.

88. Горшок с едой заменяет здесь финишный столб.

89. Одним словом, тот, кто постоянно думает о еде, часто получает то, что заслуживает: помет.

90. Это нарочитое невежество Трикстера в отношении всем известных и для всех очевидных вещей — юмористический мотив, проходящий через весь цикл.

91. Здесь впервые указывается на то, что теперь пенис и мошонка будут занимать обычное положение, а пенис приобретет нормальные размеры.

92. Сотворение животного специально для совершения определенного поступка — сравнительно недавнее представление у виннебаго.

93. Обычная этикетная формула, подразумевающая, что тот, к кому обращаются, способен преодолеть любые препятствия.

94. Такой игры, конечно, не существует.

95. Прием рассказчика, вводящий эпизод «неумелый хозяин», который мог оказаться практически в любом месте цикла.

96. Эта фраза — признак хороших манер, точно так же, как очень невежливым считается поведение гостя, предлагающего принести еду в тот дом, куда его пригласили. Юмор здесь в том, что каждый прекрасно знает ситуацию и причины поведения другого.

97. Медведи всегда ассоциируются с салом.

98. Помет, конечно, вызывает у Трикстера очень неприятные ассоциации.

99. Это, конечно, то, чему он не может подражать без посторонней помощи.

100. Каменистый холм — обычное описание священного холма.

101. Фраза из этого эпизода «наш дядя пришел» употребляется виннебаго в значении «у нас сегодня будет вкусная еда».

102. В каждом из четырех эпизодов гости уходят еще до того, как приготовлена пища. Это проявление очень дурного тона: они хотят дать хозяину понять, как сильно они презирают его и все его уловки.

103. Нигде больше я не сталкивался с упоминанием о том, что виннебаго делали оленью колбасу.

104. Конечно, ему очень хочется вернуться домой, чтобы показать, сколько пищи он смог добыть.

105. Трикстер никогда не изображается злым, это всегда забавный и добродушный персонаж.

106. Он узнает в нем норку, и в его голове сразу же возникает мысль о мести.

107. Дикое место означает здесь попросту территорию за пределами деревни. Этот эпизод явно имеет европейское происхождение.

108. Эта фраза используется только в случае проявления милости (благословения) духами по отношению к тем, кто почитается.

109. Еще один редкий объяснительный мотив в этом цикле.

110. Здесь, вне сомнений, ссылка на то, что, в соответствии с Мифом о происхождении Знахарского Обряда, Трикстер был создан для того, чтобы уничтожить злых духов, досаждающих человеку.

111. В качестве культурного героя. Ни в одном из мифов нет больше упоминаний о том, что он совершил нечто подобное.

112. Это, конечно, сказано с оттенком юмора.

113. Я предполагаю, что эта последняя сцена заимствована из Цикла о Близнецах.

114. Рассказчик опустил имя духа, отвечающего за второй мир. Это Пузырь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МИФЫ О ТРИКСТЕРЕ, ДОПОЛНЯЮЩИЕ ОСНОВНОЙ ЦИКЛ

I

ЦИКЛ О КРОЛИКЕ У ВИННЕБАГО

1

Когда-то жила одна старая женщина со своей дочерью. Дочь была девственницей и следила за очагом. Однажды, хотя она не была замужем и ни с кем не сходилась, девушка забеременела. На седьмом месяце она родила ребенка. Это был мальчик. Вскоре после родов она умерла¹, и о ребенке стала заботиться бабушка. Бабушка вырастила его. Когда он подрос, он стал играть неподалеку от дома. Он был очень непослушным и озорным ребенком. В конце концов он стал играть далеко от дома. С каждым днем он отходил от дома все дальше и дальше.

2

Однажды ребенок, а это был Кролик, отошел от дома дальше, чем обычно, и неожиданно встретил существо, которое передвигалось на двух ногах. Оно выглядело таким слабым, что, как казалось Кролику, в любой момент могло упасть². Он забежал вперед и стал ждать. Когда существо подошло ближе, он дунул на него, думая, что так он сможет сбить его с ног. Он дул на него снова и снова, но каждый раз безуспешно. Когда он стал дуть в четвертый раз, двуногое существо заметило что-

то белое (а именно Кролика) и выпустило в него стрелу. Кролик закричал от боли и побежал домой к бабушке. Бабушка вытащила стрелу и сказала:

— Наверно, ты повстречался с одним из твоих дядьев¹ и чем-то рассердил его, иначе он не стал бы стрелять в тебя.

— Какие, должно быть, великие люди мои дядья, — сказал Кролик, — ведь он ранил меня, когда я был довольно далеко.

— Этим оружием они убивают дичь, внушек, — ответила ему бабушка.

Кролик взял стрелу и хранил ее очень бережно.

3

На следующее утро он взял стрелу и пошел в лес. Там он встретил лося. Кролик положил стрелу в раздвоенный ствол ближайшего дерева, направил ее на лося и приказал:

— Стрела, лети!

Он подтолкнул ее, но стрела не полетела. Он стал ее уговаривать и опять попробовал направить ее на лося, но она не полетела. Он вернулся домой и сказал бабушке:

— Бабушка, стрела не слушается меня, поэтому я не смог убить лося. Я несколько раз умолял ее, но она не хотела лететь.

Бабушка сказала:

— Внук мой, охотники так не делают. Они посылают стрелу помощью того, что зовется «лук».

— Сделай и мне такой же, — попросил Кролик.

Бабушка на это ответила:

— Люди делают луки из того, что называют «дерево пекан». Пекан — это дерево с гладкой корой. Если ты пойдешь и принесешь мне ветвей этого дерева, я сделаю тебе лук.

— Да, вокруг очень много таких деревьев, бабушка, —

сказал Кролик и побежал за ветками. Вскоре он вернулся с тополиными прутьями.

— Это совсем не то. Это называется «тополь», — сказала старуха.

Он снова убежал и принес ветвей пекана⁴. Из них она сделала ему лук. Потом она назвала ему дерево, из которого делают стрелы. За ними Кролик ходил четыре раза, пока не принес то, что нужно.

Она сделала ему несколько стрел и отправила его за перьями индейки, подробно рассказав, как они выглядят. Он пошел, поймал живую индейку и принес ее домой. Дома он спросил бабушку, что нужно для того, чтобы убить индейку. Она ответила:

— Лягушачье дерево.

Он отправился на поиски лягушачьего дерева, но нашел его только с четвертой попытки. Старуха сказала ему также, что ей потребуется немного клея и что его можно добыть из позвонков длинной рыбы, осетра. С четвертой попытки он достал то, что она просила. Только тогда старуха закончила делать стрелы. Он тут же схватил их и начал стрелять из лука и наделал в жилище много дыр⁵.

4

Однажды он ушел за перьями. По пути ему пришлось взобраться на высокий холм. Когда он достиг вершины, он прокричал:

— Какая славная маленькая птичка!

Через некоторое время сверху донесся рокочущий звук, и внезапно на него налетела какая-то птица, схватила его и унесла с собой в небо. Нельзя забывать, что он был в обличье белого кролика⁶. Птица унесла его высоко, туда, где два орла свили гнездо. В гнезде сидело четверо маленьких птенцов. Они были

очень красивые. Каждый раз, когда маленькие орлята распускали свои хвосты, он видел, что перья у них на хвосте белые-белые.

Тогда он спросил у них:

— Когда вернутся ваши родители?

— Не раньше, чем наступит ночь, — ответили орлята.

Тут он убил их, вытащил перья и разделал одного из них. Он натянул на себя его кожу и полетел вниз, к земле. «Какое приятное ощущение», — подумал он, летя вниз и описывая круги, как это делают орлы. Наконец он достиг земли.

Подходя к дому, он спрятал перья в дупло.

— Бабушка, — сказал он, — я добыл красивые перья, но оставил их в дупле неподалеку. Я хочу, чтобы ты пошла и принесла их мне.

И она отправилась за ними. Но когда она подошла к тому месту и заглянула в дупло, в перьях сверкнула молния. Она прибежала домой и сказала:

— Я не смогла достать их, внучек. Я их испугалась.

Он попросил ее сходить еще раз, и опять она вернулась ни с чем. И только в четвертый раз она, закрыв глаза, смогла схватить их и принести ему. Они были очень красивыми, и она попросила у него одно перо для себя, но он не дал⁷. После этого Кролик уже сам сделал себе стрелы.

5

Однажды Кролик спросил:

— Бабушка, не знаешь ли ты, где мне взять наконечники для стрел?

Она ответила:

— Ты можешь взять их у своего деда. Он живет неподалеку. Но сначала пойди и попроси у него немного таба-

ку. Отнеси этот табак другому своему деду — он живет недалеко оттуда — и попроси у него наконечники для стрел. Он, конечно же, сразу даст их тебе.

Он отправился к первому деду, по пути напевая такую песню:

Бабушка послала меня принести табак, вот я и пришел!

Так он пел, подходя все ближе и ближе к дому своего деда. Перед тем, как пойти, он сделался очень большим. Неожиданно он услышал шум и увидел какого-то старика, который был сильно напуган.

— Что это? Сколько я здесь живу, ни разу я не видел такого могущественного духа, как ты. Кем бы ты ни был, я даю тебе полную трубку табаку.

Но Кролик не взял то, что ему было предложено, и при этом снова пропел:

Бабушка послала меня принести табак, вот я и пришел!

— Хийи! — прокричал Кролик, высоко подпрыгнул и приземлился ближе к старику.

Теперь старик предложил ему две трубки табаку, но Кролик опять отверг их, подходя к старику все ближе и ближе. Затем тот предложил ему уже три трубки табаку, но он опять отказался их принять и подошел еще ближе. Когда же он в четвертый раз приблизился к нему, старик предложил ему четыре трубки табаку. Кролик прокричал:

— Хийи, хийи! — и погнался за стариком по всей земле.

Старик бежал и разбрасывал табак по всей земле. Наконец, Кролик догнал его и убил. Это оказался огромный кузнечик.

Затем Кролик взял немного табаку и отправился домой.

— Бабушка, — сказал он, — поначалу мой дед не давал мне табаку.

— Как это на него похоже. Он не очень-то гостеприимен, — отозвалась старуха.

— Но об этом можешь не беспокоиться, бабушка, потому что я сделался очень большим, прежде чем отправиться в дорогу, и когда я добрался до него, я взял дубинку и рассеял его по всей земле.

— Ах ты, злобное, лупоглазое создание⁶, ведь ты убил моего брата, — закричала она.

— Ну, хорошо же, вредная старуха, вот я возьму свою дубинку и тебя тоже рассею по всей земле.

— Ну что ты, внучек! Я просто пошутила. На самом деле, я даже очень рада, что ты убил его. Ведь он не хотел отдавать табак, который принадлежит твоим дядьям. Ты правильно сделал, что убил его.

6

Вскоре после этого Кролик отправился к Кремню, приближаясь к нему так же, как и к первому старику. При этом он стал очень большим. Подходя к дому Кремня, он напевал песню. Заканчивая ее, он каждый раз восклицал:

— Хийи! Хийи!

Когда он закончил петь в первый раз, Кремень сказал:

— Кто бы ты ни был, дух, я даю тебе наконецник для стрелы из моего запястья, который я ценю больше остальных.

Когда он закончил петь во второй раз, Кремень сказал:

— Кто бы ты ни был, дух, я даю тебе кремень из моей лодыжки, который очень ценен для меня.

На самом деле кремни из его запястья и лодыжки были плохими.

Наконец, пропев в четвертый раз, Кролик подскочил к Кремню и погнался за ним по всей земле. При этом он бил его дубинкой, а тот бежал и повсюду ронял на землю кремневые

наконечники для стрел⁹. Затем он убил его. После этого он подобрал с земли все наконечники для стрел, которые смог найти. Самые лучшие были голубого цвета¹⁰. Те, что выпали из его живота, были белыми. Остальные же были красного и черного цвета.

Взяв наконечники, он вернулся к бабушке и сказал:

— Долго я упрашивал деда дать мне наконечников для стрел, но он все отказывал.

— Знаю, внучек, такой уж он человек. Все делает наперекор.

— Об этом не беспокойся, бабушка. Я с этим вполне справился. Я сделался очень большим и дубинкой рассеял его тело по всей земле.

— Ах ты, злобное, лупоглазое, вислоухое создание, неужто ты убил моего брата?

— Ты, вредная старуха, — сказал он, — вот схожу за своей дубинкой и тебя тоже рассею по всей земле.

— Внучек, я сказала просто так, чтобы развеселить тебя. На самом деле я очень рада. Ты здорово помог своим дядьям, ведь мой брат никак не хотел отдавать им наконечники для стрел.

Затем Кролик сделал себе несколько стрел. Вид они имели устрашающий и ужасный. Когда он сильно сжимал какую-нибудь стрелу, жилище озаряли молнии.

7

На следующее утро он снова вышел на охоту. По пути ему встретилось животное — пряморогий лось. Он застрелил его из лука и велел ему упасть замертво на окраине деревни Острого Локтя¹¹. Потом Кролик отправился домой. Придя домой, он рассказал бабушке, как убил лося, пронзив ему стрелой брюхо, и

добавил, что завтра утром собирается пойти и притащить его домой.

На следующее утро он пошел по следу и наконец пришел туда, куда он приказал лосю упасть. К его удивлению, лось уже разделали, и от него остались одни внутренности. Поэтому он отправился в деревню. На самом краю деревни жила одна старуха¹². Он зашел к ней в дом.

— Бабушка, — спросил он, — вчера на охоте я подстрелил лося и вот хочу найти его.

— Внучек, случилось вот что. В деревне собралось много воинов. Они только что ушли отсюда. Когда же они были здесь, пришел раненый лось со стрелой в брюхе и упал замертво у самого дома. Они все пытались вытащить стрелу. Я тоже пришла. Но ты же знаешь, что подобные люди вряд ли примут помощь от такой, как я. Все, что мне удалось раздобыть, это немного крови. Из нее-то я и варю теперь похлебку.

Так она говорила.

— Бабушка, кто же вытащил мою стрелу? — поинтересовался Кролик.

— Сам вождь, Острый Локоть, внучек, вытащил ее.

— Это моя стрела. Она внушает страх. Думаю, вы здесь никогда не видели таких стрел.

— Она действительно внушала страх. Но, все-таки, не дашь ли ты мне посмотреть на одну из твоих стрел? — попросила старуха.

Он вынул стрелу из колчана. Жилище тут же озарили вспышки молний¹³.

— Ох, внучек, вложи скорее свою стрелу обратно в колчан, — сказала она. И добавила:

— Теперь я знаю, что та стрела, которую вытащили, была твоя.

— Внучек, — продолжала она, — я приготовила бульон из крови того лося. Здесь есть немного и для тебя.

Она подала ему миску с похлебкой и сказала:

— Этой похлебкой ты можешь согреть свой колчан.

— Очень хорошо, — ответил Кролик, но только он собрался вылить похлебку из миски в колчан¹⁴, она остановила его и сказала:

— Внучек, я имела в виду совсем не то. Я хотела сказать, что похлебка согреет твои кости.

Он опять взял миску и собрался было поднять одежду и вылить похлебку себе на грудь. Однако она снова не дала ему сделать это, и только на четвертый раз он наконец поступил так, как нужно, и выпил похлебку.

— Теперь, бабушка, пусть мой друг ходит за стрелой.

— Ой, внучек, его непременно убьют, — сказала она.

— Мне казалось, ты говорила, что он вождь. Как же он может сражаться и быть убит?¹⁵

Затем он повернулся к юноше, которого называл своим другом, и обратился к нему со словами:

— Иди и принеси мне мою стрелу, юноша.

А юноша тот был внуком старухи, и его он назвал своим другом!¹⁶

Друг отправился в путь и, когда пришел в деревню Острого Локтя, он сказал:

— Мой друг хочет получить обратно свою стрелу!

Вождь даже не удостоил его ответом, и он вернулся назад ни с чем.

— Сходи туда опять, — сказал Кролик.

Три раза он возвращался без стрелы. На четвертый раз Острый Локоть сказал:

— Вот она, бери.

Он потянулся и хотел уже было взять ее, но вождь, Острый Локоть, своими локтями вспорол ему живот и приказал своим слугам:

— Повесьте его, пускай немного подсохнет. Я приготовлю из него вкусную еду.

Один человек побежал к старухе и рассказал ей, что ее сына убил Острый Локоть. Тогда Кролик, который был там, обернулся к старухе и сказал:

— Мне казалось, ты говорила, что твой внук — вождь. А вот этот человек говорит, что он убит. Раз так, я сам пойду в деревню и встречу с этим вождем по имени Острый Локоть. Нет ли у тебя точильного камня, старуха?

— Есть, вот, — ответила она. Он взял его и пошел в деревню Острого Локтя, и, когда пришел туда, то увидел длинный дом вождя, в котором находилось множество прекрасных женщин, и все они были его женами¹⁷.

— Да, — сказал Кролик вождю, — я так понимаю, что моя стрела именно здесь. Я слышал, из-за нее ты убиваешь людей почем зря, стоит им только попросить ее. Вот я и решил прийти за ней сам.

Стрела была вставлена между стеной дома и подпиравшими ее жердями, как раз в том месте, где лежал Острый Локоть.

— Вот твоя стрела, — сказал Острый Локоть, — можешь подойти и взять ее.

Тогда Кролик положил точильный камень на землю между собой и вождем и нагнулся, чтобы взять стрелу. Как только он сделал это, Острый Локоть выставил вперед свой локоть, чтобы вспороть Кролику живот, но попал по точильному камню и сломал свой локоть.

— Так-так, — ответил на это Кролик, — если у тебя есть еще что сказать, не стесняйся.

— Ладно, — сказал Острый Локоть и попытался пырнуть его другим локтем.

Но сломал и его и пустил в ход свои колени. Их он тоже сломал.

— Ну что ж, — сказал Кролик, — сейчас я покажу тебе, как убивать людей.

Сказав это, он выпустил в вождя стрелу, которая пронзила

его насквозь. Затем Кролик снял тело своего друга оттуда, где оно висело, бросил его на землю и сказал:

— Что заставило тебя уснуть здесь? Я посылаю тебя, чтобы ты принес мне стрелу, а не для того, чтобы ты здесь спал¹⁸.

Его друг сразу же ожил, поднялся и ушел домой. Кролик взял свою стрелу и приказал жителям деревни сжечь всех детей Острого Локтя и всех его жен, которые были беременны¹⁹. Так они и сделали. Потом люди сказали Кролику:

— Мы бы хотели пойти туда, где ты живешь, и охранять твою деревню²⁰.

Но Кролик ответил:

— Нет. Вы можете остаться здесь, вернув вашего прежнего вождя, ибо я убил того, кто обижал вас.

Жители поблагодарили Кролика, и он возвратился домой.

Вернувшись домой, он сказал бабушке:

— Слушай, бабушка. Я пошел на то место, где оставил лося, чтобы перетащить его тушу, но люди Острого Локтя к тому времени уже забрали ее. Что за славный воин этот Острый Локоть!

— Да, — сказала его бабушка, — Острый Локоть — один из великих духов²¹.

— Ну, — сказал тогда Кролик, — думаю, ты сильно преувеличиваешь. Я взял у одной старухи точильный камень и переломал ему все локти, убил его и сжег.

— Ах ты лупоглазое, вислоухое, толстопятое создание! Ведь ты убил моего брата! — воскликнула она.

— Хорошо, злобная старуха, тогда я тебя тоже прострелю и сожгу, — сказал он.

— Но, внучек, я просто пошутила. На самом деле я очень рада, ведь мой брат оскорблял твоих дядьев и теток, и ты правильно сделал, что убил его.

Однажды, вскоре после того, как все это произошло, Кролик сказал:

— Бабушка, я собираюсь пойти проведать своего деда, медведя.

— Это очень хорошо, мой дорогой внук, — ответила бабушка, — конечно же, иди, он будет рад тебя видеть.

— Бабушка, я решил взять для него мешок желудей.

— Хорошо, бери.

И вот Кролик отправился в путь. Когда он пришел к медведю, он оставил мешок снаружи, а сам вошел в дом.

— О, дорогой мой внук, — воскликнул медведь, — наконец-то ты пришел!

— Да, вот и я, — ответил Кролик, — и я принес тебе мешок желудей, но оставил его снаружи.

Через некоторое время медведь вышел за желудями, но вскоре вернулся и спросил у Кролика:

— Внучек, где же мешок?

— Я оставил его рядом с домом, — сказал Кролик.

После того, как медведь сходил на поиски четыре раза, Кролик сам пошел показать, где он оставил мешок. Но там ничего не оказалось. Тогда он сказал медведю:

— Я думаю, дедушка, что ты уже съел все желуды.

— Внучек, я нашел здесь всего лишь половину желудя, поднял его левой рукой и съел. Это ты имеешь ввиду? Ты сказал, что принес мне целый мешок желудей. Его-то я и искал, — сказал медведь.

— Но я действительно принес целый мешок желудей, — сказал Кролик, — и он был набит доверху.

Медведь тогда заговорил с Кроликом и сказал:

— Внучек, ты, наверно, сегодня еще ничего не ел.

И вот он поставил на огонь большой котел с жиром, и вскоре Кролик сытно поел.

После еды Кролик вдруг сказал:

— Дедушка, ведь ты уже давно здесь живешь, не так ли?

— Да, я очень давно живу здесь, — ответил медведь.

— Неужели ты не боишься жить в этих местах?

— Нет, я ничего не боюсь²².

Помедлив немного, Кролик опять спросил:

— Дедушка, неужели тебе не известно, что тут повсюду идет война?

— Конечно, я знаю об этом, но я совсем не боюсь.

— Но, дедушка, — продолжал Кролик, — я не чувствую себя здесь в безопасности, вот почему я все это говорю.

С этими словами Кролик вышел наружу и стал раскидывать вокруг дома помет и втыкать в него перья. Затем он приказал кучкам помета рано утром издать боевой клич. После этого он вернулся в дом и спросил:

— Дедушка, неужели тебя это несколько не пугает?

Он достал из колчана одну из своих стрел и показал ее медведю.

— Нет, — ответил тот.

Кролик достал еще одну, но только когда он достал четвертую стрелу, медведь сказал:

— Убери ее поскорей обратно, этой стрелы я боюсь.

Когда наступила ночь, они отправились спать. Ночью старика начали мучить кошмары, и он кричал во сне. Кролику пришлось разбудить его:

— Дедушка, проснись, тебя мучают кошмары!

Старик сразу проснулся и сказал:

— Мне приснился кошмар. Во сне я был ранен под мышку стрелой, очень похожей на одну из тех, что ты мне показывал.

— Вот видишь, дедушка. Не зря я, как пришел сюда вече-

ром, все время чувствовал себя беспокойно.

Рано утром снаружи раздался боевой клич. Он был такой громкий, что, казалось, враг подошел к самому дому.

— О! — вскрикнул Кролик, опрометью выскочил наружу и встал у дверей, поджидая старика.

Когда тот вышел, он прицелился и выстрелил, и попал стрелой ему под мышку. Стрела пронзила его насквозь.

Затем Кролик вернулся домой и сказал бабушке:

— Бабушка, мой дед — великий человек.

— Это правда, — сказала она, — он — один из великих духов.

— Но не хвали его слишком сильно. Вот что я сделал с ним.

И он подробно рассказал ей про то, как стрелял.

— Ах ты, пучеглазое, вислоухое, толстопятое создание, ведь ты, должно быть, убил моего брата! — воскликнула она.

— Ах так, злобная старуха. Тогда я выйду и подожду тебя снаружи, а потом прострелю тебя насквозь под мышкой, как я сделал это с ним, — сказал Кролик.

— Ну что ты, я просто пошутила. На самом деле я очень рада, потому что теперь у нас будет вдоволь сала, — ответила она²³.

9

Они пошли к жилищу медведя, чтобы перетащить его домой. Они разделали его и разрезали на куски. Когда с этим было покончено, Кролик сказал:

— Бабушка, ты понесешь голову.

— Нет уж, — воспротивилась старуха, — я не мужчина, чтобы носить головы²⁴. Кто убивает, тот и несет голову.

— Хорошо, бабушка, тогда ты понесешь заднюю часть.

— Как же я понесу заднюю часть, с моей-то спиной!²⁵

— Ну ладно, тогда ты понесешь ребра.

— Если бы я несла ребра, мои собственные выросли бы и стали длиннее²⁶. — Сказав это, она пропела:

Внучек, вот это я понесу,

Внучек, вот это я понесу.

Потом она начала танцевать. Он позволил ей нести заднюю часть медведя²⁷, и она отправилась в путь. Кролик шел следом, но вскоре она свернула с дороги. Он начал думать и гадать: что замышляет его бабушка и почему она свернула с дороги?

Теперь у нее появилась оленья шкура, она внесла ее на вершину холма и съехала на ней вниз вместе с поклажей. Когда она наконец добралась до дома, она рассказала внуку, что заблудилась и оказалась в деревне, где поклажу ее использовали вместо мяча. Вот почему, как она объяснила, поклажа была вся в грязи. Дальше она рассказала ему о том, что один из его друзей, которого она повстречала в той деревне, в конце концов отдал ей поклажу, и она вернулась домой. Выслушав ее, Кролик спросил:

— Бабушка, не был ли это мой друг *Гишокнухига*?

— Да, как раз его я и имела в виду.

На самом деле такого человека не было. Он просто придумал это имя, чтобы посмотреть, что она скажет и выяснить, что она все это время делала. Кролик сказал:

— Бабушка, ты будешь готовить еду для себя, а я для себя²⁸.

Теперь они готовили отдельно, и у каждого из них было много вкусного сала для еды.

— Бабушка, — сказал как-то Кролик, — я собираюсь пойти погостить у своих дядьев.

— Так и сделай, — согласилась она.

И вот он отправился в путь. Идя по тропе, он вышел к берегу широкой реки и крикнул:

— Крабы, ползите сюда!

И сразу же на то место приползло великое множество крабов. Он поймал того, что был покрупнее, и сказал:

— Дай мне свою лодку!

Он снял с него панцирь, поднял его хвост вверх, как парус, и воскликнул:

— Гони меня на другой берег!

Ветер немедленно поменял направление, и он переправился через реку. Он плыл через реку на панцире краба и пел.

Добравшись до другого берега, он опрокинул панцирь на бок и, оставив его у воды, пошел дальше. Вскоре он подошел к дому и вошел в него. Люди, которые были в доме, сказали:

— Хах! Пришел наш внук.

Те, что были внутри, были людьми без тел. У них были только головы. Они поприветствовали его и сказали:

— Наш внук, должно быть, очень голоден.

Они сварили для него поесть. Они сварили медвежьих ребер с маисом. Он поел, еда пришлась ему по вкусу, и он съел очень много. Во время еды он пользовался ножом, который они ему дали. Он хватал мясо зубами, а затем отрезал кусок ножом. Вдруг он случайно разрезал себе нос. Он сморкался и кричал от боли²⁹.

— Наш внук порезался. Дайте ему другой нож.

С новым ножом управляться было куда удобнее, казалось, он совсем забыл о том, что порезался.

Вскоре Кролик отправился домой. Когда он пришел, бабушка сказала:

— О, мой внук изуродовал себе лицо, пока навещал своих дядьев!

С того времени, когда кто-нибудь отправляется в гости к своим дядьям, говорят, что он «идет резать себе нос».

Однажды Кролик опять пошел навестить своих дядьев, или, как говорится, резать себе нос. Он пришел к другому длинному жилищу, где сидели такие же люди, как и раньше, то есть без тел. Он вошел, и они опять сказали:

— Наш внук, должно быть, голоден. Сейчас мы сварим ему что-нибудь поесть.

Так они и сделали, и он снова съел очень много.

Когда он наелся, головы сказали:

— Давайте съедим нашего внука. Он выглядит так аппетитно³⁰!

Они закрыли двери и перекрыли все лазейки, в которые он мог бы от них улизнуть. Несмотря на это, он все же усмотрел где-то небольшое отверстие и сумел убежать. Одна из голов закричала:

— Он сбежал! Бежим за ним!

И они пустились в погоню за Кроликом. Одна голова бежала позади всех и вопила:

— Держите его! Держите его!

В конце концов Кролик устал и забрался на дерево. Та голова, что бежала позади всех, закричала:

— Подточите дерево!

Остальные окружили дерево и начали грызть ствол. Но Кролику опять удалось улизнуть.

— Он опять убежал от нас!

И снова они, подгоняя друг друга, пустились за ним в погоню, крича:

— Держи его!

Они гнались за ним, и он опять вскарабкался на дерево. Они перегрызли ствол и повалили дерево, но Кролик снова ускользнул от них. И вот в четвертый раз он взобрался на

дерево, они же опять принялись грызть ствол. Вдруг одна из голов воскликнула:

— Какая горечь! Какая горечь!

И начала отплеиваться. Но другая голова, убеждая остальных продолжать, сказала:

— Подождем, пока он сам спустится вниз.

Они перестали грызть дерево и начали ждать, когда он спустится. Наконец Кролик устал сидеть на дереве и стал размышлять: «Что же мне теперь делать?» Потом он запел:

Головы без тел, мне нужно идти дальше.

Усните! Усните!

И они сказали друг другу:

— Наш внук хочет, чтобы мы уснули, так что давайте спать.

Так они говорили, но они только притворялись, что спят. Однако когда он пропел песню четыре раза, они действительно уснули. Он же очень тихо начал спускаться вниз. Но, прыгнув на землю, он все-таки наделал шуму. Он немедленно ринулся прочь. Головы проснулись и закричали:

— Наш внук убежал!

И пустились в погоню. Кролик бежал, пока не достиг ручья. Он перепрыгнул через него. Тогда его преследователи закричали:

— Он перепрыгнул через ручей!

А последняя голова воскликнула:

— Прыгайте тоже!

У них, однако, ничего не вышло, все они попадали в воду и утонули. Кролик тем временем пошел вниз по течению, собрал утонувшие головы, развел на берегу костер и сжег их. Затем он взял несколько камней, измельчил ими останки и бросил их обратно в ручей со словами:

— Вы всегда пытались вредить людям. Отныне люди станут называть вас «быстрая рыба», и когда они будут входить в

воду, вы будете кусать их за лодыжки³¹.

Потом он отправился домой, к своей бабушке. Она, как и раньше, выбрала его, сказав, что головы были ее братьями. Он же ответил ей на это, что может и из нее сделать такую «быструю рыбу», после чего она, как и прежде, сказала, что на самом деле очень рада тому, что он убил их. Ведь они обижали его дядьев и теток, и он сделал хорошее дело³².

12

Однажды, когда Кролик, по своему обыкновению, путешествовал, он услышал, как что-то движется. Он подошел поближе разузнать, что это. Оказалось, что это был высокий человек с большой тростью и очень тонкой талией³³. Кролик подумал: «Как это он не переломится пополам?» Он подул на него, пытаясь переломить его пополам. После каждой попытки — а он пробовал три раза и каждый раз терпел неудачу — он забегал немного вперед, ждал, пока человек подойдет ближе и снова дул на него. Когда он проделал это в четвертый раз, высокое существо заметило что-то маленькое и белое, сидящее на земле, размахнулось тростью, ударило по нему и растащило.

Поскольку Кролик долго не возвращался, его бабушка начала волноваться и отправилась на поиски, говоря себе так:

— Мой внук опять, должно быть, разыгрывает одну из своих глупых шуток.

И вот она пришла туда, где обитало то высокое существо, и сказала:

— Послушай, брат, мой маленький внук куда-то пропал, и я ищу его. Он такой озорник, и я подумала, может быть, ты встретил его и ненароком навредил ему. Вот почему я пришла к тебе.

Затем она отправилась туда, где существо оставило свою трость, и нашла там внука.

— Ах ты, пучеглазое, вислоухое, толстопятое, кривогубое, злобное создание, вставай скорее и пойдем отсюда.

Она взяла его за руку и встряхнула³⁴.

— Бабушка, — ответил ей Кролик, — я сидел далеко от того существа, и все же он сделал это со мной. Что за великий человек, должно быть, мой дед!

На следующее утро Кролик пошел к дому своего деда, но на этот раз он сделал себя очень высоким, даже выше высокого существа. Отправляясь в путь, он прихватил с собой трость. И вот он пошел искать его. Трость, что он взял с собой, была большим кедром, который он вырвал из земли вместе с корнями. Когда он подошел к дому высокого существа, оно напевало такую песню:

Кто сравнится со мной? Кто сравнится со мной?

Тут Кролик начал петь то же самое. Высокое существо увидело его и воскликнуло:

— Ну и ну! За всю мою жизнь ни разу не доводилось мне повстречать никого, кто мог бы сравниться со мной!³⁵ Откуда ты взялся? — спросило оно.

Тогда Колик спросил у него то же самое.

— Хорошо, — сказал тот, — пойдем, прогуляемся.

И вот они пошли вместе, и Кролик ударил высокое существо тростью и разбил его на куски. Высокое существо оказалось огромным муравьем. Затем Кролик сказал:

— Ты пытался вредить людям, и поэтому ты останешься лежать здесь, на земле, и люди будут наступать на тебя.

13

Кролик шел все дальше и наконец вышел на хорошую дорогу.

— Что же за существо построило эту дорогу? — удивил-

ся он. — Кто бы он ни был, я поймаю его, — подумал он.

Нарвав крапивы, он сплел из нее силки. На следующее утро он пошел проверить их, и обнаружил, что они разорваны. В следующий раз он соорудил силки из сухожилий животного, но утром он опять обнаружил, что силки порваны. На следующий день он сплел силки из липового лыка. Однако, тот, кого он хотел поймать, снова разорвал веревки и убежал. Наконец он пошел к своей бабушке и попросил:

— Бабушка, сделай мне очень прочную веревку.

Она согласилась, взяла немного своих волос и сплела веревку. Из нее он сделал себе другие силки. На следующее утро он услышал, как кто-то поет:

Кролик, приди и развяжи меня! Кролик, развяжи меня!

Кролик, что станет с людьми?

Кролик, приди и развяжи меня! Кролик, развяжи меня!

— Ты опять взялся за свои проделки, ты, лупоглазое, вислоухое, толстопятое, кривогубое, злобное создание, — воскликнула бабушка, взяла деревянную кочергу и сильно ударила его³⁶.

Кролик закричал от боли:

— Ой-ой-ой! — и побежал в ту сторону, откуда раздавалось пение.

Когда он подбежал ближе, он увидел что-то сияющее. Он попытался развязать его, но безуспешно. Тогда он вернулся домой, взял у бабушки нож и опять побежал туда, где осталось пойманное им существо. Когда он прибежал, он закрыл глаза и, подбежав к нему как можно ближе, разрубил ножом опутывавшие его веревки. При этом он сильно обжег свои ягодицы, ведь то, что попало в силки, было солнцем. Вот так он был опален солнцем³⁷.

Как-то раз он, как обычно, гулял и увидел что-то, на чем сидело множество людей. Они ехали у него на спине и все время громко причитали.

— Интересно, что это они делают? — подумал Кролик.

Он подбежал и тоже взобрался наверх, но люди сказали ему:

— Тебе лучше поскорее слезть, так как здесь совсем не весело.

— Отчего же, — возразил им Кролик, — довольно весело сидеть неподвижно и при этом двигаться.

В это самое время его что-то проглотило, и он очутился в замкнутом пространстве, из которого не мог выбраться. Старуха, заподозрив что-то неладное, пошла к тому существу, на котором сидели люди, и спросила:

— Брат, мой маленький внук потерялся, я никак не могу его разыскать, поэтому я и пришла сюда.

Существо изрыгнуло из себя Кролика, и она отвела его домой.

— Бабушка, — сказал Кролик, когда они шли домой, — я был далеко, но все же это существо проглотило меня.

На следующее утро Кролик вышел из дому и, насобирав кремневых наконечников для стрел, обсыпал себя ими с ног до головы. После этого он забрался на вершину холма и запел:

Ты, что может проглотить их;

Ты, о ком говорят, что ты можешь проглотить их;

Проглоти меня! Проглоти меня!

Так он пел. И вот это существо стремительно налетело на него, подобно пламени, что рвется вверх³⁸. Но когда оно уже собиралось проглотить его, он успел отскочить в сторону, и оно пронеслось мимо. Когда же это существо вернулось назад, Кролик затянул свою прежнюю песню. На спине у существа было множество

людей. Когда он сидел и пел, существо заговорило с ним и сказало:

— Я думал, что уже проглотил тебя.

Оно опять и опять пробовало проглотить его, но каждый раз промахивалось. Три раза оно промахивалось. С четвертой попытки Кролик по собственному желанию дал себя проглотить.

Внутри он встретил много людей, все они плакали.

— Почему вы плачете? Неужели это не весело — вот так ехать, если тебя везут?

— Слушай, Кролик, — ответили они, — мы все обречены на смерть, вот почему мы плачем.

Тогда Кролик сказал:

— Не плачьте, никто из нас не умрет. Кроме того, почему вы так расстраиваетесь, ведь это так весело — ехать, когда тебя везут?

И тут они снова были проглочены³⁹. Внутри оказалось очень много народу, некоторые были мертвы, другие умирали, некоторые были еще полны сил, другие же совсем ослабли. Затем Кролик стал играть внутри этого существа, и оно сказала:

— Что-то я себя неважно чувствую. Наверное, я проглотил какую-то отраву, которую мне надо изрыгнуть.

Его вытошнило, и вместе со рвотой наружу вынесло Кролика. Однако его тут же затянуло обратно, и он был снова проглочен. Четыре раза животное изрыгало его из своего живота. Только после того, как Кролик был проглочен в четвертый раз, он заговорил с людьми. Он сказал:

— Если кто-нибудь найдет что-то у меня в голове, вы останетесь живы.

И вот они принялись осматривать его голову. Один из них наконец сказал:

— Мы нашли вот это, — и протянул ему куски кремня.

— Хорошо, теперь вы точно останетесь в живых, — сказал Кролик.

Затем он сделал из кремня большой наконечник для стрел и сказал:

— Здесь много сала.

И тут же начал срезать куски сала внутри существа и поедать их. Животное начало стонать, Кролик же продолжал срезать сало, пока не добрался до места, где билось его сердце. Он разрезал сердце на куски, а потом прорезал в боку отверстие и вывел людей наружу. Там они увидели длинный дом, где было множество женщин, которых существо силой отняло у людей и взяло себе в жены⁴⁰. Они убили всех детей и всех беременных женщин и сожгли их.

После этого Кролик отправился домой и там рассказал бабушке обо всем, что с ним приключилось. Старуха выбранила его, а он, в свою очередь, пригрозил ей. Но в конце концов она, как обычно, поблагодарила его, добавив, что она всего лишь шутила, когда бранила его, и что он поступил очень хорошо, освободив своих дядьев и теток.

15

Как-то Кролик сказал:

— Бабушка, я собираюсь пойти туда, где можно раздобыть травы для веревок.

Старуха ответила:

— Хорошо, внучек, иди.

И он отправился в путь. Вскоре он достиг глубокого ущелья и пошел вдоль него. Он знал, что там впереди кто-то есть, поэтому он шел и пел такую песню:

*Если один из моих дядьев там, где растет трава для веревок,
Я буду драться с ним⁴¹.*

Тот, кто был там, услышал это и спросил:

— Что ты сказал, Кролик?

Кролик повторил:

— Я сказал, что если кто-нибудь прячется в том месте, где растет трава для веревок, я поиграю с ним.

— Нет, Кролик, ты совсем не это сказал, — ответило то существо. — Ты сказал, что будешь драться с ним.

— Нет, — сказал голос, — ты сказал: «Я буду драться с ним», ты, лупоглазое, вислоухое, толстопятое создание!

— Нет же, — настаивал на своем Кролик, — я этого не говорил, я сказал, что хотел бы поиграть с тобой, ты, неотесанное, куцехвостое, пучеглазое создание! — так он ответил и бросился бежать.

— За эти слова ты умрешь, Кролик, — воскликнул тот и пустился за ним в погоню.

Как только преследователь начинал уже доставать беглеца, тот ловко отпрыгивал в сторону, и так ему всякий раз удавалось ускользнуть. Наконец, когда Кролик выбился из сил, он спрятался в норе и так спасся.

— Ну что ж, Кролик, тебе удалось спастись, — сказала ему существо.

Немного погодя, однако, существо спросило:

— Кролик, как тот, кто, подобно тебе, забирается в нору, после выбирается из нее?⁴²

— Обычно берут тростниковую циновку моей бабушки и ею выкуривают меня оттуда. Тогда я всегда выхожу наружу.

— Хорошо, — сказала существо, — оставайся здесь и не выходи, потому что я хочу сходить за тростниковой циновкой.

— Куда мне идти? — ответил Кролик. — Конечно, я останусь здесь.

Тот ушел за циновкой и, как только он ушел, Кролик выбрался из норы. Он сорвал с дуба четыре желудя и положил их в нору. Одному из желудей он сказал:

— Если он придет и заговорит с тобой, ты должен ему ответить.

Он научил его, как нужно отвечать, а сам взял раздвоенную палку и спрятался неподалеку.

Наконец существо вернулось и спросило:

— Кролик, ты все еще там?

— Да, — последовал ответ, — куда же я мог уйти. Я все еще здесь. Ведь ты велел мне сидеть и никуда не уходить, — так говорил один из желудей.

Затем существо заложило нору тростником, подожгло его и стало ждать, когда появится Кролик. Тростник разгорелся, и вскоре один из желудей лопнул с громким хлопком.

— Ну вот, — обрадовалось существо, — это лопнул глаз Кролика.

Вскоре послышался еще один хлопок, и существо сказала:

— А вот и другой глаз Кролика.

После следующего хлопка оно сказала:

— Ага, вот и тестикула Кролика.

Услышав четвертый хлопок, оно сказала:

— А вот и вторая тестикула.

В этот самый момент Кролик взял раздвоенную палку, подкрался к существу сзади и, захватив палкой его шею, толкнул его прямо в огонь, где оно и сгорело. А Кролик набрал ивовой коры, привязал останки существа к палке и отправился домой.

16

Вернувшись домой, он сказал:

— Бабушка, у нас сегодня будет похлебка — я принес дикую кошку, которую убил на охоте.

— Ох, внучек, я очень рада.

Они освеживали ее и тщательно опалили. Вдруг Кролик зачерпнул немного крови и плеснул на ноги бабушке, говоря ей при этом так:

— Бабушка, да у тебя месячные! Ты погубишь мое оружие!⁴³ — так он закричал.

Тогда она посмотрела вниз и увидела, что по ее ногам течет кровь.

— Ох, не может быть! Я, должно быть, погубила оружие моего внука, — сказала она и тут же выбежала из дома.

Отойдя на некоторое расстояние, она прокричала:

— Внучек, где мне построить себе дом?

Он же прокричал ей в ответ:

— Отойди еще дальше. Там ты можешь построить себе дом.

Однако вместо того, чтобы отойти дальше, она, наоборот, подошла ближе и переспросила приглушенным голосом:

— Где?

— Еще немного подальше, — закричал он в ответ.

В четвертый раз она подошла к дому вплотную и почти шепотом спросила:

— Где?

— Прямо там, где ты стоишь, — ответил ей Кролик.

Там она и соорудила себе дом. Затем Кролик сказал:

— Бабушка, мы собирались поесть мяса, но поскольку в своем нынешнем положении ты не можешь есть мяса, я тоже не стану есть. Вместо этого я устрою пир и угощу мясом гостей⁴⁴.

Он вышел и закричал :

— Приходите! Приглашаю вас всех на пир!

Через некоторое время он сделал вид, что кто-то пришел, и начал беседу с гостем. Но, конечно же, он только притворялся. На самом деле он просто изменял свой голос, чтобы обмануть бабушку и съесть все самому. Когда мясо было готово, он произнес длинную праздничную речь и съел все один.

— Бабушка, — сказал он, окончив трапезу, — на пиру было много народу, и один старик сказал, что хочет посвататься

к тебе. Я ответил ему, что он может сделать это. Надеюсь, ты тоже не будешь против, ведь мы живем здесь совсем одни, а это выглядит не очень-то хорошо. Люди могут начать судачить про нас, если мы так и останемся жить вдвоем до конца наших дней.

— Хорошо, внучек, если ты этого хочешь, то пусть так и будет.

Кролик продолжил:

— Бабушка, тебе совсем не трудно будет узнать этого старика, когда он придет, потому что у него один глаз.

Когда пришла ночь, Кролик вынул у себя один глаз и, оставив его снаружи, вошел в дом и оставался с бабушкой всю ночь (45). Ранним утром он встал и пошел обратно к себе домой. Но когда он пришел туда, где оставил свой глаз, он отыскал его с превеликим трудом и обнаружил, что его сильно изгрызли мыши. На следующее утро он сказал бабушке, что теперь она может вернуться. Ведь все мясо было уже съедено. Только поэтому он и хотел остаться один⁴⁵.

17

Однажды вечером что-то подошло к дому Кролика и запело:

Ты, который живет со своей бабушкой! Куда бы ты ни пошел, я спущу на тебя собак и разорву тебя своими зубами.

— Ох, бабушка, плохи наши дела. Сейчас мы наверняка умрем, — сказал Кролик. — Только если мы спрячемся в тростниковых циновках, мы сможем спастись⁴⁶.

Ты, который живет со своей бабушкой, если ты спрячешься в тростниковых циновках, мои собаки все равно почуют тебя.

— Ох, бабушка, все пропало! Только одно нам остается — спрятаться под циновками на полу.

Но существо пропело:

Ты, который живет со своей бабушкой, если ты спрячешься под щиновками на полу, мои собаки все равно почуют вас.

— Бабушка, все пропало! Давай превратимся в уголь и спрячемся в золе, — предложил Кролик.

Если вы превратитесь в уголь и заростесь в золе, мои собаки все равно почуют вас.

— Ох, бабушка, только одну нам остается — подняться на небо.

Но существо сказало:

— Если вы подниметесь на небо, мои собаки все равно почуют вас.

Тогда Кролик разозлился, вышел из дома и посмотрел вокруг. Но он ничего не увидел. Наконец он спросил свою бабушку, не знает ли она, где находится то существо, что разговаривало с ними. Она ответила:

— Вон там, в той стороне.

Он посмотрел туда, куда она показала, и увидел маленькую лягушку.

— Так это ты? Как ты смеешь так говорить? — сказал он и раздавил ее ударом дубинки.

И все же ему было любопытно, как такое жалкое создание могло так говорить. Он открыл ей рот и увидел, что у лягушки очень длинные зубы. Он выбил ей все зубы, а саму лягушку сжег, приговаривая:

— Ты слишком много говоришь и пугаешь людей. Теперь ты не сможешь никому досадить.

Однажды во время очередной прогулки Кролик услышал, как какие-то люди кричат ему:

— Смотрите, вон идет маленький Кролик!

Он бросился прочь и укрылся в чаще леса. Но они опять закричали:

— Маленький Кролик удрал в лес!

Кролик опять убежал и спрятался под бревном. Но опять он услышал, как они говорят:

— Маленький Кролик прячется под бревном.

Тогда Кролик опять побежал и залез в нору. Они же опять закричали:

— Маленький Кролик побежал и залез в нору! В погоню за ним!

Тогда он попытался укрыться в дупле дерева, но голоса преследовали его:

— Кролик спрятался в дупле!

Кролик снова побежал и наконец добежал до дома, из которого кто-то позвал его:

— Внучек, зайди внутрь!

Он послушался и зашел. Внутри он увидел старика с перевязанной головой.

— Это я заставил тебя прийти сюда, потому что я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал. Вот что, внучек, привело тебя сюда.

С этими словами он вынул из ушей Кролика лесного клеща.

— Этот клещ сообщал мне о том, где ты находишься и куда прячешься. Как же тебе было укрыться от меня?

Затем он продолжил:

— Внучек, ты, должно быть, проголодался. Котелок, налей в себя воды и повесь себя на огонь!⁴⁷

Котелок сразу же задвигался и начал делать то, что ему было приказано. Он сходил за водой и повесил себя на крюк — и все сам.

— Ну-ка, блюдо, возьми сушеного сладкого маиса и насыпь его в котелок.

Блюдо тут же задвигалось и насыпало маис в котелок.

— Теперь положи в котелок медвежьих ребер.

Сказано — сделано. Старик только шевелил губами и все, чего бы он ни пожелал, тотчас же выполнялось.

— А теперь, блюдо, положи на себя маиса и поставь себя перед Кроликом.

Оно так и сделало. Кролик был очень удивлен тем, как отдавались и выполнялись все приказания. Пока он ел, блюдо принесло и положило перед ним арбуз.

Наконец, старик сказал Кролику:

— Внучек, я хочу, чтобы ты кое-что сделал для меня. Видишь, у меня перевязана голова. Это потому, что с меня сняли скальп. Те, кто это сделал, увезли его за океан, и теперь он там. Очень многие пытались достать его, но у них ничего не вышло. Теперь я хочу, чтобы ты попытался достать его. Вот почему я позвал тебя сюда. Я думаю, что ты сможешь это сделать, потому что ты ловкий и умный. Если ты достанешь его, я дам тебе способность распоряжаться вещами, как это делаю я, и ты сможешь передать ее своим дядьям и теткам⁴⁸.

Кролик на это ответил:

— Ну что ж, дедушка, я попробую.

— Ах! — обрадовался старик. — Вот и славно. Утром отправляйся в путь. Когда ты придешь к берегу озера, ты увидишь там дом твоего деда, бобра. Его ты должен попросить переправить тебя на другой берег.

Утром, взяв с собой мотыгу и топор, Кролик двинулся в путь. Он пришел к тому месту, где жил бобр с женой и детьми.

— О, мой внук пришел! — сказал бобр. — Что ж, я уверен,

ты пришел не просто так. Наверняка, у тебя есть что-то на уме.⁴⁹

— Да, дедушка, ты прав. Я хочу переночевать у вас, а потом мне нужно, чтобы ты переправил меня на другой берег озера. Вот почему я пришел. За все беспокойство, которое я причиняю вам, позволь подарить тебе эту мотыгу.

— Внучек, это хорошо. Я с радостью перевожу людей и просто так. Но я рад твоему подарку. Утром я, конечно же, переправлю тебя на тот берег.

Тут жена бобра сказала мужу:

— Старик, я думаю, будет лучше, если я сама переправлю нашего внука на тот берег. Он так добр к нам, а ты такой медлительный. Я же сделаю все быстрее и лучше.

— Хорошо, — согласился бобр.

Затем старики сказали своим детям:

— Кого из вас будет есть наш внук?⁵⁰

— Меня, — хором крикнули они.

Так кричали маленькие бобрята. Среди них были и очень крупные и очень маленькие. Так что бобры выбрали одного средних размеров и сварили его для Кролика. Когда мясо было готово, они положили его на блюдо и подали ему. Старик сказал Кролику:

— Внучек, не разделяй кости, объедай мясо осторожно и не отрывай сухожилия.

Кролик же был очень голоден, поэтому ел неосторожно и разорвал сухожилия на передней лапе. Когда он закончил есть, кости собрали и опустили в воду. Вскоре из воды с плачем вышел бобренок. Родители осмотрели малыша и увидели, что сухожилия на его передней лапе порваны. Поэтому он и плакал. Вот почему лапы бобров и сейчас стянуты.

— Мне очень жаль, — сказал Кролик. — Я ведь так старался быть осторожным!

Утром, когда он был готов отправиться в путь, жена бобра посадила его к себе на спину и перевезла через океан. После этого она сказала Кролику:

— Внучек, тебе предстоит нелегкое дело, но я сосредоточу на нем все мои мысли, чтобы помочь тебе⁵¹. Там, куда ты держишь путь, на берегу океана есть деревня. Сын вождя той деревни носит на голове скальп, который тебе нужно достать. Если с тобой что-то случится⁵² или если тебе удастся завладеть скальпом, ты должен сразу бежать к берегу океана и прыгнуть в воду как можно дальше. Там я буду тебя ждать. А пока я прогрызу дыры во всех лодках⁵³.

И вот он вдоль берега направился к деревне, чтобы для начала осмотреться и разузнать, что к чему. Через некоторое время он заметил на самой окраине деревни место, где жители убивают птиц. Он подошел поближе и распугал птиц, которые туда слетались. Вдруг кто-то высунулся из укрытия и сказал:

— Подойди сюда, юноша! Ты распутал мне всех птиц.

Но затем птицы снова прилетели, и человек начал стрелять в них из лука.

Тем временем Кролик задал охотнику множество разных вопросов, например: «Кто вождь этой деревни?» или «Чем ты обычно занимаешься?»

Человек отвечал:

— Я вождь этой деревни. Обычно я подстреливаю четыре пары птиц и возвращаюсь домой. Я иду туда, где женщины охраняют поле, и даю каждой по паре птиц. Они всегда просят меня остаться, но я всегда отказываюсь и ухожу на край деревни, туда, где живет одна старуха. Там я оставляю другую пару птиц и иду в большой дом в центре деревни. Вернувшись домой, я бросаю лук и стрелы в дальний угол дома. Они всегда падают

ровно. Моя мать всегда это подмечает. Затем я снимаю мокасины и забрасываю их на столбы в доме, и они всегда падают ровно. Моя мать и это всегда подмечает. Потом она дает мне чего-нибудь поесть. Я ем совсем немного и быстро заканчиваю. Иногда я говорю своему отцу, что у меня болит голова и я надену свой головной убор, если люди будут танцевать для меня. Повара и слуги готовятся, глашатай объявляет по всей деревне, что состоится танец. Потом я надеваю свой головной убор и танцую⁵⁴.

Так Кролик узнал о вожде все, что хотел. И вот, улучив минуту, когда вождь отвернулся, он ударил его и убил. Он содрал с него кожу и натянул ее на себя. Теперь он был как две капли воды похож на молодого вождя.

Вскоре он настрелял четыре пары птиц и пошел по пути, о котором рассказал ему убитый вождь. Через некоторое время он пришел туда, где женщины охраняли поле, и каждой дал по паре птиц.

— Мы варим еду, и она уже готова. Почему бы тебе не поесть перед тем, как ты отправишься дальше, — спросили они.

Но он отказался и сказал, что должен скорее идти домой, потому что его там ждут с обедом. После этого он отправился к дому старухи, отдал ей пару птиц и пошел к дому в центре деревни.

Как только он вошел в дом, он бросил стрелы в дальний угол, и они обе упали ровно. Однако мать сказала:

— Мой ли это сын? Я не верю своим глазам — одна стрела выступает немного больше, чем другая.

Но старый вождь ответил:

— Что ты говоришь, вредная старуха, ты только заставляешь нашего мальчика нервничать.

Затем он добавил, уже Кролику:

— Не обращай на нее внимания. Бросай стрелы, как тебе хочется.

Кролик снял мокасины и бросил их на шесты, что были в доме — они зацепились и повисли на них. Мать принесла ему

еды, и он съел очень много, потому что был страшно голоден.

— Здесь что-то не так, — сказала мать, — это не мой сын. Мой сын никогда не ест так много.

— Что стряслось с этой злобной старухой? — воскликнул старый вождь. — Дай ты ребенку поесть спокойно. Чем больше ты мелешь языком, тем больше он нервничает. К тому же, все эти дни он совсем ничего не ел, и, понятно, проголодался.

Чуть погода, Кролик сказал старому вождю:

— Отец, у меня болит голова, и я хочу надеть свой головной убор. Прикажи слугам все приготовить, и я надену его.

Получив приказания, слуги все приготовили и разнесли весть о танцах по деревне. Когда толпа собралась, он взял головной убор, который был человеческим скальпом с красными волосами, надел его на голову и начал танцевать вместе со всеми. Танцуя, он приближался к двери, и, подойдя к ней совсем близко, выбежал вон.

— Головной убор вождя украли! — закричали все и пустились в погоню.

Кролик бежал, пока не добежал до океана. Он прыгнул в воду как можно дальше и приземлился на спину своей бабушки, бобрехи. Она тут же поплыла прочь. Преследователи сели в лодки, но они стали быстро наполняться водой. Тогда они вспомнили о двух лодках, что были выгнаны на берег, пересели в них и снова погнались за Кроликом. Вскоре они догнали его и зажали между бортами лодок. Тогда бобрехи сказала Кролику:

— Держись за меня покрепче.

Она высоко подняла свой хвост и ударила им по воде. От удара поднялись большие волны, и лодки с преследователями перевернулись.

— Теперь, внучек, — сказала она, — мы от них избавились. Больше нам нечего бояться.

Так они в конце концов добрались до родного берега.

Старый бобр был очень рад их возвращению. Кролик же отправился в дом старухи, и когда был уже совсем близко, закричал: — Дедушка, я пришел, так что будь наготове!

Старик снял с головы повязку, сел в дверях и стал ждать. Кролик подошел к нему, взял скальп за волосы и бросил его старику на голову. Скальп тут же прирос к голове. Теперь там сидел красивый мужчина, и голова его была цела и невредима. Старик горячо поблагодарил Кролика и сказал:

— Именно поэтому я посылал за тобой. Я знал, что ты находчивый и единственный, кто может вернуть мне скальп. Теперь, внучек, как я и обещал, ты обретишь власть над всеми вещами, которые подвластны мне. Ты видел их, когда пришел ко мне. Все, что ты пожелаешь, будет твоим. Но от одного я хотел бы предостеречь тебя. Никогда не проси одного и того же четыре раза подряд. Но, прежде всего, никогда не причиняй зла женщине, что живет в этом доме за перегородкой, потому что она в ответе за все, что у тебя будет. Если ты захочешь спать с женщиной, ты можешь делать это, и она своей властью поможет тебе заполучить любую женщину, какую ты пожелаешь. Теперь же, внучек, похоже, я буду мешать здесь на земле, поэтому я отправляюсь домой.

Сказав это, он полетел к небу. При этом раздавался грохот, напоминающий удары грома⁵⁵. Вскоре он исчез из виду.

21

Ночью Кролик испробовал свою силу на вещах, которые, по словам старика, должны были ему подчиняться. Все, что он пообещал ему, оказалось правдой. Перед тем, как отправиться спать, он сказал:

— Сейчас мне бы хотелось лечь с какой-нибудь красивой женщиной.

И она тут же появилась. Она была очень красивая, но Кролик опять сказал:

— Я имел в виду красивую женщину.

И та, что явилась, ушла, а пришла другая. Она была еще более прекрасна, чем первая. Но Кролик опять попросил красивую женщину, и ей тоже пришлось уйти. За ней явилась другая, прекрасней всех прежних. Но он снова попросил красивую женщину, и эта женщина ушла. Наконец явилась женщина неопишуемой красоты. С нею он сошелся. А ведь его предупреждали, что он не может желать одного и того же четыре раза подряд, и все же он сделал это. Он знал, что нельзя беспокоить женщину, живущую в доме за перегородкой, однако в этот самый момент он совокуплялся с ней!

Он должен был выбрать любую из тех женщин, ведь он спал даже со своей бабушкой⁵⁶. Вместо этого он лег с той женщиной, с которой было запрещено. Именно потому, что он не послушался, мы должны теперь тяжелым трудом добывать то, чего хотим. Если бы Кролик поступал так, как ему говорили, мы бы по сей день обладали властью, которая была ему дана. Он получил для нас хорошую вещь, но утратил ее. Вот почему мы не можем распоряжаться вещами, как это делал старик.

На следующее утро, когда Кролик встал, женщина встала тоже и удалилась за перегородку. Кролик подошел к перегородке и заглянул внутрь, желая увидеть женщину. Она лежала среди белых перьев, и только ее глаза были темны⁵⁷. Через некоторое время в доме начался грохот. Шум становился все громче и громче. Кролику стало страшно, и он выбежал вон. Вскоре грохот прекратился, но когда он вернулся обратно, дома не было. Кролика начало мучить раскаяние. Он очень сожалел о том, что натворил, и говорил:

— И когда только от меня будет хоть какая-нибудь польза на этой земле!⁵⁸ Я получил прекрасную вещь для моих дядьев и теток, но не сумел ее сохранить.

С этими словами он отправился домой. Когда он вернулся, он сказал бабушке:

— Я совершил ужасную вещь, бабушка. Я пошел туда, где живет мой дед, и обнаружил его без скальпа. Его скальп украли и увезли за океан. Многих он посылал за ним, но никому не удалось достать его. Поэтому он послал за мной. В своем доме он мог приказывать разным вещам делать все, чего бы он ни захотел, и они беспрекословно подчинялись ему. Он передал мне свою власть, но при этом наказал не просить одного и того же четыре раза подряд. Но по ошибке я сделал все наоборот. Я захотел лечь с женщиной и попросил красавицу. Но ни одна из них не казалась мне достаточно красивой для этого. Повтому я повторил просьбу четыре раза. Так я потерял все, что получил в дар от моего деда, а вместе с тем и его дом.

— Ах ты, лупоглазое, вислоухое, несносное создание с обожженным задом! Ты приобрел такой ценный дар для своих дядьев и теток. Они могли бы пользоваться им, и вот ты потерял его. Они будут всегда жалеть об этом, злобное ты создание!

Сказав это, она взяла деревянную кочергу и побила его.

— Ай-ай, ай-ай-ай! — закричал Кролик. — Я сказал тебе, что лег с женщиной, и вот теперь ты бьешь меня из ревности!

22

Затем Кролик задумался над тем, что ему еще предстояло сделать, и сказал себе:

— Кажется, я уничтожил уже всех злых существ, которые мешали моим дядьям и теткам. Ведь именно для этого Творец Земли послал меня сюда.

Так он размышлял.

— Теперь мои дядья и тетки могут жить на земле в

мире и покое, как и я, потому что все злые существа, которые вредили им, теперь мертвы.

Потом он отогнал высоко в небо всех птиц, которые вредили людям, и загнал под землю злых духов, которые еще населяли ее, чтобы люди могли жить спокойно.

Он подумал: «Те, кого я убил, были злыми животными. Теперь мне нужно приготовить тех животных, которых будут есть люди⁵⁹».

И он решил спросить об этом у самих животных. Собрались все животные, не только большие, но и маленькие — енот, скунс, ондатра и другие. Затем Кролик приготовил немного масла. Масло ему нужно было для того, чтобы сделать жирным мясо тех животных, которых будут есть люди.

Сначала он спросил лося:

— Чем бы ты хотел питаться?

Лось ответил:

— Я бы хотел есть людей.

Кролик тогда попросил его показать зубы. Зубы у лося были длинные и устрашающие на вид.

— Ну что ж, — сказал Кролик, — если таков твой выбор, возьми это и ешь. Это — кровь людей.

И он дал ему какой-то плод, который был таким зеленым, что лось, когда попробовал его, переломал себе все зубы, так что осталось только несколько передних зубов. Лось заплакал и сказал:

— Кролик, я беру свои слова назад. Я был не прав. Твои дядья могут убивать меня и есть мое мясо, когда захотят.

Кролик поблагодарил его и сказал:

— Вот и хорошо.

Потом он спросил медведя. Медведь сказал, что люди могут есть его. Но перед этим они должны поститься⁶⁰. Если кто-нибудь попытается найти его не соблюдая поста, его постигнет неудача, потому что он, медведь, закроет вход в берлогу своей лапой.

— Тебе не следовало бы говорить этого, медведь, — сказал Кролик, — потому что у моих дядьев есть знахарские средства, которые трудно преодолеть, и собаки, которые возьмут любой след.

Потом он спросил коня⁶¹, и конь ответил:

— Кролик, я буду всегда жить с твоими дядьями и тетками и работать на них. Все, что у них есть тяжелого, я буду перевозить на себе.

Кролик поблагодарил коня со словами:

— Вот и хорошо. Ты показал себя вождем и всегда будешь хорошим помощником для людей. Я знал, что ты доброе животное. Поэтому я не решался спросить тебя — боялся, что ты скажешь, что хочешь есть людей. Вот и хорошо.

Потом Кролик обратился к остальным животным:

— Те из вас, кто согласился, чтобы люди ели его мясо, могут окунуться в это масло. Так вы станете жирнее.

Первым вызвался медведь. Он весь выкатался в масле. Вот почему он такой жирный. За ним прыгнул норка. Но животные сказали, что норка не подходит для еды, поэтому они выловили его и насухо вытерли. Вот почему он такой тощий. Следующим без спроса прыгнул скунс. Но животные сказали, что он не годится в пищу, потому что очень дурно пахнет. На это скунс ответил, что если его мяса поест больной человек, то он тут же выздоровеет. Тогда Кролик сказал, чтобы они не трогали скунса, при условии, что скунс сдержит свое обещание и будет помогать людям избавляться от недугов. Все согласились с этим. Затем остальные животные, которые были согласны, чтобы люди их ели, выкупались в масле и разошлись по домам.

После того, как они ушли, Кролик взял двух собак и приготовил знахарские средства, потому что он хотел показать людям, как нужно охотиться на медведя. Он нагрел несколько камней и соорудил дом с парильней. Когда все было готово, он вошел в парильню и «сосредоточил свой ум»⁶². Кроме того, он сварил в котелке сушеного майса.

В парильне он общался со всеми деревьями и травами, со всеми камнями и даже с землей⁶³. Затем в качестве приношения он насыпал табаку и начал церемонию. Он начал петь и попросил свою бабушку петь вместе с ним. Она согласилась. Начал он с песен черного корня⁶⁴. Когда он пел, медведя охватило непреодолимое желание посмотреть в его сторону. Наконец, он не выдержал и посмотрел. Тогда Кролик закричал:

— Бабушка, ко мне только что приходил чей-то ум.

Но она ответила только:

— Попробуй еще.

Медведь сидел в своей берлоге и слышал все, что говорили в доме, и он пожалел о том, что сказал за день до того.

Кролик опять запел. На этот раз он пел танцевальные песни. Медведь слышал, и ему захотелось танцевать. В конце концов он решил пойти туда, где пел Кролик. К тому же запах еды так манил, что его одолело желание попробовать ее⁶⁵. Он уже не мог перестать думать о Кролике, о том, что он делает.

Теперь Кролик знал, когда ум медведя⁶⁶ приходил к нему. В тот самый момент он перестал петь и удалился. На следующее утро он взял с собой собак и пошел выслеживать медведя.

— Оттуда прошлой ночью приходил ко мне ум медведя, — сказал он, науськивая собак.

Наконец, одна из них взяла след и побежала к берлоге. Медведь закрыл лапой вход в берлогу, но собака все равно отыскала его. Медведь сказал:

— Никому не говори, где я, и я дам тебе кусок сала.

Но собака подняла лай, на который прибежала другая. Они обе стали пытаться выгнать его из берлоги. Тут-то и пришел Кролик:

— Хорошая работа, — сказал он. — А ну, вылезай из берлоги. — И начал пихать медведя, пока он не вылез.

Потом Кролик стал целиться стрелой прямо медведю в бок. Медведь в испуге косился на стрелу, каждую секунду ожидая, что его убьют. Но вместо этого Кролик побежал вперед и стал ждать, когда собаки подгонят его поближе. Так он стоял и ждал. В конце концов медведь подошел совсем близко. И опять Кролик направил на него стрелу, метя прямо в сердце. Медведь не мог больше бежать и перешел на шаг. Но и тогда Кролик не выстрелил в него. Когда он в четвертый раз направил на медведя стрелу, тот заплакал⁶⁷. Тогда кролик стал дразнить его, приговаривая:

— Не такой уж ты умный, каким хочешь казаться. Отчего ты плачешь? Вот что могут сделать с тобой люди, даже если ты станешь закрывать лапой вход в берлогу. Будь я одним из твоих дядьев, я бы уже убил тебя.

— Кролик, — ответил на это медведь, — ты был прав. Теперь люди всегда смогут найти меня, где бы я ни был, и охотиться на меня.

Так медведь подчинился Кролику, а люди, когда охотятся на медведя, до сих пор делают то, что делал тогда Кролик.

23

Кролик подумал:

— Теперь люди смогут пребывать в довольстве и жить вечно.

Но старуха, его бабушка, сказала:

— Твои слова печалят меня, внучек⁶⁸. Как могут твои дядья и тетки жить так же, как и ты? Творец Земли создал их другими. Все должно иметь свой конец. Ты ведь, наверно, видел во время своих странствий, как падают деревья. Так приходит их конец, так они умирают. Так умирает и трава, поникая на землю. Всему, что есть на свете, придет конец. Я тоже умру, ибо я так создана.

Кролик посмотрел в ее сторону и увидел, что часть ее

спины осела, как иногда оседает земля. И он увидел людей, исчезающих под оседающей землей.

— Так это происходит, внучек, — сказала старуха, — я была создана маленькой. И если бы люди жили вечно, они заполнили бы всю землю, и скоро им не осталось бы места. И на земле было бы гораздо больше страданий, чем сейчас. Ведь людям нужна еда, и многие начали бы голодать. Вот почему все должно иметь свой конец.

Кролик надолго призадумался: «Хороший дар я получил для моих дядьев и теток, но бабушка все испортила». Ему стало грустно. Он взял свое одеяло, накрылся им, лег в угол дома и заплакал.

24

Он плакал, потому что ему было жаль людей. Именно тогда он и задумал создать Знахарский Обряд⁶⁹.

Вот история создания Знахарского Обряда. Всех птиц небесных, которые были вредны и мешали человеку, Кролик убил. Вот почему говорят, что он отогнал их высоко в небо. Он убил и всех злых духов, что населяли землю. И с тех пор они не могут скитаться по ней. Вот что имеют в виду, когда говорят, что он втоптал в землю тех, чьи спины выступали.

Кролик был послан Творцом Земли, чтобы научить людей жить лучше. Вот почему он обошел всю землю. Когда он вырос, он разделался со всем, что мешало людям⁷⁰.

Он называл всех людей своими дядьями и тетками потому, что его мать была человеческим существом. Его родила земная женщина, поэтому он и звал мужчин своими дядьями. Его мать была девственницей, поэтому у него не могло быть никаких других родственников, кроме дядьев и теток. Все кролики — сыновья всех женщин и племянники мужчин.

II

ПРИМЕЧАНИЯ К ЦИКЛУ О КРОЛИКЕ

1. Во многих версиях этого широко распространенного эпизода во время родов ее тело разрывается на части.
2. Имеются в виду люди, чье ритуальное имя — «двуногие ходоки».
3. «Дядья и тетки» означает люди.
4. Рассказчик пропускает описание второй и третьей попытки.
5. То, что обычно делают дети, когда им впервые дают лук со стрелами.
6. На протяжении всего мифа две формы Кролика — одна, его истинная форма, и другая, более общая териоморфная — постоянно сменяют друг друга.
7. Женщины не имеют права брать стрелы, особенно, священные.
8. С каждым новым приключением Земля, которая бранит Кролика, добавляет еще одно прилагательное, пока не перечисляет все его черты.
9. Виннебаго утверждают, что, в отличие от соседних племен, сами они никогда не делали кремневых наконечников для стрел, но часто находили их в земле.
10. То есть священные и наделенные могуществом.
11. Острый Локоть — это персонаж, который встречается в наиболее древних слоях мифологии виннебаго и всегда ассоциируется со злом.
12. Ср. примечание 53 к циклу о Трикстере.
13. Ср. конец предыдущего эпизода.
14. Символическая ассоциация колчана и стрел с ребрами довольно необычна.
15. Как уже говорилось, вождю племени запрещено всту-

пать на тропу войны или убивать кого бы то ни было.

16. Это, конечно же, комментарий рассказчика. Установление дружеских отношений между сыном вождя и сиротой — широко распространенный мотив.

17. Полигамия — одна из отличительных особенностей злых духов в мифологии виннебаго. Возможно, она связана с древней культурной чертой виннебаго, которая впоследствии была утрачена.

18. Этот мотив широко используется в цикле о Близнецах.

19. Убийство всех пленных детей мужского пола и беременных женщин врага было в обычае у виннебаго. Девочек и других женщин обычно оставляли в живых.

20. То есть они хотели, чтобы он стал их вождем.

21. Возможно, он отождествляется с Пузырем, который является третьим героем, созданным Творцом Земли, но в некоторых мифах становится злым духом.

22. Медведь считается бесстрашным, и, как мы увидим позже, ему присуще изначальное нежелание быть использованным в пищу человеком.

23. По поводу ассоциации медведя с салом см. цикл о Трикстере, примечание 97.

24. То есть она не воин, возвращающийся домой со скальпом.

25. Здесь Земля впервые обозначает себя как земля, а не как антропоморфное существо.

26. Смысл этого утверждения мне не ясен.

27. В данной версии этот эпизод сильно сокращен. Чтобы правильно понять его, нужно помнить, что Медведь на самом деле — супруг Земли. Кролик дает ей заднюю часть туши, которая желанна для нее, но о которой она боится спрашивать, так как эта часть содержит пенис Медведя.

28. Причина этого не совсем ясна. Мужчины и женщины виннебаго всегда едят вместе. Скорее всего, заявление Кролика —

стилистический прием для указания того, что он начинает понимать, что она женщина, еще не достигшая климакса (ср. эпизоды 9 и 16), а он уже достаточно вырос и не может больше жить с ней под одной крышей. У виннебаго до сих пор есть пословица: «Оставайся со своей бабушкой!», означающая, что человек еще не стал взрослым.

29. Это, конечно же, наделяет Кролика еще одной характерной чертой.

30. Это разделение эпизода с головами без тел на две части довольно необычно. Кроме того, мотив пораненного носа здесь тоже не на своем месте. Практически во всех остальных версиях головы, лишенные тел — это злые духи.

31. Пример объяснительного мотива, которыми изобилует этот цикл, в отличие от цикла о Трикстере. Сведение разрушительных черт животных или злых существ от убийства к безобидному покусыванию также весьма характерно для данного цикла.

32. Очевидно, рассказчик устал от повторения обязательных деталей. Этого никогда бы не случилось, если бы он рассказывал историю перед аудиторией.

33. Это характерное описание человека с точки зрения животного. В данном случае оно применяется к муравью.

34. Встряхивание умершего, чтобы оживить его — очень распространенный мотив.

35. Хвастовство всегда используется в качестве литературного приема, указывающего на слабость. Любой из племени виннебаго сразу поймет, что высокое существо скоро будет убито, потому что оно хвастается своей силой.

36. На протяжении всего цикла Земля только дважды бьет Кролика. В этом эпизоде, когда он мешает ходу природных процессов, и в эпизоде 21, где он своими действиями навсегда лишает людей возможности без труда удовлетворять свои желания.

37. Так Кролик обретает свою последнюю характерную черту — «обожженные» ягодицы.

38. Обычная метафора для обозначения огромной скорости.

39. У водяного чудовища множество животов.

40. См. примечание 19.

41. Это выражение является формой хвастовства и сразу же влечет за собой пагубные последствия для Кролика. Однако в его случае последствия не могут быть такими, как для других существ. Нужно отметить, что сам Кролик осознает всю опасность, которой подвергается из-за своего хвастовства, и сразу же исправляет «драться» на «играть».

42. Такой род рассказа в виде вопросов-ответов — излюбленный у виннебаго литературный прием, направленный на развитие сюжета.

43. Ср. примечание 28. Первое, что приходит Кролику на ум — не то, что Земле немедленно следует удалиться в менструальный дом, а то, что его оружию угрожает опасность из-за контакта с менструирующей женщиной. Как правило, в подобной ситуации виннебаго в первую очередь заботятся о связках воина. Однако поскольку у Кролика нет никакой связки воина, он обращает внимание на лук и стрелы. Согласно представлениям виннебаго, контакт со связкой воина убивает всех, кроме менструирующей женщины. В последнем случае все как раз наоборот.

Дом, который имеет в виду Земля в последующих репликах — это менструальный дом.

44. Менструирующая женщина должна соблюдать ряд пищевых табу. Среди них и запрет на употребление мяса.

45. Эпизод, описанный в последних трех абзацах, представляет собой официальный миф о происхождении месячных и связанных с ними обычаев. Как уже отмечалось (см. примечание 28), то, что Кролик так долго живет со своей бабушкой, вызывает обыч-

ные в подобных случаях колкости и насмешки, которые намекают не только на то, что это верх неприличия, но и на возможность инцеста.

46. Последующие мотивы довольно обычны и используются в тех случаях, когда персонаж хочет спрятаться от злого существа. Угрозы, высказанные в хвастливой форме — признак того, что угрожающий непременно будет убит. Поэтому нас не должен удивлять гнев и внезапные действия Кролика.

47. Этот и следующий мотивы — определенно не индейского происхождения.

48. То есть людям.

49. Это частое приветствие, которым встречают гостей, звучит грубее, чем оно есть на самом деле. Во-первых, оно довольно обычно, а, во-вторых, никогда не означает, что у гостя есть скрытые причины для визита, напротив — что он приносит для хозяина новости и т.д. Здесь, конечно же, сам сюжет требует того, чтобы у Кролика был скрытый мотив. Обмен подарками происходит в подобных случаях всегда. Заявление бобра (чуть ниже) о том, что он всегда рад переправить гостя и без подарка — просто дань вежливости.

50. Бобр, в соответствии с мифологией виннебаго, был одним из тех животных, которые сразу же согласились служить пищей людям. Здесь это поверье сочетается с мотивом о происхождении формы их лап.

51. Такого рода сосредоточенность ума считается основным условием успеха любого ритуала или начинания.

52. То есть если тебя обнаружат и ты потерпишь неудачу.

53. Это хорошо известный мотив, связанный с деятельностью бобров.

54. За исключением головной боли, этот сюжет встречается в целом ряде не связанных между собой мифов.

55. Это обычный конец сказок о божествах, которые воплотились, чтобы помочь людям.

56. Это, конечно же, комментарий рассказчика.

57. Это описание подходит в равной степени и для женщины-

ночного духа, и для женщины-духа воды. В данном случае, все же, речь идет о женщине-духе воды, поскольку только они считаются неописуемо прекрасными.

58. Это замечание подготавливает нас к полному изменению характера Кролика в следующем эпизоде.

59. Далее следует превосходная иллюстрация широко распространенной народной теории о происхождении отличительных черт животных. Можно с уверенностью сказать, что эта теория не принадлежит служителям культа или мыслителям.

60. Перед охотой на медведя необходимо совершить сложный обряд. Он описан на стр. 136 и далее.

61. Конь, конечно, не является туземным животным.

62. Это необходимо для всех церемоний, но особенно важно именно для этой. Во время приготовлений к охоте на медведя будущий охотник пристально смотрел на горящие поленья, пока в его сторону не летел уголек. Этот горящий уголек, летящий в его сторону, толковался как обращающийся к нему ум медведя. Ср. конец этого абзаца.

63. Он имеет в виду то, что находится на земле.

64. Эти песни, в общем, были связаны с лечением болезней. Однако некоторые из них обладают магической силой.

65. Одна из теорий того, почему убивают животных, объясняет это тем, что они, точнее, их духи-прототипы, не могут сопротивляться запаху пищи, приносимой им в жертву. Та же теория объясняет и то, что духи могут даровать человеку особые способности. Здесь духи не могут устоять перед запахом табака.

66. См. примечание 62.

67. Это считается признаком слабости и полнейшей беспомощности.

68. В связи с этим см. Миф о происхождении Знахарского Обряда в моей книге *Road of Life and Death*, New York, 1945, pp. 22 ff.

69. См. Миф о происхождении, упомянутый в примечании 68.

70. Это и следующие замечания — комментарий рассказчика.

III

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ МИФА О ТРИКСТЕРЕ У
АССИНИБОЙНОВ*

1. Земля залита потопом. Ситшонски** отправляет ондатру принести со дна грязи и лепит из нее землю. Он заставляет ондатру и бобра поменяться хвостами.

2. Ондатра приносит грязь, из которой Инктонми лепит землю. Инктонми спорит с Лягушкой о том, сколько должна длиться зима. В конце концов они сходятся на семи зимних месяцах. Он создает людей и лошадей.

3. Земля покрыта снегом, потому что лето хранится в мешке, привязанном к шесту в доме шамана. Инктонми нанят сверхъестественными существами, чтобы дать людям лето. Он распределяет роли между животными-помощниками. Лис крадет лето и передает его своим сообщникам, которым удастся скрыться, пока Инктонми отвлекает хозяина беседой. Инктонми присоединяется к товарищам и, открыв мешок, выпускает лето. Созывается совет, чтобы решить, сколько будет длиться зима. Лягушка предлагает шесть месяцев, и Инктонми бьет ее. Но потом Инктонми становится жаль ее, и он устанавливает зиму длиной шесть месяцев. Затем возникает спор о том, будут ли люди возвращаться к жизни после смерти. Инктонми решает, что люди должны умирать навечно. Инктонми заставляет всех животных окунуться в яму с жиром.

4. Инктумни играет со скалами и оставляет на них отпечатки своего тела.

* См. R. H. Lowie, *The Assiniboine*, *Anthrop. Pap. Amer. Mus. Nat. History*, vol. IV, New York, 1909, pp. 239–244.

** Ситшонски и Инктонми, Инктумни, Инктоми — один и тот же персонаж.

5. Ситшонски встречается женщин, которые никогда не видели мужчин. Он рассказывает об этом своим друзьям, которые сопровождают его в лагерь женщин. Женщины выбирают себе мужей. Женщина-вождь выбирает Ситшонски, но он отказывается на ней жениться. Она запрещает своим подданным выходить за него замуж, и он остается холостым.

6. Инктомни с неким юношей отправляется плавать на каноэ. Они высаживаются на берег и обнаруживают поселение, где живут одни женщины. Он объясняет суть сексуальных отношений двум женщинам-вождям племени и всем остальным женщинам. Удовлетворив свое желание, он хочет уйти, но женщины, которые еще не были посвящены, удерживают его. В конце концов ему удается бежать.

7. Инктумни хочет полететь вместе с гусями. Птицы берут его с собой, но роняют свою ношу в яму с грязью, из которой он не может выбраться в течение нескольких дней.

8. Ситшонски хочет отправиться в путешествие с орлом. Орел оставляет его на вершине горы. Ситшонски падает оттуда вниз головой и попадает в болото. Выбравшись из него, он превращается в лося, чтобы заманить орла, заставив его спуститься вниз. Когда орел прилетает, чтобы поест мясa, Ситшонски убивает его.

9. Ситшонски хочет отправиться в путешествие вместе с гусями. Его предупреждают об опасностях путешествия, но он стоит на своем. Индейцы стреляют по гусям, и гуси роняют Ситшонски в яму с грязью.

10. Инктумни отказывается сделать дар скале и застревает в ней. Он просит о помощи птиц, обещая им в награду свою дочь. Птицы вызывают ветер, который разбивает скалу. Затем Инктумни объявляет, что у него никогда не было дочери.

11. Инктомни привлекает медведя в парильню и запаривает его насмерть. Он хочет распределить мясо между животными, но неожиданно застревает в скале и никак не может выбраться. Лягушка

рассказывает об этом другим животным. Они съедают все мясо. В конце концов Инктомни освобождают птицы, которые разбивают скалу.

12. Илька скрывается с мясом, которое приготовил Ситшонски. Ситшонски замечает Ильку в воде, ныряет за ним, но никак не может его поймать. Он обнаруживает, что это было лишь отражение Ильки, а сам Илька сидит на дереве. Илька соглашается отдать ему немного мяса, если он закроет глаза и откроет рот, а сам кидает в него нож и убивает.

13. Инктумни ныряет под воду, чтобы достать ягоды, но настоящие ягоды оказываются над его головой. Он обманут их отражением в воде.

14. Ситшонски встречается с курицей и оскорбляет ее. Курица хлопает крыльями и пугает Ситшонски, и тот падает в воду. Выбравшись на берег, он получает двух рыб, хитростью заставив их подраться и убить друг друга. Норка крадет его добычу. Ситшонски разгневан и призывает Гром, который вызывает потоп. Все бескрылые животные погибают. Гром останавливает дождь, и Ситшонски воскрешает животных.

15. Ситшонски несет два мешка и возбуждает любопытство гусей. Он приглашает их танцевать с закрытыми глазами и сворачивает им шеи. Из убитых гусей он готовит себе еду. Приходит Лис, который притворяется хромым. Ситшонски предлагает устроить состязание в беге за приготовленную еду. Лис выигрывает и один съедает все мясо.

16. Инктомни притворяется, что оплакивает своего брата и убеждает уток отправиться с ним на войну. Но сперва он просит их станцевать с закрытыми глазами вокруг Черепахи. Пока они исполняют свой танец, он успевает убить большинство из них. Остальным удается спастись. Черепаха, предостерегшая Инктомни, что он не должен пить воду в течение четырех дней, тоже пытается спастись бегством, но он убивает и ее. Приходит

Койот, который притворяется хромым. Инктомми соглашается дать ему еды, если он принесет ему ведро. Койот приносит несколько ведер, но Инктомми они не устраивают, и он посылает его снова. В конце концов он приносит то, что нужно, и Инктомми садится на скалу, которая крепко хватает его и держит, не отпуская. Койот зовет других животных, и они вместе съедают все мясо. Инктомми просит птиц освободить его, обещая ярко раскрасить их крылья. Они разбивают скалу, и он выполняет свое обещание. Инктомми вспоминает о предостережении Черепахи и боится пить. Когда он наконец нагибается, чтобы напиться, огромная черепаха хватается за губу и не отпускает до тех пор, пока Инктомми не обжигает ее своей трубкой. Он переворачивает ее на спину и берет с нее слово никогда не кусать людей.

17. Лис притворяется хромым. Инктомми вызывает его поспоревноваться в беге и предлагает привязать к своей ноге камень. Лис обгоняет его и съедает всю его еду. Инктомми безуспешно пытается убить его.

18. Инктомми просит свой зад охранять его яйца и будить его, если кто-нибудь подойдет. Зад не справляется со своей задачей, и яйца съедает незнакомец. Инктомми в гневе прижигает его и уходит прочь. Вернувшись, он принимает свою собственную плоть за мясо животного и ест ее.

19. Ситшонски проходит мимо спящей куницы и рыси.

20. Ситшонски слышит, как люди танцуют, и находит мышей, пляшущих в черепе бизона. Он просовывает свою голову внутрь черепа и некоторое время не может ее вытащить.

21. Ситшонски одевает на голову череп бизона с танцующими в нем мышами. Он засыпает. Мыши отгрызают ему волосы, и когда он просыпается, он не может снять с себя череп. В конце концов он разбивает череп о камни.

22. Ситшонски учится у птиц жонглировать глазами. В конце концов он забрасывает свои глаза на дерево, и ему приходится

сделать себе другие из смолы.

23. Четыре мальчика показывают Инктомми, как жонглировать глазами. Они предупреждают его, что это нельзя делать слишком часто. Они также учат его фокусу с отрезанием ступни и игре в прятки, предупредив, чтобы он не играл в эту игру один. Он жонглирует глазами слишком часто и теряет их, мальчики возвращают их ему, но лишают его этой способности. Он также не слушается второго предупреждения и застревает на дереве. Мальчики спасают его, но отнимают у него и вторую способность.

24. Ситшонски просит птицу перенести его пенис на другой берег залива к спящему бобру. Птица кладет пенис совсем не туда, куда нужно. Бобр просыпается и ныряет в воду.

25. Норка вступает в половые сношения с бобром. Ситшонски видит их и просит норку послужить для него посредником (подобно птице в эпизоде 24).

26. Ситшонски крадет маленьких бобрят. Страх перед старым бобром удерживает его от того, чтобы пить воду, и он умирает от жажды. Сорока возвращает его к жизни.

27. Ситшонски временно живет у Бобра. Он похищает и съедает бобренка. Бобр кусает его, когда он пытается напиться. Он кричит от боли.

28. Ситшонски надругался над скалой, и она преследует его. Она догоняет его и накатывается сверху. Ситшонски обращается за помощью к Грому, который раскалывает скалу на части.

29. Ситшонски женится на девушке, но нарушает брачный запрет, и его жена исчезает. Он встречает самку бизона, идет за ней в ее лагерь и вместе с ней попадает в загон.

30. Ситшонски подозревает росомх в том, что они хотят завладеть его одеждой. Они все же крадут ее. Он преследует их, но не может догнать. Весной, выследив место их стоянки, он ловит одного из воров и, подвесив его над огнем, подпаливает его шерсть.

31. Медведь гонится за Ситшонски. Ситшонски натывается на череп бизона, надевает его рога и сам преследует испуганного медведя.

32. Ситшонски искусан комарами.

33. Ситшонски несколько раз поддает ногой череп бизона и превращает его в пыль, но череп всякий раз восстанавливает свою прежнюю форму. В конце концов череп превращается в живого бизона и гонится за Ситшонски. Ему удастся задобрить бизона табаком.

34. Инктумни предлагает Кролику состязаться в способности долгое время бодрствовать. В том случае, если один засыпает, другой имеет право надругаться над проигравшим. Инктумни засыпает первым и терпит надругательство. Когда он облегчается, он роняет маленьких кроликов. Пытаясь поймать их, он пачкает свое покрывало.

35. Четверо индейцев кри решают навестить Ситшонски. Они слышат, как совсем близко бьет его барабан, однако несколько дней никак не могут дойти до места. Когда, наконец, им это удастся, один из них просит себе вечную жизнь, другой просит выдать за него дочь Ситшонски, а два другие — магические средства. Первый кри превращен в камень. Второй женится на девушке, но нарушает брачный запрет, и его жена исчезает. Двое других получают магические средства. Им кажется, что они пробыли у Ситшонски четыре дня, но на самом деле они отсутствовали четыре года.

36. (Начинается, как эпизод 35) Ситшонски убивает детей своих сестер. Женщины пускаются за ним в погоню. Он делает лаз и дымом удушает их в нем.

37. Ситшонски, дав своей жене поручения, притворяется умершим. Его хоронят, но он возвращается, чтобы жениться на собственных дочерях. Его узнают, и он вынужден бежать.

38. Ситшонски путешествует, переодевшись женщиной, и выходит замуж за юношу. Он притворяется, что родил ребенка,

а сам носит лиса. Когда его разоблачают, он убегает.

39. Ситшонски оставляет свою старую жену и отправляется в странствие. Он облачается в женское платье и выходит замуж за юношу (история продолжается, как в эпизоде 38). Наконец он возвращается домой и рассказывает своей жене выдуманную историю, объясняющую его долгое отсутствие.

40. Ситшонски находит ягоды и спрашивает, какое у них второе имя. Они называют себя Чеши-Зад. Он ест ягоды, начинает чесать свой зад и расчесывает его до крови. Разозлившись, он разводит огонь, обжигает себе ягодницы и уходит. Вернувшись, он развешивает свою обожженную плоть на деревьях, и она превращается в древесную смолу.

41. Ситшонски находит коренья, которые называются Ветры. Поев их, он начинает пускать ветры, так что его подбрасывает все выше и выше в воздух. Деревья, за которые он хватается, пытаясь удержаться, с корнем вырывает из земли. В конце концов он падает в яму с грязью. Когда он выбирается из нее, он находит множество змей. Он использует их как плетки и одну за другой убивает.

42. (Начинается, как эпизод 41) Ситшонски сажает себе на плечи старуху, чтобы удержаться на земле, но их обоих поднимает в воздух. Падая, женщина разбивается насмерть. Ситшонски увязает в земле.

43. Ситшонски берет силу у Скунса, но тратит ее, раскалывая пень. Он убит при попытке украсть жену Скунса, но возвращается к жизни. Он пойман неким прохожим, который заставляет его собирать дрова. Ситшонски просит Горностая проникнуть в тело своего мучителя и съесть его сердце. Горностой соглашается ему помочь и убивает врага. В благодарность Ситшонски моет Горностая в снегу, отчего тот становится белым.

44. Инктомми учит индейцев охотиться на бизона, готовить разные части его туши и изготавливать ножи.

45. Инктомми предупреждает десять женщин о приближе-

нии Болезни и рассказывает им, что нужно сделать, чтобы спастись. Он пользуется их послушанием, изображая Болезнь.

46. Инктонми распределяет ритуалы между разными животным и просит животных явиться индейцам во сне и передать им эти ритуалы.

47. Инктонми освобождает теленка, увязшего в трясине. Они вместе отправляются в путешествие. Теленок, катаясь по земле, превращается в огромного быка. Инктонми также изменяет внешность и становится крупным бизоном. Они крадут двух женщин со стоянки бизонов и сражаются с двумя быками. Враги повержены. Теленок и Инктонми расстаются. Теленок обещает индейцам множество бизонов.

48. Инктонми предлагает владельцу трещетки последить за ней, пока он спит. Он пойман, но находит себе оправдание, сказав, что пытался защитить ее от крылатых воров.

49. Ситшонски жарит и съедает одного из своих сыновей. Второму удается убежать.

50. Ситшонски отвергнут дочерью вождя. Прибегнув к магии, он превращает свои лохмотья в прекрасные одежды и в этом наряде выманивает ее из дома. По дороге он исчезает, оставив одежду, которая превращается в испражнения.

51. Инктумни пытается совратить чужую жену, но увязает в земле, пока крадется к ее дому.

52. Ситшонски не может пересечь болото и просит палку послужить ему мостом. Медведь лечит Ситшонски. Взамен медведь просит Ситшонски собирать для него несколько ведер ягод. Ситшонски устает и собирает ягоду вместе со мхом. Путешествуя, он встречает бобров, которые притворяются мертвыми. Он подбирает одного и нарезает прутьев, чтобы зажарить на них мясо. Тем временем бобр ныряет в воду, унося с собой мешок Ситшонски, но возвращает его, когда тот начинает плакать.

IV

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ МИФА О ТРИКСТЕРЕ У
ТЛИНКИТОВ*

Ворон был сыном человека по имени Кит-каоситийи-ка, который дал ему силу сотворить мир. Когда он завершил творение мира, он получил звезды, луну и дневной свет у их хозяина в устье реки Насс, дав проглотить себя его дочери, которая затем его родила. Он раздобыл пресную воду, обманув ее хозяина — Буревестника. Когда он попытался вылететь через дымоход, Буревестник приказал духам дымохода схватить его и развел под ним огонь, превратив его из белого в черного. Ворон открыл клюв, и из него потекла пресная вода. Так появились реки и потоки. Люди, ловившие алашу, не захотели переправить его через реку, и он выпустил солнце. Эти же люди, превратившись в животных по роду шкур, что были на них надеты, убежали в леса и в океан. Затем Ворон украл кусок жира у мальчиков, которые бросали его друг другу. Он нашел кусок нефрита с вырезанным на нем узором, воткнул его в землю и сказал весеннему лососю, что нефрит обзывает его. Когда лосось выскочил на берег, Ворон убил его. Затем он попросил птиц добыть для него скунсовой капусты, чтобы они тоже могли поесть рыбы. Но вместо того, чтобы накормить их, он послал их снова, а сам съел обещанную им рыбу и закопал кости в землю. После этого птицы оделись в перья и раскрасили себя.

Ворон пришел к Медведю, и тот накормил его своей собственной плотью. Позже Ворон безуспешно пытался повто-

---

* См. J.R. Swanton, *Tlingit Myths and Texts*, Bur. Amer. Ethn. Bulletin 39, Washington, D.C., 1909, pp. 416—419.

рить то, что сделал Медведь. Ворон отправился вместе с Медведем и Бакланом ловить рыбу и убил Медведя, отрезав от него кусок. А чтобы Баклан не смог никому рассказать об этом, он вырвал ему язык. Затем Ворон убил жену Медведя, уговорив ее съесть пузыри палтуса, которые он наполнил раскаленными камнями. Придя к рыбакам, он украл с их крючков наживку, но в конце концов зацепился клювом за один из крючков и был вынужден залечивать рану, изменив при этом свою внешность так, чтобы его никто не узнал. Потом он повстречался с оленями, у которых из ноздрей свисал жир. Он обманул их, убедив, что это сопли, и взял его себе. Он отправился в путешествие на каное, и все животные хотели составить ему компанию, но он согласился взять с собой только Оленя. Когда они подошли к глубокой лошине, он выложил ее стеблями сельдерея и, прикрыв их мхом, убедил Оленя попытаться перейти ее. Олень пошел и скатился вниз. Там Ворон сожрал его, а после стал оплакивать.

Вслед за тем он повстречал старуху, что управляла приливом, и заставил ее сделать так, чтобы прилив сменялся отливом — так, как это происходит и сейчас. Тогда же он посоветовал норке питаться морскими ежами. Затем он начал причитать: «О, моя жена, моя жена», и, увидев смолу на деревьях, подумал, что они тоже плачут, сочувствуя его горю. Вернувшись к Буревестнику, он стал спорить, кто из них старше, но в конце концов Буревестник надел свою туман-шапку, и Ворон, потеряв дорогу, заблудился и вынужден был признать старшинство Буревестника. Он убедил Буревестника отпустить его шапку «в мир», чтобы люди, увидев, что туман ползет с лесных полей и затем возвращается обратно, знали, что будет хорошая погода. Он добыл огонь при помощи молодого сокола, который помогал ему и обжег свой клюв. Ворон спрятал огонь в красном кедре и в белых камнях.

Придя в огромный дом, в котором было полно всякой рыбы, он вытащил ее на берег при помощи тростника, вырезанного так, что он напоминал щупальце осьминога, и устроил пир в честь своей умершей матери. Рыб, которые остались после пира, он отпустил, и они расплылись по всему миру. Он позвал касаток, притворившись, что собирается показать им, как втыкать тростник в шею, но вместо этого он воткнул остроконечный тростник в их нутро и убил всех, кроме одной. Когда Ворон вместе с одним человеком топили жир убитых касаток, Ворон обманул его и забрал весь жир себе. Тогда этот человек посадил Ворона в короб для жира и столкнул его с высокой скалы. Но Ворон убедил его перевязать короб не веревкой, а соломой, поэтому он сразу же вылетел наружу. Он влетел внутрь кита и жил в нем, питаясь тем, что кит проглотил, и его внутренностями. В конце концов он вырезал сердце кита и убил его. После того, как кита выбросило на берег, люди проделали в нем дыру, и Ворон улетел. Вернувшись, он убедил людей в том, что это было дурным знаком, и люди покинули селение, а Ворон сожрал все, что они там оставили.

Однажды Ворон приплыл в тихое место, совсем недалеко от Ситки, и, раскачав свое каноэ, поднял большие волны. И с тех пор в этом месте очень беспокойная вода. Потом он устроил ссору между цаплей и чайкой, чтобы получить селедку, которую проглотила цапля. Подкравшись к спящим людям, он украл пойманного ими лосося. В свою очередь, они, застав его спящим, вырвали ему зуб и использовали его для игры в поло. Он разыскал свой зуб и вставил его на прежнее место, но с тех пор зуб у Ворона большой и грязный. Затем он женился на дочери Тумана-на-лососе, и они заготовили много лососевой икры и сушеного лосося. Когда стало штормить, лососевая икра помогла ему грести. Потом он повез сушеного лосося, а лососевую

икру выкинул за борт, поэтому люди почти не едят ее. Он встретил человека, владевшего дубинкой, которая сама отправлялась в море и убивала тюленей. Он украл у него дубинку и попытался заставить ее охотиться для него, но она отказалась, и он разбил ее в щепки о камни. Он попытался добраться до места, похожего на реку Насс, но это ему не удалось из-за того, что моллюски заглушали его голос. Он обратил в камень двух братьев, которые переплывали реку Стикин. Он пришел к людям-суркам и попытался убедить их, что начались весенние снежные лавины, чтобы они выкинули излишки еды, но напрасно — они ему не поверили. Ему пришлось ждать до весны, когда они действительно выбросили то, что он ждал. Тогда он устроил пир в честь своей матери. Однако перед этим на одном острове он раздобыл женские гениталии и поместил их на их место. Тогда он устроил большой праздник, на который пригласил всех на свете, потому что он очень хотел взглянуть на шляпу для танцев и чилкатское покрывало, которыми владел Гонакадет. С тех пор людям очень нравится ходить на пиры.

Ворон поместил женщину под землю, чтобы она следила за приливами и отливами. Однажды он решил спуститься под океан и велел женщине поднять воды, так что они достигли вершин гор. Однако они поднимались медленно, чтобы люди успели нагрузить свои каноэ. Медведи, которые бродили по вершинам гор, пытались подплыть к ним, и только люди, имевшие собак, были в безопасности. Некоторые люди строили ограды на вершинах гор и держали свои каноэ внутри. Те же, кому удалось спастись, не имели дров, так что скоро и они умерли от холода — кроме тех, которые были превращены Вороном в камни вместе со многими животными и рыбами. Потом море отступило, и везде стало сухо. Ворон и еще один человек-птица собирали рыбу, чтобы вытопить из нее жир. Но

Ворон подбирал только мелкую рыбу, вроде бычков, другой же подбирал китов и крупную рыбу. Ворон прогнал своего спутника и стал пить собранный им жир. Однако тот вернулся, запер Ворона в короб для жира и сбросил его с высокой скалы, как это уже было раньше. Ворону удалось спастись тем же способом.

Однажды Ворон пригласил медведей на пир и уговорил крапивника вытащить у одного из медведей внутренности через анус и так убить его. Ворон съел черные пятна на пятках медведя, поэтому он стал таким великим едоком. После того, как все погибли во время потопа, Ворон создал новое поколение из листьев, поэтому когда падают листья, умирает так много людей. Он сделал из осьминога палку-копалку и стал спрашивать у всех вещей на берегу, будут ли они вредить людям. Если они отвечали «нет», он оставлял их в покое, если «да», он вырывал их с корнем. В то время побеги папоротника уже побурели, но он сделал их зелеными, а осьминогов, которые раньше были жирными, он сделал твердыми.

Как-то раз он создал все племена маленьких людей, и когда люди пришли и расселись на циновках, он встряхнул их, и маленькие люди полетели людям в глаза, став их зрачками. Он попытался поймать бычка и съесть его, но он проскользнул у него между пальцев, поэтому теперь у него такой тонкий хвост. Он бросил свое покрывало в море. Его прибило обратно к берегу, и он кинул его на куст, где оно превратилось в *Rebis bracteosum* (шах). Питьевую воду он называл *шатк*. Он поместил женщину в устье ручья и сказал, что к ней должен приплыть лосось. Из коры желтого кедра он изготовил иглы дикобраза. Он создал западный ветер и поселил его в доме на вершине горы, объявив, что он не должен никому приносить вреда. Он также рассказал человеку, как набрать достаточно

силы, чтобы добраться на каноэ домой при помощи куска красного лосося, в который нужно дуть. Ворон также создал южный и северный ветер. Он сотворил все другие туземные расы людей. Собака поначалу тоже была человеческим существом, но Ворон переделал ее, так как она была слишком быстрой. Однажды Ворон повстречал то, что называлось жирна-море. Он потопил его, но тот опять вынырнул, и каждый раз, когда он выныривал, Ворон веслом отрубал от него кусок. На восьмой раз он погрузился в воду окончательно. Однажды появился некий человек, который очень сердито заговорил с Вороном. Тогда Ворон обратил его в дикий сельдерей. Он повязал что-то вокруг головы моллюска и назвал его так же, как называются половые органы человека.

Испробовав все возможное, чтобы дать земле опору, Ворон во время отлива осушил яму с морской водой, убил бобра, который жил на ее дне, и использовал его переднюю лапу. Он велел следить за ней Подземной Старухе. Потом Ворон убил большого кита и попытался перетащить его в яму, где лежал бобр. В конце концов он устал и превратил кита в камень вместе с четырьмя каноэ, которые его тащили. Он также дал имена некоторым местам неподалеку.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПОЛ РАДИН ПРИРОДА И ЗНАЧЕНИЕ МИФА

I

ТЕКСТ

Миф виннебаго о Трикстере был получен одним из моих основных информантов, Сэмом Ужом в 1912 году от старого индейца виннебаго, жившего неподалеку от деревни виннебаго в штате Небраска. Он был записан слоговой азбукой виннебаго, которая вошла в употребление за одно поколение до указанного времени и ко времени моего приезда использовалась только для написания писем, причем владели ею весьма немногие.

Поскольку очень важно быть уверенным в достоверности документа, который здесь представлен, хочется сказать несколько слов о самом Сэме Уже. Он был чистокровным виннебаго и принадлежал к клану Птицы Грома. Его отец был довольно известной личностью. До своего обращения в религию Пейютля около 1909 или 1910 года он строго придерживался всех традиций старой культуры виннебаго. Все его дети были воспитаны в рамках старого образа жизни. Они постились в установленное время и были посвящены в необходимые ритуалы. Им было переданы традиционные мифы, как профанные, так и священные. Старый Уж слыл превосходным рассказчиком, так что его сын Сэм имел прекрасную возможность хорошо узнать наиболее важные мифы племени в их самой достоверной форме.

То, что старший Уж знал миф о Трикстере, не вызывает никаких сомнений. Однако это не означает, что он рассказывал

его кому-то, даже своим детям. Он мог сделать это, только обладая установленным традицией правом, какого, по всей видимости, у него не было. Поэтому по моему предложению Сэм Уж обратился к одному из стариков, который знал этот миф. Кто был этот человек, я не знаю. Скажу только, что существовало достаточно причин — я не буду сейчас в них вдаваться — по которым я не мог спросить Сэма об этом. Наиболее важная причина состояла в том, что миф был священным, а я был чужим, и притом белым. Можно предположить только, что миф был передан человеком, который безоговорочно принимал все его события за истину. Также совершенно очевидно, что рассказчик не принадлежал к полухристианскому культу Пейотля, который быстро распространялся среди виннебаго во время моего пребывания у них.

Но знать все о личности рассказчика, наверное, не столь уж важно. Гораздо важнее иметь уверенность в том, что миф был передан с соблюдением всех необходимых условий и записан Сэмом в точности так, как он был ему рассказан. Под необходимыми условиями я имею в виду ритуальные приношения табака для рассказчика и подарки, соответствующие традиционной ценности мифа. Все это, насколько мне известно, было выполнено. В том же, что Сэм Уж записал миф именно так, как его слышал, я полностью уверен по целому ряду причин. Индеец виннебаго никогда не будет существенно искажать историю, рассказанную ему человеком, который обладает закрепленным традицией правом на это и которому он за это платит. Кроме того, Сэм Уж был человеком чрезвычайно честным, в чем я не раз имел возможность убедиться. Но лучшим доказательством того, что он ничего не добавил от себя в записанный им текст и ничего в нем не изменил, является сама манера рассказа и использованная в нем лексика. Я очень хорошо

знал повествовательный стиль Ужа, так как он продиктовал мне и записал сам множество разных текстов.

Первоначальный перевод был сделан двумя молодыми индейцами, Джоном Баптистом и Оливером Ламером. Оба они, особенно первый, очень хорошо знали английский. После этого я проверил перевод сам. Я довольно свободно читал слоговое письмо и хорошо знал язык виннебаго.

Таким образом, убедившись в полной достоверности текста и того способа, каким он был получен, а также в том, что он был адекватно переведен, и в том, что текст, обнаруженный в 1912 году, представляет собой принятую у виннебаго версию мифа о Трикстере, мы смело можем начать наш анализ. Более того, можно заключить с достаточной долей уверенности, что он сохранил ту же форму и особенности, какими обладал и за сто лет до указанного времени. Но прежде чем начать наше исследование, необходимо сказать несколько слов о самих виннебаго и их культуре.

II

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВИННЕБАГО

Виннебаго принадлежат к весьма обширной группе народов, говорящих на языке сиу, которые одно время населяли территорию от Южной Каролины и нижнего течения реки Миссисипи к северу и к западу до границ штатов Висконсин, Северная и Южная Дакота и Монтана, включая провинции Саскачеван и Альберта в западной Канаде. Несмотря на определенные вторичные изменения, культуры этих племен были очень схожи. Центр цивилизации сиу в то время располагался где-то по берегам Миссисипи на некотором протяжении к югу и востоку от Сент-Луиса.

Сами виннебаго по своему языку и культуре наиболее тесно связаны с теми племенами сиу, поселения которых расположены в штатах Айова, юго-восточной Небраске и в районах, лежащих непосредственно к югу, то есть, в основном, с ото, айова, омаха и оседж. Уже до 1000 года н. э., о чем свидетельствуют данные археологических раскопок, эти племена жили ближе к центру этой территории, где древнейшие сложные индейские культуры впервые обрели зрелую форму и разошлись между собой. Несомненно, все эти культуры приобрели многие характерные черты под влиянием великих цивилизаций Мексики.

Виннебаго впервые были обнаружены французами в 1634 году на западной оконечности Грин-Бея, штат Висконсин. Они были окружены не говорящими на сиу племенами, обладавшими менее сложной культурой. Сколько они жили на этой территории, нам неизвестно, но, по-видимому, не очень долго, поскольку, согласно археологическим данным, до 1400 года они не

доходили до Висконсина. Те же данные указывают на то, что сначала они продвигались на север вместе с близкими им по языку ото и айова и вошли в Висконсин с юго-западного конца этого штата и с северо-западного конца Иллинойса. Как раз в начале их движения на север айова и ото отделились от них. Перемещение виннебаго на север встретило, как кажется, жестокое сопротивление центрально-алгонкинских племен, живших на той территории. Когда виннебаго пересекли границы Висконсина, они оказались внутри плотного кольца центрально-алгонкинских племен, с которыми они вели нескончаемые войны и которые в конце концов оттеснили их на территорию юго-восточного Грин-Бей.

Таким образом, за три сотни лет до того, как их обнаружили французы, виннебаго находились в контакте с культурами, которые были гораздо проще, чем их собственная. В некотором смысле это послужило благоприятным фактором, так как позволило им сохранить свою культуру, но, конечно же, не могло в полной мере воспрепятствовать влиянию, которое оказали на них алгонкинские племена, несмотря на войны и вражду. Это влияние усилилось с появлением в середине XVII века французов, установивших на этих территориях свои миссии. Однако приход французов оказался для виннебаго благоприятным, так как позволил им прорвать тесное кольцо окружавших их вражеских племен и расселиться по всему южному Висконсину, основывая независимые деревни, в которых могла утверждаться их старая традиционная культура. Конечно, приход французов создал совершенно новые условия жизни и привел к многочисленным кризисам — но это тема отдельного разговора.

Для достижения поставленной нами цели, то есть для прояснения *Мифа о Трикстере*, читатель всегда должен помнить,

что культура виннебаго, по данным начала XX века, состоит из трех разных элементов: древняя культура, уходящая, по крайней мере, к 1000 году, а возможно, и много дальше — культура, претерпевавшая со временем многочисленные изменения, вызванные столкновением с новыми ситуациями и обстоятельствами; значительное число заимствований у центрально-алгонкинских племен после 1400 года; некоторые заимствования у белых и христианства, которые начались в середине XVII века, но настоящее значение получили лишь столетие спустя.

Нет особой необходимости приводить здесь нечто большее, нежели самое краткое описание культуры виннебаго*, и я ограничу свои замечания только теми чертами их культуры, которые отражены в мифе о Трикстере. Социальная организация виннебаго содержала две структурных модели, характерные для многих племен североамериканских индейцев. Это, во-первых, деление племени на две фратрии, называемые у виннебаго Верхняя и Нижняя, и, во-вторых, клан, происхождение в котором велось по мужской линии. Вождь выбирался из Верхней фратрии, из клана, который обычно считался самым важным — клана Птицы Грома. Вождь, в отличие от всех остальных виннебаго, не мог вступать на тропу войны. Родной из его основных функций была помощь нуждающимся и милосердное заступничество при любых нарушениях закона и обычая племени, даже в случае убийства. Если происходило убийство, его дом был священным убежищем, совершенно неприкосновенным. Если совершалось убийство, он не только

---

* Те, кто заинтересован в ее изучении, могут обратиться к монографии автора о виннебаго в 37th Annual Report of the Bureau of American Ethnology, Washington, 1923, а также к краткому описанию в книге The Road of Life and Death, New York, 1945, pp. 49—77.

просил за жизнь убийцы, но даже, в некоторых случаях, предлагал заменить его собой.

Полную противоположность роли и функциям вождя Верхней фратрии представляли роль и функции вождя Нижней, который принадлежал к клану Медведя. Он был средоточием полицейской, дисциплинарной и военной власти. Он и его приближенные осуществляли контроль за порядком в деревне, охраняли ее и наказывали за нарушение законов и обычаев. Они брали на себя руководство и управление племенем, когда оно вступало на тропу войны, во время охоты или во время другой коллективной деятельности. Именно в доме вождя Нижней фратрии держали пленников перед тем, как предать их смерти, и именно там хранили от осквернения священные связки воинов этого племени.

Виннебаго верили во множество духов — некоторые из них определялись четко, другие же нечетко. Подавляющее большинство духов изображалось в виде животных или зооморфных существ. Главной чертой этих духов была способность принимать любую форму по своему желанию — животную или человеческую, одушевленную или неодушевленную. Этим сверхъестественным существам люди делали различные приношения, непременным элементом которых всегда являлся табак. Среди духов выделялось высшее божество, Творец Земли. Хотя концепция Творца Земли, возможно, и испытала влияние христианского понятия Бога, она, несомненно, предшествовала приходу европейцев и принадлежит к древнейшим верованиям виннебаго.

Отношения между духами, божествами и людьми имели очень личный характер. Каждый ребенок, мальчик или девочка, между девятью и одиннадцатью годами соблюдал пост. Во время поста он стремился приобрести духа-покровителя, к ко-

тому он мог обратиться в критический момент жизни. Такое обретение в подростковом возрасте охраняющего и покровительствующего духа было одной из основополагающих черт культуры виннебаго, как и многих других культур американских индейцев. По представлениям виннебаго, без такого покровителя и защитника человек был неприкаян и находился в полной власти природных и социальных событий, причем в их самой грубой и жестокой форме. Когда виннебаго потеряли веру в действенность поста и духи больше не дарили им видений, их культура быстро распалась.

Помимо этого духа-покровителя, каждый человек, для приобретения особых способностей и защиты, обращался путем приношений и искупительных жертв ко множеству других духов и божеств. Мужчина, к примеру, не мог вступить на тропу войны, пока он не обратился к одному из божеств, отвечающему за успех на войне, не принес ему с помощью своего духа-покровителя соответствующих даров и не получил от него гарантии успеха. При этом он совершал особые, соответствующие данному случаю приношения, которые служили гарантом его успеха. Этими символическими дарами служили различные предметы — краска, перья, флейты, кости и т.п.

Существовало три основных типа ритуалов: те, в которых принимали участие только члены одного клана; те, что совершались людьми, которых посетили видения от одного и того же духа; и Знахарский Обряд, участие в котором было основано на личном поведении и достижениях в невоенной сфере. Только ритуалы связки воина требуют в данном случае некоторого пояснения.

Каждый Обряд или Пир Связки Воина, как его называли, делился на две части. В первой главными фигурами были духи Птицы Грома, во второй — духи Ночи. Однако в нем уча-

ствовавали все великие духи пантеона виннебаго, и каждому из них совершались приношения. Хотя в глазах виннебаго ритуал связки воина был всецело посвящен прославлению войны, интересным и значительным фактом является то, что кроме великих покровителей войны, духов Птицы Грома, духов Ночи, Солнца, Утренней Звезды, Вечерней Звезды, Приносящего болезни, Орла и Черного Ястреба, в ритуал были также включены особые божества мира — Творец Земли, Земля, Луна и Вода, а иногда даже боги-герои — Черепаха, Кролик и даже сам Трикстер. Из этого можно сделать вывод, что даже в церемонии, посвященной исключительно повышению престижа воина и войны, не были забыты божества, символизирующие мир и противопоставленные всякому насилию.

Конечно, их включение оказывало небольшое влияние на единственную и постоянную молитву участников церемонии, посвященную войне. Так, даже Творец Земли был представлен как дух, приносящий успех на тропе войны, что, несомненно, было совершенно новой для него функцией. Однако само включение Творца Земли в эту церемонию служило напоминанием о том, что ведение войны — не единственная цель человеческого существования.

Ритуалы связки воина представляют собой классическое и наиболее завершенное выражение воинственности, прославление роли вождя Нижней фратрии племени, состоящей в том, что мужчина идет сражаться со злом, жестоко и неумолимо. В этих ритуалах до некоторой степени были позволены даже оргии, в которых полностью терялся контроль над собой — при том, что остальные виннебаго к оргиям относились с отвращением и ужасом.

Только тот, кто обладал связкой воина — теоретически это был только один человек в каждом из двенадцати кланов — мог принимать активное участие в этих обрядах.

Сама связка представляла собой выделанную оленью шкуру, в которую был завернут весьма странный набор предметов. Например, набор, который использовали члены клана Птицы Грома, включал в себя следующее: высушенные тушки черного ястреба, орла и змеи, шкурка горностая, орлиные перья, головной убор из оленьего хвоста, два волчьих хвоста, хвост бизона, палица, три флейты и магические краски. Тушка черного ястреба сообщала ее владельцу способность летать, руководя военными действиями; волчьи хвосты даровали ему способность быстро бегать; хвост бизона — проворство; шкурки змеи и горностая — изворотливость и верткость; краска, нанесенная на тело, делала его невидимым и неутомимым; флейты, если на них играть во время сражения, парализовали способность врага бегать и делали его легкой мишенью.

Связка воина была самой ценной вещью для виннебаго. Ее тщательно берегли и охраняли не только потому, что она была священна, но и из-за опасных эманаций, исходивших от нее и способных поразить тех, кто к ней приближался. Только одно могло уничтожить ее силу — контакт с менструальной кровью.

Высшим идеалом для виннебаго считалось быть удачливым воином, и именно в обрядах связки воина этот идеал получал свое наивысшее выражение. Поэтому с точки зрения психологии и культуры чрезвычайно важное значение имеет тот факт, что миф о Трикстере у виннебаго начинается именно с сатиры по поводу ритуала связки воина. Такое же значение имеет и то, что из всех религиозных верований и практик единственной, о которой упоминается в мифе — и которая в нем высмеивается — является практика приобретения духа-покровителя.

III

МИФОЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ
ВИННЕБАГО

Подобно большинству других племен индейцев Америки, виннебаго делили свои прозаические повествования на два типа: те, которые посвящены прошлому, ушедшему безвозвратно, то есть вещам и событиям, более не достижимым для людей или духов, и те, которые относятся к повседневному миру настоящего. Повествования первого типа называются *вайкан*, то-что-священно, второго типа — *ворак*, то-что-говорит-настоящее. Вайкан нельзя было рассказывать летом, или, по крайней мере, пока можно было встретить змей. Вайкан не могли заканчиваться трагически, то есть герой не мог умереть или быть убитым, разве что временно. Такое окончание, конечно же, было обусловлено тем, что героями вайкан всегда были существа божественного происхождения, считавшиеся у виннебаго бессмертными, если только они не принадлежали к категории злых существ. Ворак, наоборот, можно было рассказывать в любое время года, и они всегда заканчивались трагически. Ничто из ворака никогда не могло стать вайкан, но вайкан иногда могли перейти в категорию ворака. Героями ворака всегда были люди или, очень редко, божества, которые разделили судьбу человека.

Героями вайкан были либо духи и божества, вроде Птицы Грома, Духа Воды, Солнца, Утренней звезды, либо нечетко определенные полубожества, такие, как Трикстер, Тот-кто-носит-человеческие-головы-как-серьги-в-ушах (также называемый Красный Рог) и Пузырь, либо животные: Кролик, Черепаха, Медведь, Волк. Однако на самом деле этих животных считали воплощенными духами. Виннебаго — по крайней мере, их «те-

ологи» — четко различали животное-божество, которое царило над всеми животными данного вида, и само конкретное животное. Именно эти животные-божества принимают участие в событиях вайкан. Некоторые из них относятся к особой категории — например, Кролик, Черепаха, возможно, Медведь, поскольку есть основания считать, что, по крайней мере, первые два изначально были божествами, впоследствии утратившими свои божественные качества.

Подобно близко родственным айова, а также более дальним понка и не говорящим на сиу соседям — оджибва и меномини, виннебаго группировали приключения своих героев в большие единства или циклы. Наиболее важными из них были мифологические циклы о Трикстере, Кролике, Красном Роге, Близнецах и Двух Мальчиках*. Пожалуй, в данном случае лучше всего привести краткое содержание циклов о Красном Роге и Близнецах, чтобы иметь возможность сопоставить некоторые эпизоды с циклами о Кролике и Трикстере.

Цикл о Красном Роге

Первый эпизод

1. Все десять братьев, кроме самого младшего, приглашены на состязания в беге. Призом победителю объявлена дочь вождя. Однако младший также приходит на состязания, скрываясь под именем Красного Рога, и выигрывает забег.

Второй эпизод

2. Все братья вступают на тропу войны. Красный Рог проявляет в битве наибольшую доблесть.

---

* См. P. Radin, *Winnebago Hero Cycles*, Indian University Publications in Anthropology and Linguistics, Memoir I. Baltimore, 1945, и *The Evolution of an American Indian Prose Epic*, in *Special Publications of the Bollingen Foundation*, No. 3, Basle, 1954

Третий эпизод

3. Девочка-сирота сосватана своей бабушкой за Красного Рога.

Четвертый эпизод

4. Красный Рог вынимает стрелу из тела раненого.

Пятый эпизод

5. Красный Рог и его товарищи приходят на помощь людям, защищая их от великанов. Они играют с великанами в мяч и побеждают их.

6. Они одерживают верх над великанами в игре, которая называется «кто дальше стреляет».

7. Они побеждают великанов в игре в кости.

8. Они выигрывают у великанов в состязании под названием «кто дольше может оставаться под водой».

9. Они решают состязаться с великанами в борьбе и проигрывают. Великаны убивают их.

Шестой эпизод

10. Обе жены Красного Рога рожают ему сыновей.

11. Убив всех великанов, дети Красного Рога возвращают к жизни отца и всех жителей деревни.

Седьмой эпизод

12. Дети Красного Рога получают от существа по имени Тот-что-идет-словно-шторм связку воина и нападают на двух духов, чьи тела сделаны из железа (меди).

Восьмой эпизод

13. Младшего сына Красного Рога соблазняет женщина, преследует его и оказывается опозоренной.

14. Товарищи Красного Рога возвращаются домой.

*Цикл о Близнецах**Первый эпизод*

Великан-людоед убивает свою невестку и достает из ее тела

двух детей. Одного он бросает в угол дома, а другого — в полый пень. Возвращается отец, находит первого ребенка, Плоть, и воспитывает его.

Второй эпизод

Второй ребенок (Пень) приходит к брату и играет с ним. В конце концов отец ловит его.

Третий эпизод

Отец предупреждает сыновей, чтобы они избегали некоторых мест.

Четвертый эпизод

Близнецы убивают змей.

Пятый эпизод

Близнецы убивают пиявок.

Шестой эпизод

Близнецы убивают Птицу Грома.

Седьмой эпизод

Отец убегает от Близнецов.

Восьмой эпизод

Близнецы показывают отцу дорогу в деревню.

Девятый эпизод

Близнецы приходят к людоеду, который убил их мать, и расправляются с ним.

Десятый эпизод

Близнецы навещают злого духа Херешгунина.

Одиннадцатый эпизод

Близнецы навещают Творца Земли.

Двенадцатый эпизод

Близнецы снова навещают Херешгунина.

Тринадцатый эпизод

Близнецы навещают своих родителей.

Четырнадцатый эпизод

Близнецы вместе с Красным Рогом вступают на тропу войны.

Пятнадцатый эпизод

Близнецы убивают бобра — одного из тех, на ком покоится земля.

Шестнадцатый эпизод

Творец Земли шлет вестника с целью испугать Близнецов и прекратить их странствия.

В этих циклах мы, вероятно, имеем дело с древней литературной формой *сиу*, поскольку отчасти мы находим ее у некоторых западных племен *сиу* — *хидатса* и *кроу*. Понятно, что первоначально многие сюжеты и приключения этих циклов (особенно это касается цикла о Кролике) представляли собой независимые мифологические сюжеты. Как таковые, эти сюжеты весьма распространены по всей аборигенной Северной Америке. Однако даже у племен со сходной культурой, таких как *айова* и *омаха*, они не всегда сочетаются одинаково. У самих же *виннебаго* разные рассказчики, соглашаясь друг с другом по поводу того, какие сюжеты и деяния считаются основными и должны быть включены в тот или иной эпос и в каком порядке они должны следовать, часто добавляют одни сюжеты и опускают другие. Таковую вариативность, проявляющуюся в большей или меньшей степени, не следует совсем отвергать, считая ее случайностью или неизбежной неточностью при пересказе мифа или мифологического цикла. Как правило, она имеет определенный смысл. В связи с этим следует определить, в первую очередь, каким сюжетам данное племя придавало фундаментальное значение и какие из них не могли быть упущены, а какие обладали меньшей значимостью и могли не упоминаться. То же относится к выбору тем, способу характеристики героев, а также к их идентичности. Все это подводит к одному из важнейших вопро-

сов нашего исследования: какова роль рассказчика в подчеркивании изменений и даже, иногда, в создании новых стилей и новых интерпретаций? Не ответив на этот вопрос, мы не сможем понять природу и значение мифа о Трикстере.

С большой долей уверенности можно утверждать, что не существует ни одного туземного племени, где рассказывание мифов не было бы ограничено небольшим числом одаренных людей. Эти люди во все времена пользовались уважением сообщества, и оно позволяло им определенную свободу в обращении с текстами мифов, недоступную другим. Иногда это даже вызывало восхищение слушателей. Бесспорно, везде принята теория, согласно которой миф всегда рассказывается одинаково, однако эта теория состоит здесь только в одном, а именно, в том, с чего я начал: основной сюжет, темы и *dramatis personae* должны сохраняться. Иными словами, никаких заметных отступлений от традиционного сюжета или литературной традиции не допускается. Степень свободы, которую талантливый рассказчик может допускать в обращении с мифом, изменяется в зависимости от мифа и племени, а внутри племени — в зависимости от конкретного периода его истории.

У виннебаго право рассказывать данный миф, то есть вайкан, принадлежит, как я уже отмечал, либо определенной семье, либо определенному человеку. В некотором смысле миф является его «собственностью», причем иногда весьма дорогостоящей. Если миф был очень священным и очень длинным, за него можно было платить в рассрочку. Число тех, кому он мог быть продан, было строго ограничено, поскольку никто не стал бы приобретать право рассказывать миф из пустого любопытства, равно как его владелец не согласился бы рассказывать его такому человеку, поэтому в реальности вайкан переходил посредством покупки от одного одаренного рассказчика к друго-

му. Это значит, что содержание и стиль, закрепленные в своих основных чертах традицией, подвергались некоторому воздействию литературного дарования конкретного рассказчика, придававшего повествованию особое настроение и свойственную его языку выразительность. При этом каждый рассказчик старался сохранять достоверность и придерживаться лучших образцов, данных предшественниками. Строгие конформисты и «классицисты» из рассказчиков намеренно пытались сохранить точный язык предшественника. Однако такая точность никогда не была обязательной. На самом деле, аудитория по большей части предпочитала, чтобы рассказчик имел свой стиль, то есть свою личность, и ценила это. Не следует забывать, что мы имеем дело с устной традицией, образцы которой никогда не записывались. Каждое повествование, было, строго говоря, драмой, в которой от рассказчика зависело столько же, сколько и от самого повествования. Последняя мысль может показаться слишком очевидной, чтобы подчеркивать ее, однако об этом часто забывают.

Как бы то ни было, только конкретный пример может прояснить природу изменений, которые может вносить рассказчик, не рискуя при этом отойти от традиционной манеры изложения данного мифа. Так, два виннебаго, Сэм Уж и его старший брат Джаспер, дали мне две версии Мифа о Близнецах, которые они записали от своего отца, известного рассказчика, имевшего право передавать этот миф*. Из семнадцати эпизодов, включенных в миф Сэмом, Джаспер включил пятнадцать, но при этом у него было два эпизода, которых не было у брата. Оба эпизода, добавленные Сэмом Ужом, совершенно точно не относились к традиционному набору сюжетов данного мифа, однако добавле-

---

* См. Winnebago Hero Cycles, pp. 46–55, 137–152.

ны они были не без особых причин. Первый вносил в лишенное юмора повествование юмористическую ноту. Второй сводил героев мифа с некими героями-божествами, повышая тем самым престиж первых, которые божествами не были. Из тех двух эпизодов, которые были включены Джаспером и отсутствовали в версии его младшего брата, один точно принадлежал циклу о Близнецах и был случайно пропущен Сэмом, другой же имел второстепенное значение и был заимствован из другого мифологического цикла.

Расхождения между двумя версиями относительно деяний Близнецов и их последовательности, таким образом, очень невелики. Очевидно, что в этом смысле допускались лишь небольшие отступления. Однако когда мы начинаем сравнивать версии с точки зрения стиля повествования или используемых в нем мотивов, второстепенных тем или точных характеристик *dratis personae*, то сразу же возникают многочисленные различия, иногда довольно значительные. Только хорошо зная обоих братьев, можно попытаться объяснить эти различия. Сэм Уж говорил гладко, он был человеком общительным, легкомысленным, с большим самомнением, слабо выраженным религиозным чувством и минимальным интересом к прошлому. Однако он обладал недюжинными литературными способностями и свободным стилем, проявлявшимся с самой выгодной стороны в рассказах из жизни, то есть ворах — в отличие от вайкан. Это был убежденный нон-конформист, и там, где позволяла традиция — но только там, ведь до пятидесяти лет он принадлежал к традициям старой культуры — он по-новому расставлял акценты и добавлял неожиданные оттенки, а иногда даже делал решительные преобразования. Старший брат был полной его противоположностью. Он был человеком глубоко религиозным, полным конформистом и стремился рассказывать то, что

знал, как можно вернее и, разумеется, как можно тщательнее. Несомненно, по стилю и словарю его версия «Близнецов» гораздо ближе к тому, что можно назвать классической манерой передачи этого мифа.

Характер, индивидуальные особенности и литературный талант рассказчика, таким образом, имеют огромное значение для изучения мифов виннебаго, как и мифов любого аборигенного народа. Это очень важно и при попытке определения того, что является существенным, а что — случайным, что — первичным, а что — вторичным.

IV

ЦИКЛ О КРОЛИКЕ У ВИННЕБАГО И
РОДСТВЕННЫЕ ЕМУ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ
ЦИКЛЫ

Почти у всех племен, у которых обнаружены мифы о Кролике, он исполняет двойную роль культурного героя и трикстера. Подвиги и события, героями которых у виннебаго являются Кролик и Трикстер, у других племен относятся только к Кролику. Такая двойная функция благодетеля и шута*, является, как мы уже указывали, отличительной чертой большинства героев-трикстеров — везде, где они встречаются в аборигенной Америке. Несмотря на значительные различия, большинство из них совпадают в двух отношениях: в том, что Трикстер изображается как творец мира и устроитель культуры, и в том, что не существует никакой устойчивой последовательности связанных с ним эпизодов. За исключением тех случаев, когда он отождествляется с Кроликом и некоторых других, Трикстер изображается как тот, кто жил всегда, и как старик. Когда же он отождествляется с Кроликом, он, напротив, изображается как сын девственницы, которая умирает в родах. Кроме того, он не создает мир, а воссоздает его после потопа, который насылают на землю духи, рассерженные на Кролика за то, что он отомстил им за смерть своего младшего брата. Для этой части цикла о Кролике установлена последовательность сюжетов, которая соблюдается достаточно строго. Однако сразу же за этой положительной частью его деятельности следуют его

---

* См. знаменитое предисловие Ф. Боаса к книге Дж. Тейта «Traditions of the Thompson River Indians», Boston, 1898.

собственно трикстерские подвиги, число и порядок которых весьма произвольны.

При изучении различных циклов о Трикстере убеждаешься в необходимости тщательно различать его сознательную творческую деятельность и те блага, которые люди получили от него случайно. В связи с этим перед нами возникает одна старая проблема, а именно: был ли Трикстер изначально божеством? Имеем ли мы дело с разложением его творческой деятельности или же со слиянием двух совершенно разных, представленных в образе человека или животного фигур, одна из которых является божеством, а другая — героем? Становится ли герой богом, или Трикстер изначально был божеством, чья природа имела две стороны: созидательную и разрушительную, духовную и материальную. Или Трикстер предшествует божественному, животному и человеческому?

Все эти интерпретации можно достаточно убедительно обосновать. Наиболее достоверной кажется теория, согласно которой такие первобытные архаические фигуры, как Трикстер, всегда имеют две ипостаси — божественного культурного героя и божественного шута. Однако не исключены и другие интерпретации, особенно возможность того, что герой-шут существовал с тех самых пор, как человек впервые осознал себя общественным существом. Смех и юмор указывают на то, что он человек, а не животное. Они так же изначальны, как и речь. Однако подробно к этому вопросу я вернусь ниже, в главе VIII.

Но существует еще один вопрос. Почему божество должно стремиться дать человечеству культуру? Думаю, ответ состоит в том, что если оно и делает это, то это не главная его цель. Она вторична по сравнению с желанием божества выразить и развить самое себя. Божество не может осуще-

ствлять свое развитие в пустоте и поэтому пытается внести в пустоту какие-то различия. Так появляется человек. Но он не может позволить божеству осуществить эту дифференциацию, пока для него самого не обеспечена возможность произвести ее в своем, человеческом мире. Так человек более или менее принудительно вовлекается в общую картину. Он сливается с богами, а боги сливаются с ним. Дифференциация и развитие богов становится развитием человека и наоборот. Поскольку вначале человек — существо, находящееся всецело во власти инстинктов, асоциальное и неприрученное, управляемое в своих поступках сексуальным желанием и голодом, так же начинается и существование богов, вернее, боги вынуждены начать именно с этого.

Все сказанное можно проиллюстрировать двумя примерами. Один взят из мифологии индейцев блэкфут* Монтаны и северной Канады, где Трикстер описывается как существовавший всегда. Другой пример — из мифологии меномини**, земледельческого племени восточного Висконсина, говорящего на языке алгонкингской семьи. Первые четыре сюжета цикла блэкфут повествуют о сотворении земли, происхождении языков, о том, как человек впервые получил свой нынешний облик, о появлении смерти и возникновении жизненного порядка. За этим следует типичный набор клоунских и раблезианских приключений, которые не имеют четкой последовательности. Однако в самом конце Старик (так

---

* См. C. Wissler, D.C. Duvall, *Mythology of the Blackfoot Indians*, *Anthropological Papers*, American Museum of Natural History, Vol. II, New York, 1909, pp. 5–39.

** A. Skinner, J.V. Saterlee, *Me morminee Folklore*, *Anthropological Papers*, American Museum of Natural History, Vol. XIII, New York, 1915, pp. 217–304.

блэкфут называют Трикстера) становится более развитым, он узнает природу и человека во всех их добрых и злых проявлениях.

Как человек вписывается в картину мира и насколько нечетким может стать различие между человеком и богами, поможет понять следующая цитата из мифа блэкфут* :

«Было время, когда в мире было только два человека: Старик и Старуха. Однажды, когда они странствовали сами по себе, Старик встретил Старуху, и она сказала ему:

— Давай заключим соглашение, давай вместе решим, как будут жить люди.

— Хорошо, — ответил Старик, — но мое слово всегда будет первым.

Старуха согласилась при условии, что за ней будет второе слово.

Старик начал так:

— Женщины будут дубить шкуры. Чтобы шкуры стали мягкими, они должны хорошенько мять их, скрести их скребками и так далее. Но все это они должны делать очень быстро, потому что это не очень тяжелая работа.

— Нет, я не согласна, — возразила Старуха. — Они будут дубить шкуры так, как ты сказал, но эта работа должна быть очень трудной и долгой, чтобы было видно, кто хорошо работает.

— Хорошо, — сказал Старик, — тогда пусть у людей на лице будут рты и глаза, один под другим.

— Нет, — возразила Старуха, — все будет по-другому. Пускай у них на лице будет рот и глаза, как ты говоришь, но глаза будут рядом.

— Хорошо, — сказал Старик, — у людей будет по десять пальцев на каждой руке.

---

* Wissler and Duvall, pp. 19-20.

— О, нет, ни в коем случае! — сказала Старуха, — это слишком много. Они будут мешать. Пусть у них будет на каждой руке четыре пальца и еще один большой.

— Хорошо, — сказал Старик, — мы будем рожать детей, пусть половые органы будут рядом с пупком.

— Нет, — ответила Старуха, — это сделает роды слишком легкими, и люди не будут заботиться о своих детях. Половые органы должны быть внизу, под лобком».

Главное в мифе блэкфут — благополучие человека. С другой стороны, в мифологии меномини, где роль Трикстера играет Кролик, который не существовал до начала всех вещей и рождение которого детально описывается в мифе, о человеке упоминается лишь между прочим. Два главных предмета, которые Кролик добывает во время своих подвигов — огонь и табак — предназначены его бабушке Земле и ему самому. Все спутники Кролика — божества. Человек и его нужды вторичны. Они не забыты совсем, но им посвящается отдельный миф, чтобы они не мешали в цикле о Кролике, который является, в сущности, сказанием об особом божестве.

И все же после того, как мы определенно решили, что Кролик — это божество, нам достаточно лишь взглянуть на те его деяния, которые включены в цикл наряду с собственным сказанием о нем, то есть его рождением, кражей огня и табака, мстью за убитого брата Волка, потопом и воссозданием земли — чтобы понять, что он типичный трикстер. И опять перед нами возникает старая проблема: что здесь первично, а что вторично? Или первично и то, и другое? Решение было бы сравнительно простым, если бы эти противоречия существовали во всех известных мифах о Трикстере. Но дело обстоит иначе. Как у самих виннебаго, так и среди некоторых близко родственных им племен существу-

ет два трикстера: один полноценный, другой частичный. В нашем распоряжении есть две достаточно подробных записи циклов, посвященные им обоим. Одна запись сделана у индейцев понка*, другая у виннебаго**. Там, где персонаж представлен как полноценный трикстер, он не наделяет человечество благами — а если и наделяет, то бессознательно и не в первую очередь. У понка его зовут Иштинике, и внешне он похож на трикстера виннебаго Вакджункагу. Частичный трикстер — это Кролик, и его поведение в общем ничем не отличается от поведения культурного героя.

В цикле об Иштинике у понка эпизоды идут в следующем порядке:

1. Иштинике одурачивает индеек и убивает их.
2. Иштинике пойман веткой дерева.
3. Иштинике велит анусу сторожить жареное черепашье мясо.
4. Иштинике ест пищу лося и сам превращается в лося.
5. Иштинике летает на спине у канюка, который роняет его в полое дерево.
6. Иштинике обманывает горностая, притворившись енотом.
7. Иштинике превращается в труп животного и ловит канюка за голову.
8. Иштинике уговаривает женщину позволить ему выстрелить в оленей и промахивается.
9. Иштинике становится воином в чужом племени и убивает злобного медведя-гризли.
10. Койот привязывает Иштинике к хвосту спящего

---

* J.O. Dorsey, *Cegiha Texts, Contributions to North American Ethnology*, Vol. VI, Washington, 1890.

** P. Radin, *Winnebago Hero Cycles*, op. cit., pp. 32—38, 93—114.

жеребенка, который просыпается и лягает его. Иштинике мстит койоту, лишив его хвоста.

11. Иштинике осмеян бурундуком за то, что он носит свой пенис на спине. Бурундук прячется в норе, и Иштинике с помощью пениса пытается выгнать его оттуда. Бурундук отгрызает части пениса, и Иштинике превращает их в съедобные растения.

12. Иштинике просыпается и обнаруживает одеяло висящим на конце своего восставшего пениса.

13. Иштинике приходит в гости к бобру, ондатре, зимородку и белке-летяге. Он пытается отплатить им за оказанное ему гостеприимство, но безуспешно.

14. Иштинике принимает отражение сливового дерева в воде за само дерево и ныряет в воду, чтобы достать слив.

15. Иштинике убивает маленьких енотов, оставленных на его попечение.

В цикле о Кролике у понка порядок эпизодов следующий:

1. Кролик убивает зиму.
2. Кролик убивает черных медведей, обидчиков людей.
3. Кролик убивает злого великана.
4. Кролик пойман орлом. Орел переносит его в свое гнездо, где Кролик убивает птенцов и их родителей и забирает их перья, чтобы сделать стрелы.
5. Кролика засасывает холм-людоед, но ему удастся убить его и выбраться наружу.
6. Кролик сожительствует с Иштинике (Трикстером).
7. Кролик убивает медведя-гризли.
8. Кролик под действием магии Иштинике застревает в дереве. Иштинике крадет его одежду и идет в дом Кро-

лика. Кролик освобождается, преследует Иштинике и убивает его.

9. Кролик лишается своего жира.

10. Кролик убивает великана.

11. Кролик обманывает индеек и убивает их.

Как мы видим, свойственные Трикстеру подвиги в цикле понка немногочисленны, но весьма значимы. Интересно и то, что некоторые из них совершаются как Кроликом, так и Иштинике. Сюжет в целом более или менее типичен для культурного героя. Нет ни малейшего намека на то, что Кролик обладает божественной природой. Необычное значение здесь имеет противостояние Кролика и Иштинике, а также то, что Кролик убивает его. Здесь мы сильно отдаляемся от цикла о Кролике, записанного у индейцев меномини или оджибва*.

Обратившись теперь к виннебаго, мы находим, что их цикл о Кролике, хотя и имеет много общего с циклом понка, тем не менее, обнаруживает значительные различия. Приведу его краткое содержание.

1. Непорочное зачатие героя-Кролика и появление его на свет через семь месяцев. Мать Кролика умирает в родах, и его воспитывает бабушка.

2. Кролик встречает человека, который ранит его стрелой.

3. Бабушка посылает Кролика за материалами, необходимыми для изготовления лука и стрел.

4. Он послан за перьями для стрел и убивает Птицу Грома.

5. Он послан за табаком к владеющему им духу и убивает его

---

* См. W. Jones, Ojibwa Texts, Part I, New York, 1917.

6. Он послан за кремнем для наконечников стрел к владеющему ими духу и убивает его.

7. Он встречается злое существо по имени Острый Локоть и убивает его.

8. Он навещает Медведя и убивает его.

9. Он и его бабушка перетаскивают тушу убитого медведя домой.

10. Он приходит в дом к существам без тел. Они очень добры к нему.

11. Он снова приходит к существам без тел. На этот раз они пытаются убить его, но в конце концов он сам убивает их.

12. Он встречается высокого человека. В конце концов он убивает и его.

13. Он расставляет силки и ловит в них солнце.

14. Он проглочен водяным чудовищем, но в конце концов убивает его.

15. Он встречается животное с куцым хвостом и убивает его.

16. Он вызывает месячные у своей бабушки. Он сожигает со своей бабушкой. Его глаз обглодан мышами.

17. Ему угрожает некое животное, которое оказывается лягушкой с длинными зубами. Он убивает ее.

18. Он встречается человека с перевязанной головой, с которого сняли скальп. Человек просит Кролика, чтобы тот разыскал его скальп.

19. Кролик обедает у бобра.

20. Бобреха доставляет его к месту, где находится похищенный скальп. Он крадет скальп и возвращает его человеку с перевязанной головой.

21. Он нарушает запрет и совокупляется с женщиной (духом воды). Он возвращается к бабушке, рассказывает ей о своих приключениях. Она бьет его.

22. Он вспоминает о своем истинном назначении. Он готовит животных к тому, чтобы они могли служить пищей для человека.

23. Он хочет подарить людям бессмертие.

24. Он учреждает Знахарский Обряд.

Едва ли можно говорить здесь о поступках, характерных для Трикстера. То же самое можно сказать и о цикле о Кролике у айова, близких родственников виннебаго. В несколько меньшей степени это относится и к циклу понка. Можно сделать вывод, что у виннебаго и айова образ Кролика был изменен, чтобы он лучше соответствовал духу истинного культурного героя. Такое преобразование и обновление его личности и характера его поступков получают, по-видимому, свое окончательное выражение, когда у двух племен, виннебаго и айова, Знахарский Обряд обретает современную форму, что не могло произойти раньше XVIII века*. Кролик у оджибва и меномини, или его эквивалент, Висака у близким им индейцев фокс, всегда описывается как основатель этого обряда. Процесс очищения Кролика, его развитие от трикстера к культурному герою у этих двух племен могло, конечно, начаться гораздо раньше, но оно никогда не было полным. И только у виннебаго развитие этого героя нашло свое завершение.

---

* Доказательством этого может послужить тот факт, что Знахарский Обряд в его настоящем виде зародился среди оджибва верхнего Мичигана в конце XVII века, о чем свидетельствует множество материалов, которые еще не опубликованы.

V

ФИГУРА ТРИКСТЕРА У ВИННЕБАГО

Виннебаго называют трикстера *вакджункага*, что значит «хитрец». У понка он зовется «*иштинике*», у родственным им оседж — «*итсике*», а на языке дакота-сиу его имя звучит как «*икто-ми*». Значение имени трикстера на языках понка и оседж неизвестно, у дакота оно переводится как «паук». Поскольку эти три основы явно связаны между собой этимологически, то возникает вопрос, не означает ли слово «хитрец» у виннебаго просто «тот-кто-поступает-как-Вакджункага» и не является ли его значение, следовательно, вторичным? Ни в каком другом языке сиу основа слов со значением «хитрый» даже отдаленно не напоминает «вакджункага». Поэтому лучше считать этимологию слова «вакджункага» неясной.

Сходство между деяниями Вакджункаги и других героев-трикстеров Северной Америки поразительно. Единственное, что можно здесь сказать — этот мифологический цикл является древним культурным наследием всех американских индейцев, которое в отношении главного сюжета осталось неизменным. Именно поэтому явные различия между мифологическим циклом виннебаго и циклами других племен приобретают особую важность и требуют объяснения. Чтобы оно было адекватным, необходимо для начала детально рассмотреть сюжет цикла о Вакджункаге.

Цикл начинается с эпизода, которого нет более ни в одной из версий. Вакджункага здесь — вождь племени, который четыре раза устраивает пир связи воина. Это хозяин, чье присутствие, по обычаю племени, необходимо до самого конца торжества. Однако он покидает церемонию, чтобы совокупиться с женщиной, то есть совершает поступок, абсолютно недопустимый для

участника церемонии связки воина. На четвертый день он остается с гостями до конца и приглашает всех участников отправиться с ним на лодках. Как только они отплывают, он возвращается и разбивает лодку как нечто бесполезное. Некоторые из его спутников после этой глупой выходки оставляют его. Он продолжает путь пешком, но скоро уничтожает и связку воина, и связку стрел. После этого последние спутники покидают его, и он остается один. Один по отношению к людям и обществу, поскольку с миром природы он еще находится в тесном контакте. Всех, кого он встречает на своем пути, как сообщает нам текст мифа, он называет своими младшими братьями. Он понимает их, а они его.

Несомненно, это введение, и цель его очевидна. Необходимо десоциализировать Вакджункагу, представить его порывающим со всем, что связывает его с людьми и обществом. Почему рассказчик начал цикл именно с этого — сказать трудно. Скорее всего, это литературный прием. Вероятно, он решил, что Вакджункагу нужно изобразить полностью оторванным от мира людей и постепенно превращающимся из бесформенного, управляемого инстинктами и лишенного целостности существа в существо с очертаниями человека, предвещающее и черты его психики. Иными словами, рассказчик, как и множество других эпических авторов, начинает *in medias res*. Он, кажется, пытается сказать: «Вот он, Вакджункага, притворяющийся, что живет в обществе и подчиняется его законам. Он хочет отправиться в военный поход. Но я расскажу вам, кто он такой на самом деле: последний глупец, нарушитель самых священных табу, разрушитель святынь!» После этого он продолжает свое повествование в калейдоскопической манере, чтобы обнажить первобытную сущность Вакджункаги.

Следующие события рассказывают нам о том, кто же такой Вакджункага (эпизоды 4–10). В первом эпизоде он преда-

тельски заманивает старого бизона в ловушку, жестоко убивает его и разделывает его тушу. Для него не существует никаких этических норм. К тому же, как он убивает и разделывает бизона? Только одной рукой — правой. Следующий эпизод поясняет, почему он пользуется только одной рукой. Его действия носят бессознательный характер, его ум — ум ребенка, что символизирует борьба между правой и левой рукой, в которой правая сильно ранит левую. Сам же он едва ли понимает, почему это произошло. Он только и может, что причитать: «Что же я наделал!» В противоположность Вакджункаге, мир природы наделен сознанием. Птицы кричат на непонятном Вакджункаге языке: «Смотрите! Смотрите! Вон идет Вакджункага. Вон он шагает!»

В следующем эпизоде он все еще тот же Вакджункага, аморфное существо, управляемое инстинктами. Он встречается с неким существом, у которого четверо детей. Детей нужно кормить определенным образом и в определенное время, иначе они умрут. Иными словами, нужно соблюдать принцип порядка, но Вакджункага этот принцип неизвестен. Отец предупреждает его, что если Вакджункага не будет выполнять его указаний и дети умрут, он убьет его. Но движимый голодом Вакджункага нарушает указания, и дети умирают. Тут же появляется отец. Он преследует Вакджункагу по всей земле, которая представляет собой остров, и он спасается от неминуемой смерти, только прыгнув в океан, окружающий землю-остров со всех сторон.

Бесцельно плавая по океанским водам, не зная, где находится берег и существует ли он вообще, совершенно лишенный ориентиров, он встречает разных рыб и всех их спрашивает о том, как ему добраться до суши. Но никто не может ему помочь. В конце концов он узнает, что все это время он плыл вдоль берега.

Едва только он выбирается на берег, то есть едва обретает ориентиры, он пытается наловить немного рыбы. Но все, что ему удастся — это зачерпнуть воды, через которую рыбы только что проплыли. Из этой воды он с рвением готовит себе похлебку и наедается до отвала. Когда он лежит на берегу с раздутым до блеска животом, мимо проплывает мертвая рыба. Он вытаскивает ее из воды, но поскольку он сыт, то не в силах съесть ни кусочка и закапывает рыбу на берегу.

Теперь Вакджункага совсем неприкаян. Он не только полностью изолирован от мира, в котором живет человек, но и — по крайней мере, временно — от мира природы, от всей вселенной. Поэтому неудивительно, что рассказчик описывает его сильный испуг. Он говорит себе: «Я никак не ожидал, что такое может случиться с Вакджункагой, воином! Я почти уже простился с жизнью!» Возможно, все это — разгневанный отец, преследование, паническое бегство и погружение в океан — описывается рассказчиком и для того, чтобы дать понять: такое может случиться с каждым, кто не задумывается над своими поступками, кем в жизни управляют одни инстинкты.

Однако здесь есть и другой момент. В соответствии с символикой виннебаго, испуг обычно является показателем пробудившегося сознания, обретения чувства реальности, началом сознательной жизни. Все это находит подтверждение в следующем эпизоде (II), где Вакджункага подражает указывающему на него человеку, который оказывается пнем с торчащей из него веткой. В данном случае важна его реакция на собственную глупость: «Ну да, вот поэтому-то люди и прозвали меня Вакджункага, Глупец! — говорит он. — И они, конечно же, правы». Теперь он обладает одной из необходимых характеристик индивидуального существа — именем. У виннебаго ребенок не имеет ни законного существования, ни статуса, пока он не получит имя.

Следующий эпизод (12) известен по всей Северной Америке в практически неизменной форме. В нем описывается, как Вакджункага уговаривает уток станцевать для него с закрытыми глазами, а сам в это время убивает их одну за другой, сворачивая им шеи. Большинству из них, однако, удается спастись. Он жарит тех немногих уток, которых он убил, и, утомившись от трудов, засыпает, велев своему анусу следить за пищей. Анус делает все возможное, чтобы разбудить его, когда появляются лисы, но все напрасно. Когда, наконец, Вакджункага просыпается, все утки съедены. Рассердившись на анус, он решает его наказать и прижигает его. Когда боль становится невыносимой, он восклицает: *«Ой! Ну, это уж слишком! Не за это ли меня называют Вакджункага? Конечно, меня уговорили сделать это, как будто я делал что-то не так!»* Для нас очень важно это восклицание, как и восклицание из того же 14 эпизода, где Вакджункага обнаруживает, что ест собственные внутренности и восхищается их прекрасным вкусом: *«Значит, правильно называют меня Вакджункагой, Глупцом! Но называя меня так, меня и вправду превратили в Вакджункагу, глупца!»*

12, 13 и 14 эпизоды показывают, что Вакджункага в своем развитии достиг новой стадии. Главное теперь в том, чтобы определить его более точно как психически, так и физически. Теперь его необходимо изобразить выходящим из полной изоляции и совершенного отсутствия идентичности и начинающим осознавать себя и окружающий мир. Он понял, что его руки — как правая, так и левая — принадлежат ему, что можно пользоваться ими обеими, что анус является частью его самого и к нему нельзя относиться, как к чему-то не зависящему от него, Вакджункаги. Он также осознает, что его выделяют — хотя бы только для того, чтобы высмеять — и начинает понимать, почему его прозвали Вакджункага. Но он

еще не готов принять на себя ответственность за свои действия. На самом деле он считает, что другие люди и окружающий мир просто заставляют его делать то, что он делает.

Только теперь мы узнаем что-то определенное о внешности Вакджункаги. Любому виннебаго внешность трикстера была, конечно, хорошо известна. Почему же нам сообщают об этом именно здесь? Видимо, потому, что его изначальная внешность должна измениться. Теперь он будет обладать внутренностями и анусом той же формы и размеров, что будут и у людей.

То, что этот эпизод расположен здесь не случайно, подтверждается тем, что в следующем эпизоде мы впервые встречаемся с упоминанием о его пенисе — о его размерах и о том, как Вакджункага носит его (в коробе за спиной). Впервые мы получаем некоторое представление о его сексуальности. Во всех других мифах похоть — основная черта Трикстера. Все его приключения буквально пропитаны ею. Если в цикле виннебаго о Вакджункаге об этом упоминается только теперь, то это связано с тем, что рассказчик или рассказчики, придавшие повествованию его нынешнюю форму, стремились дать нам не просто серию приключений Трикстера, но историю его развития от неопределенного существа к личности, обладающей человеческими чертами, от психически неразвитого, инстинктивного существа к существу, сознающему собственные поступки и пытающемуся приспособиться к жизни в обществе. Здесь сексуальность Вакджункаги подчинена его эволюции. Сексуальные похождения героя как таковые, по-видимому, не интересуют наших рассказчиков.

Поэтому неудивительно, что первый эпизод, в котором говорится о сексуальности персонажа, посвящен тому, как Вакджункага просыпается и обнаруживает, что пропало его одеяло. Он видит, как оно плывет по ветру у него над головой, и посте-

пенно до него доходит, что оно висит на его огромном восставшем пенисе. Здесь мы опять возвращаемся назад, к тому Вакджункаге, чья левая рука сражается с правой, к тому, кто прижигает свой собственный анус и поедает свои собственные внутренности — тому Вакджункаге, который наделяет части своего тела независимым существованием, не осознавая их настоящих функций, когда все происходит само по себе, помимо его воли. «Вечно со мной случается такое», — говорит он, обращаясь к своему пенису.

Этот эпизод не случайно помещен именно здесь — ведь в нем показано, как Вакджункага начинает понимать, что значит пол. Перед нами символ мужской сексуальности и пример того, как она осмысливается социально — как знамя, которое вождь поднимает во время племенного пира — а далее (эпизод 16) следует пример того, как ею нужно правильно пользоваться.

В 16 эпизоде Вакджункага посылает свой пенис на другой берег озера, чтобы совокупиться с дочерью вождя. Этот сюжет в мифологии североамериканских индейцев распространен так же широко, как и эпизод об одураченных утках. В большинстве мифов о Трикстере его место не имеет большого значения. В нашем случае это не так. Здесь он — на своем месте, поскольку из него видно, насколько бессмысленным и беспорядочным остается еще половое влечение Вакджункаги. Пенис и само совокупление — это символы, которые лишены здесь конкретного смысла. То, что Вакджункага еще плохо воспринимает половые различия, становится еще более очевидным в эпизоде, где он перевоплощается в женщину (эпизод 20).

Сразу же за 16 эпизодом следует широко известная тема: Трикстер просит грифа-индейку посадить его себе на спину и взять его с собой в полет. Каким бы ни был его возможный психологический смысл, этот эпизод, по-видимому, не играет ни-

какой роли в драме развития Вакджункаги и является промежуточным. Его спасение женщинами, после того, как гриффиндейка роняет его в полое дерево — это вторичная сатира на человека и общество, пронизывающая весь цикл, и о ней мы поговорим в следующей главе.

Итак, мы достигли ключевого эпизода: Вакджункага меняет свой пол и выходит замуж за сына вождя. Рассказчик объясняет это тем, что герой и его товарищи застигнуты врасплох наступлением зимних холодов и их мучает голод, а вождь и его сын в избытке обеспечены едой. Этот эпизод, как и предыдущие, широко распространен и присутствует во всех без исключения циклах о Трикстере. Обычно считается, что Трикстер делает это, чтобы отомстить за некое нанесенное ему оскорбление. Изменение пола — это прием, обманывающий слишком сладострастного человека, чтобы проверить, как далеко такой человек может зайти, какими святынями он может пожертвовать, чтобы удовлетворить свою похоть. Такова его роль в одном из наиболее известных североамериканских циклов о Трикстере — цикле о Висаке индейцев фокс*. Но в цикле виннебаго Трикстер меняет пол не из мести за нанесенное оскорбление, а явно для того, чтобы добыть еду.

Если рассмотреть последний эпизод вместе с другими относящимися к сексуальности эпизодами — как предшествующими, так и последующими — то смысл его становится ясен. Это часть полового образования Вакджункаги. Оно должно начинаться с четкого различия двух полов, как если бы ему сказали: это — мужчина, это — пенис, это — совокупление, это — женский половой орган, это — беременность, а вот так женщи-

---

* W. Jones, *Fox Texts*, Publications of the American Ethnological Society, Leyden, 1907, pp. 315 ff.

на рождает детей. Но как же можно ожидать, что Вакджункага, с его все еще весьма неопределенными половыми органами, неправильно расположенными и продолжающими жить собственной жизнью в коробе у него за спиной, как можно ожидать, что он поймет такие вещи? Поэтому его половая жизнь, да и вообще вся его физическая жизнь подобна дикой фантазмагории. Кульминационный момент ее описывается в 20 и 21 эпизодах. Сочетание сатиры, раблезианского юмора и гротеска производит здесь поразительный эффект. Трижды за очень короткое время, до того, как он приходит к сыну вождя, женщина-мужчина Вакджункага беременеет. Затем в качестве женщины он сам устраивает свое сватовство. Потом беременеет снова. От кого он рождает детей? Мы намеренно оставлены в неведении. Тем самым подчеркивается то, что это не важно. Отцовство не имеет значения, так как дети рождены женщиной-мужчиной.

Мы достигли той точки, где обычные слова и понятия становятся совершенно не подходящими. Только символы, только метафоры способны правильно передать смысл. Рождается последний ребенок и сразу же начинает плакать, и ничто не может его остановить. На помощь зовут опытную в обращении с младенцами старуху — то есть женщину, для которой половая жизнь уже не имеет никакого значения. Но и она ничего не может поделать. Ребенок плачет. Наконец, он выкрикивает: *«Если бы мог я поиграть с кусочком белого облака!»* Чтобы понять смысл его слов, призывают шамана. То же происходит и после других просьб ребенка. Все они кажутся бессмысленными и несвоевременными. Но чего мы еще могли ожидать от этой фантазмагории? Однако в то же время эти просьбы вполне осмысленны и имеют конкретное, несимволическое значение. Не для ребенка, конечно, а для Вакджункаги, который ждет весны — того времени, когда он сам сможет

добыть пищу. Не нужно забывать, что Вакджункага никогда не изображается жертвой этой фантазмагории. Он всегда остается собой, своим изначальным я. Он мало чему научился, а еще больше забыл.

Развязка наступает в тот момент, когда Вакджункагу дразнит свекровь, в шутку гоняясь за ним вокруг очага. Тот во время бега роняет свою вульву, и тут же наступает разоблачение. Обычно, когда он открывает свое подлинное лицо, он смеется над растерянностью тех, кого провел. Но здесь он сразу же убегает. Причина ясна — ситуация осложнена многими обстоятельствами. Было нарушено слишком много табу, слишком велика обида обманутых людей, слишком многие были унижены. Случившееся достаточно серьезно, так как оказывается, что сын вождя вступил в гомосексуальную связь. Но гораздо более серьезна та ситуация, в которой оказывается «свекровь» Вакджункаги, жена вождя. Обычай виннебаго предусматривали очень строгие табу в отношении тещи, а тут она открыто общается с тем, кто мог бы жениться на ее дочери и стать ее зятем, то есть родственником, с которым она не имеет права разговаривать и тем более шутить. Право подшучивать и поддразнивать кого бы то ни было подразумевает некие особые отношения. Эти отношения могут быть только между весьма ограниченным числом кровных родственников и в несколько более широком кругу свойственников. Подшучивание между тещей и зятем просто немыслимо. Оно немыслимо даже в этой атмосфере Вальпургиевой ночи, поскольку рассказчик не употребляет термин «невестка», описывая, как жена вождя дразнит Вакджункагу. Он пользуется словом *хишига*, означающим «жена сына брата». То, что Вакджункага, играя роль невестки, не мог быть *хишига* — было, конечно, известно слушателям, но в данном случае любое слово лучше слова «невестка».

Понятно, каким потрясением были все эти откровения для участников этой трагикомической драмы, и наш рассказчик выразил это потрясение, внезапно оборвав повествование. Он явно чувствует, что необходимо как можно быстрее выйти из этой нездоровой атмосферы. Думаю, что он сделал это очень ловко. Он не только заставил Вакджункагу убежать, но и до некоторой степени осознать, что же он делает. Внезапно, в первый раз с начала цикла, он изображается как обычный человек, имеющий законную жену и сына, о котором нужно заботиться. Иными словами, он вдруг становится добропорядочным членом общества. Он возвращается домой, где его встречают с радостью, и остается в кругу семьи до тех пор, пока не подрастает его сын, который теперь уже может начать самостоятельную жизнь. Единственным указанием на то, что мы имеем дело с Вакджункагой, служат последние три предложения эпизода. «Я хочу обойти всю землю и повидать людей, потому что я устал сидеть на одном месте. Я привык мирно бродить по свету. Здесь же я только наживаю кучу неприятностей». В этих словах явно чувствуется его протест против домашнего образа жизни, против жизни в обществе, которая полна обязанностей и ограничений. Бесспорно, это и протест всех виннебаго.

Познание Вакджункагой особенностей своей биологии продолжается. Следующее приключение использует чисто раблезианский сюжет, который встречается по всей аборигенной Америке — сюжет о говорящей слабительной луковице (эпизоды 23 и 24). Хотя теперь Вакджункага обладает внутренностями обычного человека, он ничего о них не знает. Он встречается с луковицей, которая говорит ему, что тот, кто ее съест, будет испражняться. Никогда еще природа не издевалась над ним так сильно. Он берет луковицу, кладет ее в рот и жует. Поначалу он только пускает ветры. Однако газы выходят из

него со все возрастающей силой. Он цепляется за бревно, но его поднимает в воздух вместе с бревном, которое больно ударяет его. Он хватается за деревья, но их вырывает с корнем. Не зная, что предпринять, он решает взгромоздить себе на плечи жителей целого поселения со всем их скарбом, домами и собаками, предупреждая их о якобы готовящемся нападении врага. И вот весь мир людей на плечах Вакджункаги. С новым чудовищным взрывом люди и все их добро разлетается в разные стороны. Он же, как мы знаем, стоит и хохочет до колик в животе.

Есть ли здесь что-либо, кроме гротеска и явной сатиры? Безусловно. В общем, виннебаго могут сказать, что это иллюстрация того, что может произойти, если бросить даже самый малый вызов природе — что происходит, когда люди забираются на плечи Вакджункаге.

Но тот мир, куда он бежит от общества, мир, где он может спокойно странствовать, готовит ему новые испытания. Теперь он начинает испражняться. Земля покрывается испражнениями. Пытаясь спастись, он забирается на дерево, но все напрасно — он падает в горы собственных испражнений. Ничего не видя из-за налипшей на глаза грязи, он тщетно ищет дорогу к воде. Деревья, у которых он спрашивает, как найти воду, насмеваются над ним и указывают ему неверный путь. Наконец он добирается до воды и может отмыться.

Однако, несмотря на полученный урок, знание о себе и об окружающем мире приходит к нему медленно. Не успев полностью отмыться, он принимает отражение слив, растущих на берегу, за сами сливы*.

За этим следует ряд эпизодов (27—46), которые имеют мало отношения к образованию Вакджункаги. Кроме их явного са-

---

* Данный эпизод, возможно, имеет европейское происхождение.

тирического значения, это более или менее типичные приключения всех североамериканских трикстеров. В них обнаруживают себя все характерные черты, которые обычно приписываются этому персонажу. Это бессмысленная жестокость по отношению к другим, которую он проявляет всякий раз, когда хочет добыть себе еды, это ситуации, в которых в самый последний момент он сам оказывается обманутым, не только попадаясь на чужие уловки, но и лишаясь еды по собственной глупости (эпизод 30 и 31). Это и неудачные попытки подражания другим (эпизод 32, 33 и 41—44). Это и эпизоды, в которых иногда ему удается свести счеты с прежними врагами и мучителями (34, 45 и 46). С литературной и психологической точки зрения наш мифологический цикл распадается после 26 эпизода, когда Вакджункага ныряет в воду за отраженными в ней сливами, ударяется об камень и теряет сознание. Хотя нить повествования и восстанавливается после 38 эпизода, она все же непрочна.

За 26 эпизодом должен был бы следовать тот эпизод, в котором Вакджункага благодаря бурундуку узнает, где должны располагаться его половые органы — пенис и тестикулы (38 и 39 эпизоды).

Слова Вакджункаги в его диалоге с бурундуком стоит здесь привести. Их цель — показать, что он наконец-то полностью осознал свою половую принадлежность. «Что это ты несешь? Свой пенис, вот что ты несешь у себя за спиной!» — кричит ему бурундук, а Вакджункага отвечает: «Какие отвратительные вещи говорит это презренное существо! Кажется, он точно знает, что я несу». И опять бурундук дразнит его: «Тестикулы свои ты несешь у себя за спиной!» Вакджункага на это отвечает: «Должно быть, он наблюдает за мной». Вакджункага смущен и сбит с толку. Сначала он ведет себя совершенно пассивно, хотя и

делает то, что ему говорят. Он начинает злиться, только когда бурундук дает ему последнее указание: «Положи конец пениса сверху, положи его сверху!» Теперь, когда его половые органы располагаются на своем месте и так, как надо, и он действительно осознал свой пол, то, что он мужчина — только теперь он пускается в погоню за насмешником. Он атакует бурундука своим пенисом, но не для того, чтобы совокупиться, а чтобы наказать, уничтожить его. В этом — его последний протест, нежелание становиться зрелым мужчиной. При этом его пенис все еще сохраняет свои гигантские размеры. Чем дальше он просовывает пенис в дыру, где спрятался бурундук, тем больше бурундук откусывает от него, пока пенис не обретает нормальные человеческие размеры. Так Вакджункага становится мужчиной и осознает свой пол.

Далее следует очень важное добавление. Если от своих выпавших наружу внутренностей Вакджункага избавляется, съедая их, то части пениса, которые были откушены бурундуком, он бросает в воду, где они превращаются в съедобные растения.

Нежелание Вакджункаги достигать половой зрелости имеет глубокое психологическое и психоаналитическое значение, объяснить его, однако, я предоставляю другим. В данном случае мне бы хотелось выделить только два момента. Во-первых, важен тот факт, что сам он не может придать своим огромным и бесформенным половым органам нормальные размеры, равно как и не может правильно расположить их. Все это происходит с помощью кого-то другого. Однако, с другой стороны, он сам уменьшает свои внутренности. Во-вторых, можно задаться вопросом, что же происходит в конце эпизода — когда бурундук, сидя в своем укрытии, отгрызает от его пениса кусок за куском — некое совокупление или своего рода кастрация? Мне кажется, ни то, ни другое. Мы все еще имеем дело с

биологическим развитием Вакджункаги, и здесь символически выражен его переход от образа обобщенной природной и порождающей силы к образу конкретного человека, культурного героя. Это, как мне кажется, явно выражено в следующем восклицании Вакджункаги: «Горе мне, какого прекрасного органа он меня лишил! Но зачем я это говорю? Я сделаю из кусков моего пениса предметы, которые люди смогут использовать». Так он превращается в благодетеля сознательного, причем благодетеля не только человечества, но и природы.

Поскольку до этого рассказывалось о том, как герой достиг биологической зрелости, можно предположить, что далее речь пойдет о достижении им зрелости психической и социально-этической. Однако из следующих эпизодов трудно составить об этом сколько-нибудь определенное представление. Вероятно, сделать это вообще невозможно, принимая во внимание традиционный образ Вакджункаги. Одна из причин этого — по крайней мере, с литературно-психологической точки зрения — состоит, видимо, в том, что в повествовании непременно должен присутствовать один или даже ряд подвигов, которые связаны с Вакджункагой и без которых для виннебаго этот цикл вообще был бы немыслим — это его визиты к различным животным, их отношение к нему как к гостю, а также его неудачные попытки отплатить им за оказанное гостеприимство (эпизоды 41—44). Но эти эпизоды вряд ли могут претендовать на описание какого бы то ни было прогрессивного развития характера Вакджункаги, хотя некоторые попытки и прослеживаются — например, в стремлении показать, как у него развивается чувство некоторой социальной и моральной ответственности.

В эпизоде, который непосредственно следует за превращением в растения отгрызенных кусков пениса, Вакджункага встречается с койотом и соревнуется с ним в остроте нюха.

Единственное значение этого эпизода в цикле состоит в том, что он служит прелюдией к посещению Вакджункагой ондатры, бекаса, дятла и хорька (эпизоды 41—44), а также мотивирует сведение счетов с койотом (эпизод 46). Эпизод с койотом представляет собой сильно укороченный вариант соперничества Вакджункаги и койота, которое в других мифах о Трикстере играет гораздо более важную роль.

В эпизодах посещения Вакджункагой различных животных рассказчик наделяет его желанием раздобыть еды для своей семьи и изображает его или безобидным и самодовольным глупцом, постоянно совершающим промахи, или, наоборот, удачно мстящим тем, кто унижал его или хотел унижить, подобно норке и койоту (эпизоды 40 и 46). Все это — часть его социализации. Так, после того, как к нему приходит хорек и убивает множество оленей для него и его семьи, мы становимся свидетелями следующей идиаллической сцены. Лучше всего ее процитировать:

«— Думаю, жена, настало время нам вернуться обратно в деревню. Наверное, они соскучились по нам, особенно по детям.

— Я и сама об этом подумывала, — ответила жена.

И вот они упаковали вещи и начали их перетаскивать. Нужно было сделать не один переход. Через некоторое время они подошли к дому, и все жители деревни вышли поприветствовать их и помочь тащить вещи. Жители деревни были очень рады.

— Куну, Перворожденный вернулся! — кричали они.

Вождь жил посреди деревни, и рядом было построено длинное жилище для Вакджункаги. Вечером там собиралась молодежь, и Вакджункага развлекал их, потому что он был очень добродушный и веселый». Блудный сын добился успеха и вернулся домой.

Все выглядит так, будто вернулся удачливый воин, или, по крайней мере, великий охотник. И все же его старое я неистребимо. Это проявляется в той радости, которую он испытывает от унижения норки и койота. Однако слушатели-виннебаго, несомненно, симпатизировали бы этим проделкам героя. Они согласились бы с тем, что Вакджункага был очень добродушным и веселым малым, но при этом, конечно, попадающим впросак глупцом — таким, который обманывал гораздо меньше, чем бывал обманут сам, персонажем, который всем желал добра, но чьи добрые намерения всегда пропадали даром. Именно в этом свете мы должны интерпретировать два следующих эпизода (47 и 48), где Вакджункага удаляет препятствия на Миссисипи, которые могли бы помешать свободному плаванию людей по реке.

Но перед тем, как приступить к рассмотрению этих сюжетов, необходимо сказать еще несколько слов о значении одного момента в эпизоде, где он посещает хорька. В этом восхитительном раблезианском эпизоде хорек убивает оленей, пуская ветры. Он «заряжает» Вакджункагу четыремя выстрелами, которые тот должен использовать, вернувшись домой. Здесь Вакджункага сталкивается с совершенно новой ситуацией. Когда он был в гостях у ондатры, бекаса и дятла (эпизоды 41—43), все, что ему нужно было делать, чтобы в очередной раз попасть в трудное положение и причинить себе боль — это пытаться подражать им. Но вот у него есть все необходимое для удачной охоты, и как же ему теперь, согласно логике сюжета, провалить все дело? Проблема решается просто: нужно растратить то, что он получил. Безо всяких оснований он начинает подозревать хорька в мошенничестве и чтобы проверить истинность своих подозрений, четыре раза стреляет в разные предметы и разносит их на куски — холмик, дерево, огромную скалу и, наконец,

каменистый холм с отвесными склонами (символ священного места). Это его последний вызов миру природы, с которым до недавнего времени он был так близок. И в то же время он — Калибан, протестующий против навязанной, досаждающей ему культуры.

Было бы весьма ошибочно полагать, что авторы-рассказчики нашего цикла в 47 и 48 эпизодах пытались представить Вакджункагу как совершенного благодетеля или даже как полубожество. Эти эпизоды — лишь вторичное, несущественное добавление, не имеющее почти ничего общего с предшествующим повествованием. В них сказывается влияние одного из самых священных повествований виннебаго — *Мифа о происхождении Знахарского Обряда*. После того, как Творец Земли создает вселенную и всех ее обитателей, животных и людей, он обнаруживает, что злые существа* собираются их истребить. Чтобы помочь людям, он посылает на землю Вакджункагу, первое созданное им существо, которое немного напоминает человека. Вот что имеется в виду, когда Вакджункага внезапно вспоминает, зачем он был послан на землю. В *Мифе о происхождении Знахарского Обряда* Вакджункага описывается как полный неудачник. Даже Творец Земли не может реабилитировать его. На земле Вакджункага ничего не может сделать. Как говорит миф: «Все маленькие злые существа начали изводить его и насмехаться над ним. В конце концов он вынужден сесть на землю и признать, что ничего не может поделаться**». Но, несмотря на свое трикстерское прошлое, он на некоторое

---

* Нигде в мифе не сказано, что они также были сотворены Творцом Земли.

** Согласно другой версии мифа: «Он был подобен маленькому ребенку, беспомощно ползающему по земле... Все только и видели, что его анус. Он не сделал ничего путного, а только испортил то, что создал Творец Земли».

время становится настоящим культурным героем, хотя на самом деле эта роль принадлежит совсем другому герою, точнее, героям — Близнецам.

Как я уже отмечал, я считаю, что в основном это изменение характера Вакджункаги вызвано той ролью, которую он играл или призван был играть в основании Знахарского Обряда. Однако судя по тому, что еще за два поколения до нас у виннебаго существовали разногласия в оценке Вакджункаги, причем возникли они достаточно давно, кажется вполне вероятным, что люди всегда толковали его поступки двояко. Но к этому мы вернемся в следующей главе, где речь пойдет об отношении виннебаго к Вакджункаге в первом десятилетии этого века.

В заключительном 49 эпизоде мы видим уже совсем другую картину. Перед нами Вакджункага-божество, та сторона его природы, которая совершенно отсутствует в цикле, перед нами первозданный Трикстер, стареющий Трикстер, почти демиург, который в последний раз ест на земле. Он сидит на вершине скалы, рядом — каменный котел. Он ест. Оставив на скале котел и отпечатки своих ягодниц и тестикул, он запечатлевает это событие на все времена. Затем, покончив с едой, он отбывает в свое последнее путешествие. Поскольку он — символ творящего начала, символ связи человека со всей вселенной, сначала он погружается в океан, а затем поднимается к тому острову-миру, которым отныне будет править. Этот остров находится прямо под миром Творца Земли...

Приведенное выше краткое содержание мифа о Трикстере должно дать читателю некоторое представление о составном характере цикла виннебаго и о том, в какой степени его разные эпизоды сплавляются вместе, образуя единое целое. Чтобы лучше представить себе, какого совершенства достигли виннебаго в этом отношении, необходимо ознакомиться с циклами о Трик-

стере других североамериканских племен. Тогда станет ясно, какие эпизоды, темы и мотивы вобрал в себя миф о Вакджункаге у виннебаго и с каким литературным мастерством это было сделано. То, что эта литературная переработка и переинтерпретация вторична, не вызывает никаких сомнений. Она явно связана с особенностями истории виннебаго, а также с особенностями литературной традиции этого племени. Однако чтобы получить представление о том, каков был изначальный вариант цикла о Вакджункаге, мы должны освободить нашу версию от всех тех черт, которые как раз и делают ее шедевром индейской литературы. Мы попытаемся сделать это в заключительной главе этого раздела, где рассмотрим миф о Трикстере в индейской культуре Северной Америки в целом.

VI

ОТНОШЕНИЕ ВИННЕБАГО К ВАКДЖУНКАГЕ

Большая часть анализа в предыдущей главе, по сути — взгляд постороннего, белого человека. Это анализ без каких-либо оговорок о таящихся в нем заблуждениях и ловушках, существующих независимо от того, насколько хорошо этот посторонний знаком с культурой индейцев. Но всегда лучше дать слово самим носителям культуры. Вот почему в этой главе я попытаюсь вкратце представить суждения и оценки современных виннебаго — я имею в виду 1908—1908 гг. — в отношении Вакджункаги, а также показать, как он изображается в литературной традиции племени. В те годы, когда среди виннебаго начала распространяться новая религия Пейютля и многие стали задумываться и переоценивать собственную культуру, Вакджункага нашел себе и сторонников, и противников. Я хотел бы начать с утверждения одного из пожилых представителей консервативно настроенной части племени, которым он предварил миф, не вошедший в наш цикл.

«Тот, кого мы называем Вакджункага, — сказал он, — был создан Творцом Земли. Он был веселым и добродушным. Таким создал его Творец Земли. Он также был вождем. Он прошел через многие испытания. Правда, он сделал много греховного. Из-за этого некоторые были уверены, что на самом деле он — дьявол*. Однако, если хорошенько подумать, он ни разу не согрешил. Благодаря ему Земля сохранила ту форму, которую она имеет и по сей

---

* Он имеет в виду последователей обряда Пейютля.

день. Он — причина того, что сейчас ей ничто не мешает. Это верно, что из-за него люди умирают, из-за него они крадут, он виноват в том, что мужчины оскорбляют женщин, что они лгут, что они ленивы, что на них нельзя положиться. Да, он в ответе за все это. Но одного он не делал никогда: он никогда не вступал на тропу войны, никогда не воевал.

Вакджункага странствовал по этому миру и всех любил. Он всех называл своими братьями, но его в ответ оскорбляли. Он никого не мог одолеть. Каждый норовил подшутить над ним».

Этот человек, несомненно, хотел сказать, что Вакджункага представлял собой действительность вещей, что он был положительной силой, строителем, а не разрушителем. То, что Вакджункага никогда не вступал на тропу войны, говорит о многом. Мы видим, что для этого человека неудача Вакджункаги, который пытается помочь людям, уничтожая тех, кто им досаждают, не заслуживает осуждения, так как иначе это означало бы насилие, войну. Таким образом, если Вакджункага оказался совершенно бесполезным после того, как подготовил землю к приходу человека, это вполне понятно. Почему люди не понимают его, неправильно толкуют его действия и смеются над ним, тоже легко понять. Ведь он принадлежит не к миру людей, а к другому миру, который гораздо древнее.

Мнение приверженцев обряда Пейотля отличается от этой сочувственной установки. Они используют Вакджункагу и его цикл в качестве инструмента некой морали. Было бы ошибкой предполагать, что такое отношение является совершенно новым. Оно существовало задолго до основания обряда Пейотля. Точка зрения адептов обряда лучше всего выражается в следующей проповеди:

«Старики часто говорят нам о Вакджункаге. Однако мы

никогда не знаем, что они имеют в виду*. Они рассказывают нам, как однажды, завернувшись в енотовое одеяло, он пошел туда, где танцевало много людей. Там он танцевал до вечера, а потом остановился и огляделся. Вокруг никого не было. И тут он понял, что принимал за танцующих людей шум ветра в тростниках.

Так и мы, виннебаго. Мы танцуем и устраиваем много шума, но все кончается ничем.

Однажды, когда Вакджункага шел к устью реки, он увидел на противоположной стороне человека в черном. Он стоял и указывал на него пальцем. Вакджункага заговорил с человеком, но тот ничего не ответил. Тогда он заговорил с ним снова и опять не получил ответа. Наконец он разозлился и закричал:

— Смотри же! Я могу делать то же, что и ты!

Он оделся в черное и, вытянув руку по направлению к человеку на той стороне, стал указывать на него пальцем. Так они простояли весь день. К вечеру, когда он, как и в прошлый раз, посмотрел вокруг, он заметил, что человек, который указывал на него пальцем, на самом деле был пнем.

— Вот тебе на! Что же я весь день делал? Надо было посмотреть, прежде чем делать глупости! Не зря люди называют меня Глупцом!

Как-то Вакджункага шел своей дорогой с поклажей на спине. Вдруг кто-то окликнул его:

— Послушай, мы хотим спеть для тебя.

— Хорошо, — сказал он. — Я несу песни на своей спине, и если вы хотите танцевать, то постройте для меня большой дом и оставьте для входа маленькое отверстие.

---

* То есть они не понимают значения поступков Вакджункаги. Описываемый эпизод отсутствует в нашей версии мифа.

Когда дом был готов, все зашли в него, и Вакджункага за ними. Те, кто говорил с ним, были птицы. Он велел им во время танца закрыть глаза и не открывать их, иначе глаза станут красными. Каждый раз, когда мимо Вакджункаги танцуя проходила жирная птица, он душил ее. Если при этом она начинала громко кричать, он говорил:

— Так, здорово! Еще!

Через некоторое время одна из птиц начала подозревать что-то неладное, слегка приоткрыла глаза и увидела, что Вакджункага хватается и убивает танцующих птиц, сворачивая им шеи. Она закричала:

— Спасайтесь кто может, пока не поздно! Он убивает нас!

Прокричав это, она вылетела через отверстие в крыше. Вакджункага собрал убитых птиц и зажарил их. Однако ему не удалось попробовать ни кусочка, потому что у него все мясо украли.

Так и мы, виннебаго. Нам нравится все запретное. Мы говорим, что нам нравится Знахарский Обряд. Мы считаем, что он очень хорош, и при этом держим его в секрете, скрываем его от людей. Мы предписываем членам общества ничего не говорить о нем до скончания века. И поэтому они боятся говорить о нем. Мы, виннебаго — птицы, а Вакджункага — Сатана.

Однажды, когда Вакджункага шел по дороге, кто-то заговорил с ним. Он вслушался, и разобрал такие слова:

— Кто меня съест, будет испражняться.

Вакджункага подошел к тому, кто говорил, и спросил:

— Как твое имя?

— Меня зовут Тот-кто-пускает-ветры.

Вакджункага не поверил ему и съел его (это был куст). Вскоре он пустил ветры. Это его рассмешило.

— Ах, так вот что все это значит!

Когда же он двинулся дальше, дела его стали плохи, и ему стоило большого труда добраться до дома.

Так и мы, виннебаго. Мы странствуем по этой земле всю жизнь, а потом, когда кто-нибудь из нас пробует то, что лишает его сознания*, мы смотрим на эту вещь с подозрением, только когда приходим в себя...»

Здесь перед нами одновременно и славный герой, и дьявол-искуситель. Сатану виннебаго называют Херешгуина. Это великий злой дух, который существовал с начала времен, такой же древний, как Творец Земли. Он всегда отрицает то, что создано Творцом Земли. Согласно одной из этимологий, его имя означает «Тот-в-чем-существовании-сомневаются». Неудивительно, что члены полухристианского обряда Пейотля отождествляют с ним Вакджункагу.

Такое подчеркивание явно отрицательных сторон Вакджункаги имеет очень древние корни. Мы обнаруживаем его у дакота-сиу и у понка. Не менее древней является интерпретация его характера и его положительной деятельности (об этом я говорил выше), которая находит наиболее яркое выражение в очень древнем мифе о Двух мальчиках**. В этом мифе он активно помогает Кролику получить особые способности, которые в итоге должны помочь одному из великих духов в победе над его врагом. Здесь Вакджункага, обращаясь к Творцу Земли, говорит такие слова:

«Отец, то, чего мы так сильно желали, ты дал нам, не усомнившись в своем решении ни на миг. Мой друг Кролик — вот кто проследит, чтобы все, что мы задумали, непременно свершилось. Он — единственный, кто может

---

* Имеется в виду употребление пейотля.

** См. Special Publications of Bollingen Foundation, No. 3, Basel, 1954.

это сделать. Все духи того дома, из которого мы пришли, бесспорно подчиняются ему, потому что у него хорошие мысли. Он уже помог людям, он поможет и духам».

На эти слова Вакджункаги Творец Земли отвечает так:

«Первороденный, ты древнее всех, кого я создал. Я создал тебя добрым, я создал тебя священным. Я послал тебя на землю, чтобы ты оставался там, а люди слушали бы тебя, почитали тебя и подчинялись твоей воле. Я послал тебя, чтобы ты мог научить их, как сделать жизнь легкой и счастливой. Вот для чего я создал тебя. В том, что случилось с тобой, когда ты попал на землю, ты виноват сам. Твои же собственные действия, твое поведение стали причиной того, что ты превратился в посмешище. Все только и делают, что используют тебя и потешаются над тобой — даже самые крохотные насекомые. Как же теперь ты можешь делать образцом для подражания Кролика, который действительно исполнил все, что я велел ему? Тебе были даны величайшие способности, а ты пренебрег моим творением. Ты не исполнил ничего из того, что я поручил тебе. Ты, и только ты виноват в том, что люди прозвали тебя Глупцом. Я создал тебя для дел, подобных тем, что свершил Кролик. Я не создавал тебя для того, чтобы ты портил мое творение».

Это явное замешательство высшего божества виннебаго перед поступками Вакджункаги и их причинами и то, что он снимает с себя всякую ответственность за них — не следует упускать из виду.

VII

ЦИКЛ О ВАКДЖУНКАГЕ КАК САТИРА

То, что создатели цикла о Вакджункаге в его нынешней форме, кроме всего прочего, хотели сочинить сатиру на человека и на общество виннебаго, не вызывает у меня ни малейшего сомнения. Никак иначе мы не могли бы объяснить включение одних эпизодов и очень своеобразное расширение других. И действительно, только если мы примем во внимание этот сознательный элемент юмора и сатиры и согласимся с тем, что он привнесен в повествование намеренно, мы сможем правильно понять смысл некоторых эпизодов. Чтобы природа этого юмора виннебаго и сатиры на общественные порядки сделалась для нас яснее, лучше всего было бы вновь просмотреть весь сюжет и выявить те стороны культуры, на которые направлены сатирические выпады. Сатира же на человеческую глупость и слабость, думаю, вообще не требует пояснений.

Если считать двойной парадокс наивысшей формой юмора, трудно найти сцену, где он использовался бы искуснее, чем в первой сцене цикла. Вождь племени, тот, кто по определению не может возглавлять военный поход, приглашает людей на пир связи воина, и хотя всем известно, что он не может вступать на тропу войны, все являются на пир, ведь вождю нужно подчиняться. Вождь уходит прямо посреди церемонии, и через некоторое время гости обнаруживают его совокупляющимся с женщиной, то есть нарушающим строжайшее табу для человека, который собирается встать во главе военного отряда. В конце концов он выступает в поход, но вскоре уничтожает связку воина — самое священное, что есть у виннебаго.

Ни в одном из известных североамериканских мифов о Трикстере мы не находим сцены, подобной этой. Для чего она

служит? Чтобы показать, насколько зол Вакджункага? Но виннебаго никогда не изображают его злым. Или нужно рассматривать этот эпизод как входящий в более древнюю версию цикла, в которой он изображается как нарушитель табу, уничтожающий святая святых? Для последнего предположения, по всей видимости, мало оснований. То, с чем мы здесь сталкиваемся, можно считать своего рода эквивалентом полурелигиозных средневековых представлений, участники которых чувствовали, что им не может быть нанесен вред, и не боялись обвинений в святотатстве или в высмеивании традиционного порядка. В конце концов, они всегда могут сослаться на то, что на самом деле речь идет не о ком-то другом, а о Вакджункаге и о делах далекого прошлого, которое никогда не повторится. Иными словами, перед нами — своего рода отдушина для выхода протеста, несогласия со многими, часто тягостными обязанностями, связанными с социальным порядком виннебаго, их религией и ритуалами. Первобытные люди мудро изобрели множество таких отдушин.

Следующий очевидный образец сатиры — эпизод 15, где Вакджункага восклицает: «Ага! Ага! Вожди развернули свое знамя! Люди, должно быть, устраивают великий пир!» Знамя, как мы знаем, не что иное, как восставший пенис Вакджункаги с развевающимся на его конце одеялом. Сатира здесь направлена на один из наиболее важных праздников виннебаго, который устраивается вождем племени раз в году. На этом празднике вождь поднимает символ своей власти — длинный изогнутый шест, украшенный перьями. Во время праздника он обязан произносить длинные речи, убеждая свой народ жить согласно идеалам общества виннебаго.

Немного более мягкой, но при этом все же легко распознаваемой является пародия на ритуальное соревнование в быст-

рой еде между кланами Птицы Грома и Медведя во время обряда связки воина (эпизод 36). Эта сатира имеет двойную подоплеку. В соответствии с мифом о происхождении клана Птицы Грома впервые состязание в беге состоялось между членом этого клана и членом клана Медведя. Цель состязания состояла в том, чтобы определить, представитель какого клана будет избран вождем племени. Возможно, сатира здесь направлена и на подсчет военных подвигов. Только приняв во внимание все это, мы можем понять смысл следующих отрывков:

«— Давай устроим состязание в беге. Победитель станет вождем. А тот, кто проиграет, будет подавать еду, — сказал Вакджункага норке. Целью был горшочек с едой. Победить должен был тот, кто первым прикоснется к еде».

Детальное объяснение того, почему в данном эпизоде, как и во многих других, критике постоянно подвергается именно вождь, увело бы нас слишком далеко. Достаточно сказать, что вождь был символом порядка, защитником мира, в его функции входило вмешательство в самые разные ситуации. Более того, в этой культуре, где престиж был прежде всего связан с войной, вождь не мог вступать на тропу войны.

Один из самых острых сатирических выпадов направлен против поста по достижении половой зрелости (эпизоды 33 и 34). Люди всегда были недовольны слишком строгими правилами соблюдения этого поста и его многочисленными ограничениями. Тем, кому это было особенно в тягость, думаю, очень по душе была сцена, где Вакджункага, с головой, безнадежно запертой внутри лосиного черепа, лежит под своим снотовым одеялом на берегу реки и при этом «выглядит довольно устрашающе», как с саркастическим святотатством отмечает миф. Блестящая пародия. Утром женщина идет за водой, натывается на него и убегает. Он кричит ей вслед, чтобы она вернулась, и

обращается к ней с речью. Он говорит: «Вернись, я благословлю тебя... Возьми топор и принеси сюда. Потом соверши все требуемые обычаем приношения, как тебе скажут родственники. Если ты ударишь меня топором по голове, ты сможешь использовать то, что найдешь внутри, в качестве снадобья, и получишь все, что только захочешь».

Чтобы понять всю комичность ситуации, необходимо заметить, что благословение духов можно получить только ночью и к этому нужно тщательно готовиться — покрыть черной краской лицо, а перед этим поститься. Причем духи никогда не призывают человека, чтобы тот позволил им благословить себя.

В этом эпизоде интересно то, что в самом конце, когда лосиный череп расколот, а Вакджункага освобожден и смеется над всеобщей растерянностью, богохульство всей сцены даже больше, чем могли бы вынести сами участники, поэтому Вакджункага говорит:

«— Раз уж вы сделали мне эти приношения, они не пропадут зря. Ибо для чего бы вам ни вздумалось использовать этот череп, вы получите то, что захотите.

Тогда люди изготовили всякие знахарские средства для лечения болезней и впоследствии нашли их вполне пригодными».

По поводу сатиры и высмеивания важных сторон культуры виннебаго сказано достаточно. Менее значительные моменты требуют слишком много места, и я ограничусь лишь одним примером. В эпизоде 27, где Вакджункага убеждает самок енота доверить ему своих детей, пока они будут искать сливы, он говорит: «И если к вечеру, на закате, вы увидите красное небо, знайте, что это от слив». Это замечание является четкой пародией на одну из сцен хорошо известного мифа, в которой отец говорит детям, что если к вечеру они увидят, что небо стало

красным, значит, его убили. Это сравнение стало метафорой насильственной смерти. После того, как Вакджункага убил и съел маленьких енотов, оставленных на его попечение, он отрывает голову одного из них, насаживает ее на палку и выставляет у двери, как будто малыш выглядывает в щелку и смеется. Это хорошо известный военный обычай виннебаго. Короче говоря, острая сатира направлена здесь на военные обычаи.

Приведенных примеров должно хватить для доказательства того, что в этих отрывках мы действительно сталкиваемся с намеренной сатирой. Однако то, что эта сатира не принадлежит к циклу изначально, не вызывает сомнений. Но это совсем не значит, что она относится к недавнему времени. Можно с уверенностью предположить, что в племени всегда существовали профессиональные юмористы и сатирики и всегда была аудитория, которая с удовольствием слушала их.

VIII

**ЦИКЛ О ВАКДЖУНКАГЕ В ЕГО ОТНОШЕНИИ
К ДРУГИМ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИМ ЦИКЛАМ О
ТРИКСТЕРЕ**

Итак, мы подошли к нашей последней и, быть может, самой трудной задаче — попытаться определить, в какой степени цикл о Вакджункаге у виннебаго, в представленном здесь варианте, является особой, свойственной только виннебаго, передачей этого повествования. Я ставлю этот вопрос по двум причинам: во-первых, нигде более в Северной Америке такой вариант мифа о Трикстере не встречается, во-вторых, в версии виннебаго можно найти указания, которые ясно свидетельствуют об изменении формы повествования. Я не имею в виду те преобразования, о которых здесь уже шла речь — внесение сатирического элемента или расстановка новых психологических и этических акцентов, меня интересует то, что предшествовало этим изменениям за много поколений. Браться за решение этой проблемы при отсутствии исторических данных очень трудно и, возможно, даже рискованно. Тем не менее, это должно быть сделано. И единственный путь, оставляющий некоторую надежду на успех — путь сравнения версии виннебаго с мифами о Трикстере, распространенными в других частях континента.

Подавляющее большинство всех так называемых мифов о Трикстере в Северной Америке описывают сотворение земли или, по крайней мере, ее изменение. В них всегда присутствует герой, странствующий по свету. Он всегда голоден, у него нет обычных понятий о добре и зле, он либо обманывает людей и животных, либо сам становится жертвой их обмана. Кроме того, он очень сексуален. Почти во всех вариантах мифа он наделен

некоторыми чертами божества, которые изменяются в зависимости от племени. В одних случаях его представляют божеством, в других он тесно связан с миром божественного, в третьих он в лучшем случае обобщенный образ животного или человека, то есть смертного существа. Один из вопросов, которые нам предстоит решить, связан с тем, как объяснить эти колебания в природе его идентичности.

Поскольку количество племен ограничено, лучше всего будет обсудить каждый из этих моментов отдельно. Выбор племени должен определяться типом культуры, а также богатством и степенью достоверности мифологического материала, имеющегося в нашем распоряжении. Таким образом, наше внимание будет направлено на мифы о Трикстере племен северо-западного побережья Канады, алгонкиноязычных племен Западных равнин Соединенных Штатов, а также Висконсина и Миннесоты и сиуязычных племен на территории к востоку от Монтаны до Небраски и Великих Озер.

На северо-западном* побережье роль Трикстера играет Ворон. Цикл, связанный с ним, состоит из двух частей. В первую входят эпизоды, описывающие сотворение земли и всего, что на ней есть. Вторая посвящена собственно Ворону, его неутолимому чувству голода, и тому, как он обманом или силой добывает или пытается добыть то, что хочет. Во время своих походов он терпит множество неудач, но в конце концов всегда добывается своего. В первой части цикла эпизоды связаны в достаточно жесткое композиционное единство, во второй же они располагаются в более или менее произвольном порядке. В конце своих деяний он не только добывается ис-

---

* F. Boas, *Tsimshian Mythology*, Bureau of American Ethnology. Vol. 31, Washington, D.C., 1916. См. в особенности стр. 565—958.

полнения всех желаний и утоляет свой непомерный аппетит, но также, сознательно никогда к этому не стремясь, создает много нужного человеку и устанавливает обычаи, которым люди будут следовать. Далее мы увидим, что эта черта обнаруживается по всей Северной Америке.

Как правило, все циклы о Вороне начинаются одним из двух вариантов. В первом случае мир изначально покрыт водой, и Ворон начинает свою деятельность после того, как вода спадает — либо сама по себе, либо благодаря ему. Во втором случае мир изначально погружен во тьму. В первом случае описывается то, как Ворон появился на свет, и дается его родословная, во втором же он существует от начала времен. Мне хотелось бы привести два примера начала цикла. Один принадлежит индейцам хайда*, другой тлинкитам**. Версия хайда начинается так:

«Говорят, остров весь был залит соленой водой. Над водой летал Ворон. Он искал место, чтобы приземлиться. Через некоторое время он увидел большой плоский камень, который находился на южной оконечности острова. Все сверхъестественные существа лежали на нем, как Гено, и шеи их лежали одна на другой. Те, что были слабее других, растянулись здесь и там, во все стороны. Они спали. Там был свет, вокруг же было темно. Так говорят.

Гагара жил в доме Нанкилстласа. Однажды Гагара вышел из дома и закричал. Потом вбежал обратно и сел на то место,

---

* J. R. Swanton, *Haida Texts and Myths*, Bureau of American Ethnology, Bulletin 29, Washington, 1905, pp. 110—111.

** J. R. Swanton, *Tlingit Texts and Myths*, Bureau of American Ethnology, Bulletin 39, Washington, 1909, pp. 80—81, см. также стр. 154—159 в данной книге.

где сидел всегда. И еще там лежал старик, но он никогда не смотрел на Гагару. Вскоре Гагара опять вышел, закричал, вернулся обратно и сел на свое место. И так он продолжал делать снова и снова.

Однажды человек, который лежал спиной к огню, спросил:

— Отчего ты так часто кричишь?

— Ах, вождь. Я кричу не по собственной воле. Сверхъестественные существа говорят мне, что не могут найти места, где бы им поселиться. Вот почему я кричу.

Тогда он сказал:

— Я позабочусь об этом.

Полетав некоторое время, Ворон увидел рядом чистое небо. Он полетел туда. Вонзив в него клюв, он подтянулся. Там был город из пяти деревень, и в самой первой дочь вождя только что родила ребенка. Вечером они все уснули. Тогда он содрал с ребенка кожу, начиная с ног, надел ее и лег на его место.

Наутро о ребенке спросил дед, и ему принесли его. Он вымыл ребенка, потом приложил свои ноги к его ногам и потянул. Затем он отдал его обратно. На следующий день он сделал то же и снова отдал его матери. Теперь ребенок проголодался. Они не стали разжевывать для него еду, чтобы кормить его.

Однажды вечером, когда все отправились спать и заснули, Ворон поднял голову и осмотрел все, что было в доме. Все крепко спали. Он начал извиваться и, освободившись от одежды, выбрался из колыбели. Потом он вышел. В углу дома жила женщина-полукамень, которая следила за ним. Вскоре он вернулся, пряча что-то у себя под накидкой. Раскидав костер, что всегда горел рядом с местом, где спала его мать, он расчистил небольшой клочок земли и выкопал яму. В яму он положил то, что прятал под своей накидкой. Перемешав это с

золой, он съел то, что получилось. При этом раздался хлопок. Во время еды он смеялся. Женщина-полукамень же видела все, что происходило, наблюдая из своего угла.

И опять, когда наступил вечер и все заснули, он вышел. Некоторое время его не было, а потом он вернулся, неся что-то под накидкой. Он положил это в золу, размешал и стал есть и когда ел, то смеялся. Из угла за ним наблюдала женщина-полукамень. Ворон закончил есть, подошел к своей колыбели и лег спать. На следующее утро об этом говорили во всех пяти деревнях. И он слышал все.

Жители четырех из пяти деревень лишились одного глаза...»

Сравним это с началом цикла о Вороне у тлинкитов:

«В начале мира не было дневного света и все было погружено во тьму. В те времена в устье реки Насс жило существо по имени Ворон-из-устья-Насс (Нас-шаки-йел) <...> и в его доме хранились все вещи, и там были солнце, и луна, и звезды, и дневной свет. <...> С ним жили два старика: Старик-предвидящий-все-беды (Адавул-шанак) и Тот-кто-знает-все-что-происходит (Тлиеват-уваджиги-шан). <...> Третье существо жило под землей. Это была Подземная Старуха (Хайи-шанаке). Там ее поселил Нас-шаки-йел. Жены у Нас-шаки-йела не было, и он жил один, с этими двумя стариками. Однако у него была дочь, хотя никто не может этого объяснить. Никто не знает, кем была эта дочь. Два старика заботились о ней, как слуги, особенно они следили за тем, чтобы вода, которую она пила, была чистой.

Первым из всех живых существ Нас-шаки-йел сотворил Цаплю — очень высокого и мудрого человека — а следом за ним — Ворона, который в те времена тоже был очень добрым и мудрым.

Вот как Ворон появился на свет. У его первой матери было очень много детей, но все они умирали еще маленькими, и она все время оплакивала их. Некоторые говорят, что это была сестра Нас-шаки-йела и что он убивал детей, потому что не хотел, чтобы у него в роду были мальчики. Вскоре Цапля пришел к ней и спросил:

— Отчего ты все время плачешь?

— Все мои дети умирают. Я не могу вырастить их, — ответила она.

Тогда он сказал:

— Пойди на берег во время отлива, найди маленький гладкий камешек и положи его в огонь. Когда он раскалится докрасна, проглоти его. И не бойся.

— Хорошо, — сказала женщина.

Она сделала так, как велел Цапля, и вскоре родила Ворона. Поэтому Ворона на самом деле звали Итшак — так называется очень твердый камень, и отсюда его имя Таклик-иш (Отец-Молот). Вот почему Ворон был таким твердым и его трудно было убить.

Цапля и Ворон стали слугами Нас-шаки-йела, но он больше ценил Ворона и сделал его главным над миром. Потом Нас-шаки-йел создал людей.

Но все существа, которых сотворил Нас-шаки-йел, жили в темноте. Так продолжалось очень долго. Как долго — никто не знает. Ворону было очень жаль людей, которые жили в темноте. Наконец он сказал себе: «Если бы я был сыном Нас-шаки-йела, я мог бы делать почти все, что захочу». Тут он стал думать, что делать, и наконец придумал. Он сделался очень маленьким, превратился в хвоянку и поплыл по воде, которую должна была выпить дочь Нас-шаки-йела. Она выпила воду и вскоре забеременела.

Хотя все это произошло по воле Нас-шаки-йела и он знал обо всем, что случилось с его дочерью, он все же спросил ее, как вышло, что она забеременела. Она ответила: «Я выпила воды и почувствовала, будто я что-то проглотила» <...>

Нас-шаки-йел попробовал делать людей из камней и из листьев, но камни были медлительными, а листья очень подвижными. Поэтому люди произошли из листьев. Потом Нас-шаки-йел показал людям лист и сказал:

— Видите этот лист? Вы будете, как он. Когда он падает с ветки и гниет, от него ничего не остается.

Вот почему в мире существует смерть. Если бы люди происходили от камней, смерти не было бы. Когда-то давно люди, становясь старыми, говорили: «Жаль, что нас сотворили не из камня. Мы сделаны из листьев, и поэтому должны умереть».

Сравнивая эти тексты, приходишь к убеждению, что версия хайда гораздо ближе к подлинному началу мифов о Трикстере, а у тлинкитов мы имеем дело с вторичным наслоением. В тлинкитском мифе очевиден разрыв между Трикстером, воспринимаемым как божество и подлинный преобразователь мира, и Трикстером, чьи действия бесцельны и кто ведет себя как настоящий дурак. Это убеждение еще усиливается, когда мы обращаемся к другим циклам, в которых Трикстер тесно связан с созданием мира. Так, у индейцев гро вантр Северной Монтаны цикл начинается следующим образом*:

«Люди, жившие до тех, что населяют землю сейчас, были дикими. Они ничего не умели делать. Никсанту не нравилось, как они жили и умирали. Он думал: «Я создам новый мир». У

---

* A. L. Kroeber, *Groë Ventre Myths and Tales*, *Antropological Papers of the American Museum of Natural History*, Vol. I., New York, 1908, pp. 59–61.

него была трубка вождя. Он вышел за дверь и повесил трубку на три жерди. Затем он взял четыре куска бизоньего кизяка и положил по одному под каждую из жердей, на которых висела трубка, а на четвертый сел сам и сказал:

— Я пропою три раза и прокричу трижды. После того, как я сделаю это, я ударю по земле, и через трещины потечет вода. Будет сильный дождь. Вода зальет всю землю.

И вот он начал петь. После того, как он пропел три раза, он трижды прокричал. Потом он ударил по земле, и она треснула. Из трещин полилась вода, пошел дождь и продолжался много дней. Вся земля скрылась под водой. На куске кизяка он и трубка плавали по воде. Потом дождь прекратился. Кругом была вода. Он плыл туда, куда гнал его ветер. Так он плавал очень долго, а над его головой летал Ворон. Все другие птицы и животные утонули. Ворон устал. Он летал и кричал:

— Отец мой, я выбился из сил. Я хочу отдохнуть.

Три раза он так прокричал. Выслушав его трижды, Никсант ответил:

— Садись на трубку и отдохни.

Ворон продолжал кричать, и каждый раз Никсант разрешал ему сесть на трубку. Но Никсант тоже устал сидеть в одном положении. Он заплакал. Он не знал, что делать дальше. Долго он плакал, а потом стал разворачивать трубку. В ней были все животные. Он отобрал тех, кто мог надолго задерживать дыхание и находиться под водой. Первой он выбрал Большую Гагару. Гагара не дышала, но Никсант хранил в трубке ее тело. Никсант запел и приказал Гагаре нырнуть и принести со дна грязи. Гагара нырнула. Но на полпути она не смогла больше сдерживать дыхание и повернула обратно. Когда она приплыла к Никсанту, она уже почти захлебнулась. Тогда Никсант взял

тело Маленькой Гагары и запел. Маленькая Гагара нырнула. Она почти достигла дна и чуть было не достала грязи, но не смогла более сдерживать дыхание и вернулась ни с чем. Когда она вынырнула, она была едва жива. Никсант тогда взял Черепаху. Он запел, и она сразу ожила. Он послал ее, и она нырнула. Тем временем, Ворон все не садился на трубку, а только кружил около Никсанта и жаловался, что устал и хочет отдохнуть. Никсант не слушал его. Прошло много времени, и вот, наконец, Черепаха вынырнула. Она была еле жива. Она покрыла свои лапы и трещины на боках грязью. Но когда она приплыла к Никсанту, всю грязь уже смыло водой. Она едва дышала. Никсант спросил:

— Ты принесла мне грязь?

Она ответила:

— Да, я взяла со дна грязи. Я положила много грязи на лапы и в трещины на боках, но пока я плыла обратно, все смыло водой.

Никсант осмотрел ее лапы и бока. На одной из ее лап он заметил немного земли. Он соскреб ее себе на ладонь. К тому времени Ворон уже совсем выбился из сил. Никсант же, держа в ладони землю, что принесла Черепаха, снова запел. Пропев три раза, он трижды прокричал. Потом он сказал:

— Ту землю, что я держу в своей ладони, я брошу в воду. Пусть понемногу станет достаточно земли над водой, чтобы я смог ступить на нее.

<...> После того, как он сотворил землю, вокруг уже не было воды. Он шел по земле с трубкой. И Ворон летел рядом с ним. Кроме них, в мире никого не было. Теперь Никсант почувствовал сильную жажду. Он не знал, что нужно сделать, чтобы достать хотя бы немного воды. И он подумал: "Тогда я буду плакать". Он заплакал. Когда он плакал, его

глаза были закрыты. Он все думал о том, как достать воды. Он проливал слезы, и они падали на землю. Прямо перед ним из слез появился большой источник. Из источника побежал ручей. Когда он прекратил плакать, на этом месте текла большая река. Так он создал реки и потоки. Он устал быть один с Вороном и трубкой и поэтому решил сотворить людей и животных...»

Начало мифа о Трикстере индейцев блэкфут уже изложено выше (стр. 183). У ассинибойнов* провинции Альберта (Канада) и у кроу Монтаны** цикл о Трикстере начинается так же.

«Давным-давно, — начинается миф кроу, — не было земли, а только одна вода. Единственными существами в мире были утки и Старик. Однажды он пошел повидаться с утками, и, встретив их, сказал:

— Братья, под водой есть земля. Мы не должны больше оставаться одни».

После этого Старик велит им нырять под воду, и в конце концов одна из уток возвращается с грязью, налипшей ей на лапы. Из этой грязи Старик создает землю. Окончив свою работу, он восклицает:

«— Вот мы сотворили землю, пусть будут и те, кто хочет жить на ней.

Как только он сказал это, с востока послышался вой. Это был волк. Так все было создано на земле».

---

* R.H. Lowie, *The Assiniboiné, Anthropological Papers of the American Museum of Natural History*, Vol. IV, New York, 1910, pp. 100–101. См. также стр. 146–153 данной книги.

** R.H. Lowie, *Myths and Traditions of the Crow Indians, Anthropological Papers of the American Museum of Natural History*, Vol. XXV, Part I, New York, 1918, p. 14.

У всех этих племен мы находим одинаковый разрыв между Трикстером-божеством и Трикстером-шутом, причем ощущение этого разрыва возникает не только у постороннего. Так считают и многие из индейцев, которые находят этому различные объяснения. Свонтон встретил среди индейцев хайда людей, которые считали, что божество Нанкилстлас, с которым отождествлял себя Ворон, когда вел себя как насмешник и шут, просто надевал воронью кожу*. Один образованный тлинкит сказал Боасу, что эпизоды, в которых Трикстер ведет себя подобным образом, добавлены, чтобы как-то уравновесить те части мифа, в которых говорится о серьезных вещах**. И подобное мнение среди индейцев не редкость. По этой причине, а также из-за особого характера распространения начала цикла можно с уверенностью заключить, что это начало не свойственно первоначальному мифу, а принадлежит совершенно другому циклу, либо относящемуся к культурному герою и преобразователю мира, подобно циклам виннебаго о Близнецах, Красном Роге и Кролике (стр. 172—175, 97—139), либо к определенным мифам о происхождении.

То, что Трикстер, по крайней мере изначально, не был божеством в обычном смысле этого слова, кажется очевидным, как, впрочем, очевидны и постоянные попытки возвысить его до божества. Прекрасный пример такого процесса мы находим у цимшиан.*** Миф начинается с описания смерти горячо любимого сына, родители которого непрерывно оплакивают его под помостом, где лежит его тело. Однажды утром мать, как обыч-

---

* Op. cit., p. 146.

** 4 F. Boas, op. cit., p. 582, note.

*** F. Boas, op. cit., pp. 58—60.

но, пришла побыть у тела умершего и обнаружила, что там, где лежал ее мертвый сын, теперь лежит юноша, сверкающий, как огонь. На вопрос, не ее ли он сын, он отвечает утвердительно. Вскоре вокруг собирается вся деревня. Обращаясь к ним, сверкающий юноша говорит:

«— Небеса устали от ваших бесконечных причитаний и поэтому послали меня к вам, чтобы утешить вас.

Одно обстоятельство, все же, продолжало беспокоить родителей. Их воскресший сын почти ничего не ел.

Однажды, когда они куда-то отлучились, в дом вошли два раба, бросили в огонь китового жира и затем съели его. Увидев это, сверкающий юноша спросил их:

— Отчего вы так голодны?

Они ответили:

— Мы голодны, потому что мы ели струпья с наших голеней.

Тогда он попросил дать их попробовать, но рабы предупредили, что если он съест их, то станет таким же, как они. Но он настаивал, поел струпьев и тоже почувствовал голод. Его аппетит был так велик, что в самое короткое время он уничтожил все съестные припасы в доме отца. После этого он съел все, что смог найти в других домах деревни. Во всем селении не осталось ни крошки, и отец в отчаянии решил отправить сына из деревни, поскольку он представлял опасность для всего племени и, кроме того, унижал отца своим поведением. Перед тем, как отправить его в дорогу, он сказал:

— Мой возлюбленный сын, я посылаю тебя на другой берег океана.

Он дал ему маленький круглый камень, воронье покрывало и высушенный пузырь сивуча, наполненный разными ягодами. После этого он опять обратился к нему со словами:

— Мой сын, когда ты полетишь через океан (надев на себя воронье покрывало) и почувствуешь усталость, брось этот камень в воду, и ты сможешь сесть на него и передохнуть. Когда ты долетишь до большой земли, разбросай по ней эти ягоды. Во все реки и ручьи брось икру лосося, а вместе с ней икру форели — так ты не будешь испытывать недостатка в еде, и сможешь есть, когда захочешь».

Таким образом, мы видим, что попытка наделить Трикстера божественной родословной и здесь оказывается неудачной. Это напоминает один из циклов о Вороне, записанный в свое время Свонтоном*, где отец Ворона определенно воспринимается как божество. Он с малых лет воспитывает сына, чтобы, когда тот подрастет, передать ему силу, необходимую для сотворения мира. В другой версии мифа о Вороне (стр. 154–159) попытка дать ему божественное происхождение гораздо более успешна. В целом можно сказать, что только тогда, когда Трикстер отделяется от связанного с ним цикла — как это произошло у индейцев фокс, оджибва и виннебаго — он становится божеством или сыном божества. Что характерно, у всех этих племен эпизоды, в которых он предстает как божество, образуют вполне независимый и цельный сюжет.

Из всего этого возможен только один вывод, а именно: божественность Трикстера всегда вторична и в большой степени является конструкцией жрецов-интерпретаторов. Но это вовсе не значит, что подобная реконструкция сюжета произошла совсем недавно. Кроме того, остается вопрос, почему, если Трикстер изначально божеством не был, было сделано так много попыток приравнять его к божеству. Думаю, причина этих попыток довольно проста. Трикстер — древнейшая фи-

---

* J. R. Swanton, *Tlingit Myths*, p. 3.

гура мифологии американских индейцев, а возможно, и всех мифологий. Не случайно он часто связан с тем, что все индейские космологии считают самыми древними природными явлениями: камнем и солнцем. Трикстер был тем персонажем, о котором нельзя было забыть, которого должны были учитывать все индейские теологи-систематизаторы.

Признание его божественной природы могло иметь двоякое выражение: либо он был равным другим божествам, либо был божеством когда-то, но впоследствии лишился своей прежней природы. Виннебаго и тлинкиты выбрали первый путь, хотя, как мы видим, он оказался слишком трудным. И действительно, большинство племен постулирует его божественность и тут же подвергает ее сомнению, показывая, например, как его побеждает другое, настоящее божество. Небольшое число племен предпочитает все же рассматривать его как божество, которое было смещено и низведено в ранг негодного полубожества другим, более могущественным божеством. Один из самых выразительных примеров подобного смещения мы находим в мифологии оглала дакота. Здесь систематизирующая и преобразующая деятельность жрецов выражена наиболее сильно.

Согласно теологии оглала Трикстер (здесь его имя *Иктоми*, то есть Паук) был первым сыном Камня и существа по имени Крылатый. В мифе* он сам рассказывает о себе:

«Я бог и сын бога. Мой отец Камень — старейший из богов. Он дал имена всем вещам и создал все языки. Я сделал много добра, и меня следует почитать как бога. Но из-за того, что мой другой родитель, Крылатый Бог, не имеет формы, у меня странная внешность и все смеются надо мной. Когда я делаю

---

* J. R. Walker, *Oglala Sun Dance*, Anthropological Papers of the American Museum of Natural History, Vol. XVI, Part II, New York, 1917, pp. 166–167.

добро, все смеются надо мной, как будто я делаю это ради забавы. И поскольку все потешаются надо мной, я тоже буду потешаться над всеми».

В этом мифе высшее божество наказывает Трикстера за то, что он навлек позор и насмешки на других богов, и посылает его в мир, где он обречен жить без друзей, ненавидимый людьми. В ответ на это он долго и громко смеется и говорит верховному божеству, что тот забыл про птиц и животных. Он поселится вместе с ними и будет общаться с каждым на его языке. Его земная жизнь будет радостна и беззаботна, и он всегда будет рад посмеяться над людьми.

Комментарии здесь излишни.

Если эпизоды, изображающие Трикстера в качестве божества или изначального творца, можно исключить как не принадлежащие первоначально связанному с ним циклу, то как же тогда начинался этот цикл в своей наиболее древней форме? Думаю, вполне вероятно, что он начинался с рассказа о некоем существе неопределенного вида, постоянно мучимом сильным голодом, охваченном стремлением странствовать и движимом сексуальным желанием. Трикстер часто изображается в виде старика. Хотя слово «старик» в данном случае не следует понимать буквально. Это, скорее, означает «человек без возраста», человек, который жил всегда. Среди западных племен Северной Америки, то есть северо-западного побережья Канады и Западных равнин, его облик меняется, но обычно он носит имя животного. Поскольку в данном случае, как, впрочем, и во всех других, он по собственному желанию может принимать любой облик, его животная форма — лишь одна из возможных. Однако существуют и некоторые специфические физические черты, которыми он обладает у многих племен. Самые важные из них — его огромный пенис и большие внутренности.

Сейчас мы подошли к одному из наиболее важных вопросов, а именно: какие эпизоды можно с уверенностью считать не-пременной частью цикла о Трикстере? Чтобы получить сколько-нибудь удовлетворительный ответ на данный вопрос, нам необходимо внимательно рассмотреть тот цикл, который так часто существует бок о бок с циклом о Трикстере. Я имею в виду цикл о культурном герое, или Преобразователе. У виннебаго это цикл о Кролике, Красном Роге и Близнецах. Похожие циклы могут быть обнаружены в некоторых местах северо-западного побережья, а также у многих племен, говорящих на языках сиу, но они явно отсутствуют у большинства племен северо-западного побережья, Западных равнин и плато Соединенных Штатов, а также у всех алгонкиноязычных народов Великих Озер.

Как мы уже отмечали (стр. 180 и следующие) и как становится ясно после внимательного прочтения цикла, приведенного на стр. 97—139, приключения Кролика, типичного культурного героя, распадаются на две категории. В первой описывается его самообразование, переход от незрелости к зрелости, от неуверенности к уверенности. Вторая посвящена его стараниям сделать землю пригодной для человека, а также установлению обычаев жизни людей. В этом цикле его внешность или его принадлежность к определенному социальному окружению не вызывает сомнений. У него есть родственники, есть привязанности. Его задача — расти и развиваться, следя, как вместе с ним растут и развиваются люди. Большинство эпизодов цикла показывает, как это происходит. Впрочем, так обстоят дела везде, где мы сталкиваемся с независимым от Трикстера образом культурного героя. Мы с уверенностью можем предположить, что большинство эпизодов в таком цикле о культурном герое всегда составляет более или менее единое целое и всегда преследует упомянутую цель.

Не боясь догматизма, можно утверждать, что в цикл о культурном герое входят такие хорошо известные эпизоды, как добывание огня, кремня, табака, еды и основных культурных растений; упорядочение времен года и погоды; наделение сил природы созидательными функциями, освобождение мира от чудовищ, людоедов и гигантов; происхождение смерти, постепенное воспитание женского покровителя, опекающего героя, который вначале обычно изображается как враждебный, и постепенное освобождение героя от его опеки. Это освобождение символизирует сюжет, где герой проглочен морским чудовищем, убивает его и спасается, а затем совокупляется с женщиной, которая опекала его.

Везде, где мы обнаруживаем, что подобные эпизоды объединены с типичными эпизодами мифологического цикла о Трикстере или что последние явно преобладают, мы можем быть уверены, что эти эпизоды привнесены извне. Такие «смешанные» мифологические циклы — довольно обычное и весьма распространенное явление. Многие американские этнологи считают, что именно так и выглядит настоящий цикл о Трикстере, однако эта точка зрения, по-видимому, плохо обоснована. Все доступные нам свидетельства говорят в пользу того, что мы имеем дело с типичными циклами о Трикстере, в которые включены эпизоды, относящиеся к совершенно другому герою, или, вернее, сверхъестественному существу или существам, которым обычно приписывается сотворение мира и установление обычаев. В этом смешанном типе мифа всегда подчеркиваются основные черты Трикстера — его непомерный аппетит, его странствия и его необузданная сексуальность. Она находится в центре внимания везде, кроме северо-западного побережья Канады.

Чтобы получить некоторое представление о доле эпизодов, повествующих о начале мира, в сравнении с эпизодами о Трик-

стере, позвольте мне привести некоторые цифры. На северо-западном побережье число первых составляет семнадцать из сорока пяти, у блэкфут их пять из двадцати шести, у гро вантр три из двадцати шести, у ассинибойнов пять из пятидесяти двух, у меномини три из двадцати семи, у шошоне пять из тридцати шести и у кроу пять из двадцати восьми*.

Если мы исключим из мифов о Трикстере смешанного типа привнесенные в них элементы, то мы получим миф, заметно приближающийся к мифу виннебаго, оставляя, разумеется, в стороне вторичные добавления, разработку и переосмысление, о которых я уже говорил выше. В результате сюжет будет выглядеть следующим образом. В мире, который не имеет ни начала, ни конца, напоминающий Приапа главный герой без возраста неугомонно странствует с места на место в попытках — удачных и неудачных — удовлетворить свой чудовищный голод и ничем не сдерживаемую похоть. Хотя нам кажется — да и не только нам, но и индейцам тоже — что его поведение лишено цели, в конце перед нами возникает новое существо и создается новая психическая направленность и среда. Ничто здесь не было создано *de novo*. Новое было достигнуто либо путем отбрасывания и переустройства старого, либо негативно, путем демонстрации того, что определенные типы поведения неизбежно ведут к осмеянию и унижению и заканчиваются болью и страданием, хотя и не приводят к смерти.

Все эпизоды, связанные с изменением аморфного образа Трикстера, а также те, в которых он совершает бессознательную эволюцию, приводящую к образованию новой психической ори-

---

* Превосходный пример такого смешанного цикла см. у R. H. Lowie, *The Assiniboine*, pp. 239—244, а также в данной книге (стр. 146—153).

ентации и созданию новой психической атмосферы, естественно, принадлежат к первоначальному циклу о Трикстере. Однако, поскольку этот цикл со временем был пересмотрен, преобразован и переосмыслен и поскольку многие приключения и подвиги имеют, в общем, тот же смысл, что и те, о которых только что говорилось, Трикстеру могло быть приписано много того, что изначально не имело к нему никакого отношения.

Но мы можем задаться еще одним вопросом: каково содержание, каков смысл этого первоначального сюжета? Ответ на него, как мне кажется, не оставляет сомнений: этот сюжет воплощает смутные воспоминания об архаическом и первобытном прошлом, в котором отсутствовало ясное различие между божественным и земным. Трикстер — символ этого периода. Его голод, его похоть, его странствия — все это не относится ни к богам, ни к человеку. Материально и духовно они принадлежат иной сфере, вот почему ни боги, ни люди не знают, что с ними делать.

Символ, воплощаемый Трикстером, не статичен. Он содержит в себе обещание различий, обещание бога и человека. Поэтому каждое поколение истолковывает Трикстера заново. Ни одно поколение не может понять его полностью и ни одно не может без него обойтись. Но каждое поколение вынуждено было включать его в свою теологию и космогонию, несмотря на то, что понимало: он не вполне подходит ни тому, ни другому, ведь он представляет собой не только лишенное различий далекое прошлое, но и настоящее внутри каждого человека, также лишенное различий. В этом причина всеобщего и постоянного к нему интереса. Так он стал и поныне остается для каждого человека всем — богом, животным, человеком, героем, шутком, тем, кто был прежде добра и зла, отрицающим, утверждающим, разрушителем и творцом. Если мы смеемся над ним, он ухмыляется нам в ответ. То, что происходит с ним, происходит и с нами.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

КАРЛ КЕРЕНЬИ ТРИКСТЕР И ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

I

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Издатели этой несколько необычной книги — необычность ее, несомненно, оценит и читатель — попросили меня и еще двух специалистов, чья компетентность в этой области хорошо известна, поделиться своими впечатлениями о тексте, который впервые предлагается широкому кругу читателей.

Любой исследователь мифологии должен определить свое отношение к тем источникам, которые ему доступны только в переводах. Даже учитывая это, я никогда бы не рискнул высказываться о текстах виннебаго в форме комментария, но только в виде эссе (что я и делаю), избегая, насколько возможно, тех тонкостей, которые доступны лишь специалисту.

И все же, вероятно, издатели были правы в том, что восприимчивость человека, постоянно находящегося в контакте с наиболее близким нам мифологическим материалом — я имею в виду греческую мифологию — сможет предложить нечто в качестве необходимого обобщения. Я, безусловно, с радостью готов поделиться своими впечатлениями и попытаться применить к данному материалу те критерии, которые у меня сложились в результате длительного и пристального изучения мифологии вообще. Первый возникающий при этом вопрос —

это целесообразность такого подхода: возможно ли таким образом пролить свет на этот в высшей степени необычный материал, не сводя конкретные человеческие ситуации, с которыми мы в нем сталкиваемся, к абстрактным обобщениям.

Очевидно, что любое определение, стремящееся свести сущность мифологии только к магической силе слова, бесполезно. Даже если рассматривать эту силу слова рассказчика, которая способна вызывать образы, как такую магию — что на деле означало бы смешение магии с чем-то иным — нельзя не заметить, что сами слова рассказчика определены тем, какой образ он хочет вызвать у слушателя. Логически этот образ первичен: он возникает до своего выражения в слове. Кроме того, он обладает большим постоянством: это некое неизменное, неразрушимое ядро, которое не только предшествует всем сюжетам, его описывающим, но и сохраняется, несмотря на них. Пусть этот образ обозначен именем «Трикстер». Трикстер всегда был и остается Трикстером, даже если рассказчик представляет его в виде глупого шута и жертвы бесконечных обманов.

Логика, свойственная любому хорошему рассказу, разрушается перед лицом последовательности и устойчивости ядра образа. По логике сюжета, герой должен был быть архиглупцом, а не архитрикстером. Свидетельств тому немало (сам рассказчик никак не был глупцом и следовал той же логике, какой следуем мы), но все это свидетельства не совсем обычные. В четырнадцатом эпизоде мы читаем: «Ну и ну! Значит, правильно называют меня Глупцом, Трикстером!» Употребление у виннебаго для обозначения Трикстера имени собственного — Вакджункага — не избавляет нас от противоречия, так как из комментария Пола Радина нам известно, что, несмотря на затемненную этимологию этого имени, оно означает «трикстер» или «хитрец». Как мы видим, это значение имеет глубокие корни. Разъяснение, которое дает сам рассказчик, содер-

жит то же противоречие: «Но называя меня так, меня и вправду превратили в Глупца, Трикстера!» Каким бы ни было отношение к этой фразе, от противоречия невозможно избавиться иначе, как только упразднив самого героя. Герой, однако, гораздо более устойчив и последователен, чем те истории, которые о нем рассказываются.

Как мы можем представить себе ту незаписанную, изначальную ситуацию, в которой рассказ о нем прозвучал впервые? Миру известна хитрость во всех ее проявлениях, всевозможные лукавые и коварные проделки людей животных, и даже растений, которые не могли остаться незамеченными как для рассказчика, чья внутренняя жизнь была тесно связана с этим миром, так и для стороннего наблюдателя. Задавался ли рассказчик конкретным вопросом: «Кто первым сыграл все эти шутки, кто вписал их в порядок вещей?» Была ли его история, подобно многим другим мифологемам, ответом на вопрос о происхождении? В любом случае, его история не связана ни с конкретными наблюдениями, ни с хитростью и обманом вообще — но лишь с тем образом, который ясно представлялся воображению мифотворца и предшествовал любому конкретному вопросу — с самим архитрикстером. Неважно, появился ли он в человеческом обличье или в виде хитрого зверя, прототипа Рейнеке-Лиса, чьим эквивалентом в одних индейских племенах был койот, а в других — ворон. Так или иначе, он во всех своих проявлениях был изначальным существом того же порядка, что и боги и герои греческой мифологии. Внезапно он, Трикстер, стоящий позади всех Трикстеров, должен был выйти на первый план и так настойчиво заявить о себе, что всякий, кто слышал о нем, тотчас узнавал его, как образ, который был в сознании у рассказчика.

Эта гипотеза не стремится изолировать «первого» рассказчика от его окружения и от мира людей, равно как и лишить этот мир возможности стать театром для представления божественного. В мифологии мы слушаем сам мир, рассказывающий собственную

историю себе самому. Предположение о том, что мы имеем дело с феноменом такого рода, который изучающая мифологию наука не должна «объяснять», как и эстетика не должна «объяснять» феномен искусства, кажется мне неизбежным. Скорее, ее задача — помочь понять этот феномен с точки зрения людей. И конечно, вовсе необязательно вообще выдвигать какую-либо гипотезу о его происхождении, которая, кроме того, остается неопределенной в одном вопросе. На начальной стадии исследований должен остаться открытым вопрос о том, было ли уникальным то первое событие, которое послужило гипотетической основой для целой серии мифологических сюжетов (как в случае цикла о Трикстере), а также имела ли всеобщий характер готовность человека воспринять их — или же это происходило неоднократно и повсюду.

В данном случае мы имеем дело с жанровой разновидностью мифологии. Точно так же плутовской роман не имеющий национальных и временных ограничений, представленный в творчестве Рабле и других авторов и существующий со времен Петрония, является жанровой разновидностью романа вообще. *Picaro* — это испанское слово, которое означает «насмешник», «злодей», «плут». И здесь мы сталкиваемся с плутовской мифологией. Она существовала всегда. Просто для нее не было названия и не было научного способа раскрытия ее сути. Она никогда не преследовала магических или дидактических целей. Она только рассказывала о своем герое, который был ее непременным условием. Выполняла ли она какую-либо особую функцию кроме развлечения, или, вернее, последствием развлечения? Мы не сможем обойти этот вопрос, если наше отношение к мифологии правильно и адекватно.

Хотя вопрос о том, когда, где и каким образом возник миф о Трикстере, не предполагает точного ответа, он не должен отвлекать наше внимание от самого героя и от того, как ведется о нем

рассказ. Он определяет эту манеру в ее основных чертах, а также то богатство стиля, которое еще будет предметом нашего обсуждения. Фигура Трикстера представляет собой вневременной праобраз, корень всех плутовских созданий мировой литературы, охватывающий все времена и культуры. Он несводим только к литературной сущности, он выше всего того, чем ограничены смертные трикстеры. В своем мнении я основываюсь на мифологии, с которой знаком самым непосредственным образом, и все же не могу не привлечь в качестве дополнительного подтверждения моих взглядов тот факт, что в мифологии другого американского индейского племени — вичита — известен койот, наделенный способностью рассказывать бесконечные плутовские истории о себе самом, то есть эквивалент Трикстера в мире животных. Из этого вовсе не следует, что койот — второстепенная, «искусственно созданная» и чем-то ограниченная фигура в мифологии вичита. Каким бы ни было мнение аудитории о такого рода историях (ведь она может счесть их и лживыми рассказами архиобманщика), это не лишает героя реальности существования. Напротив, благодаря его историям становится очевидным, что бесстыдная ложь — неотъемлемое качество мира, имеющее вневременные корни.

Однако этот факт вовсе не наделяет образ Трикстера в мифах американских индейцев той полнотой смысла, которая была присуща образу древнегреческого бога. В том виде, в каком он изображается в мифе виннебаго, он не обладает той универсальностью и выразительностью, что присуща греческим богам. Если же, с другой стороны, мы проследуем уже не за богами, а за героями древнегреческой мифологии через все ее сюжеты, мы обнаружим то же неразрушимое постоянство, хотя эти герои лишены универсальной значимости великих богов. В случае с Трикстером противоречивая природа некоторых

сюжетов говорит о том, что цельность образа имеет более важное значение, чем характер. Если судить с точки зрения того, что говорил о характерах Теофраст, Трикстера вряд ли можно поставить в один ряд с Гераклом, «бесхитростным» героем, вооруженным дубинкой. Однако впечатление от историй виннебаго о Трикстере, если подойти к ним со стороны греческой мифологии, почти то же, что и от ненасытного, гонящегося за женщинами Геракла, которого легко обвести вокруг пальца, нежели от божественного двойника Трикстера в греческой мифологии — Гермеса.

II

СТИЛЬ

Это впечатление тесно связано с другим явлением — с тем, что эти истории имеют относительно позднее происхождение. Для нас не так уж важна внешняя хронология, не так важно то, что тексты, в том виде, в каком мы их читаем и как они переданы одним из немногих оставшихся профессиональных рассказчиков, принадлежат нашему столетию. Хотя сам по себе этот факт не лишен значимости. Страх Рильке по поводу того, что бог может «износиться» — «на что нужен изношенный бог?» — оправдан в отношении божества архаического, такого, как Трикстер, так же, как и в отношении Высшего Божества, если не в большей степени. К веку двадцатому любой бог неизбежно выглядит несколько изношенным, даже в том случае, если поклоняющиеся ему люди долго сохраняли архаические традиции своей культуры и религии. Сама архаика за это время стареет и изнашивается. Что же касается рас и народов, живущих в более быстром темпе, время ее старения еще короче.

Это как раз то, что я имею в виду, говоря о более позднем происхождении: это тот случай, когда архаика (в точном смысле этого слова) скорее связана не с началом, происхождением, архе, но с концом, упадком или переходом, подобным переходу от архаического периода к классическому в Древней Греции. Не все народы были способны преодолеть рубеж своей архаической традиции. Это не является обязательной стадией развития, через которую непременно проходит все человечество. В противном случае нам бы не удалось найти элементы архаики у современных народов. Необходимо отметить, что эти народы по данному признаку не относятся к «более низкой» или «другой» разновидности человеческих существ (скажем, к разновидности 1, в то время, как мы сами относимся к разновидности 3 или 4). Это люди, психофизиология и ментальная структура которых ничем не отличается от нашей.

Везде, где на смену архаической эпохе пришла эпоха классицизма, в рамках которой архаическая традиция достигла своего апогея, а затем была вытеснена, мы видим, что этот процесс сопровождался блестящим прорывом в области культуры, приведшим к «исключительному» состоянию, которое за краткий период оказало огромное влияние на последующее развитие, но само при этом не сохранилось. Но далеко не все греческие племена испытали на себе этот прорыв от архаики к классицизму. Поздние проявления архаического, с которыми мы сталкиваемся в историях виннебаго о Трикстере, могут быть также обнаружены и в греческой культуре. Например, дорические фарсы южной Италии, где роли богов исполняли тучные актеры — «флиаки», носившие на себе во время спектакля муляжи огромных фаллосов, можно сравнить с плутовскими историями о Трикстере из мифологии виннебаго — но с точки зрения не внешней хронологии, а внутренней, согласно которой архаика стареет. Если судить по

сценам, изображенным на вазах, эти комедии были очень похожи на приключения Трикстера, но при этом несли в себе еще и драматический элемент, унаследованный от самой мифологической традиции и повышающий эффект сценического действия.

Используя термины «архаичный» и «архаика», мы выносим стилистическое суждение не только о произведениях искусства, но и о культурах в целом как духовных единствах. Возможно, мы делаем это еще более прямолинейно, чем Лео Фробениус, который впервые ввел понятие стиля в этнологию и применил эту категорию ко всем феноменам того или иного общества. Рассмотрение стиля может быть дополнено перечислением характеристик архаического стиля, хотя они и не могут быть признаны его реальным основанием. Но главное здесь не сами характеристики — они лишь указывают на способ бытия, трудновыразимый в словах но получающий наиболее ясное и яркое выражение в искусстве — не только в особых произведениях по случаю торжества или праздника, но также и в артефактах, связанных с повседневной жизнью. Именно это служит столь широким основанием суждениям о стиле, что они могут выходить за границы определенного периода в истории искусства. Так, из истории о Трикстере мы получаем представление о том, что такое «архаическое», или, если быть более точными, что имеется в виду под позднейшим, «изношенным» архаизмом, пережившим себя самого.

Хотя фарсы флиаков по стилю были старше, чем древние аттические комедии, их южноитальянский вариант представлял собой пост-классику: это были только лишь сохранившиеся остатки позднего архаизма, сохранившие еще некоторые черты достижений архаического искусства во времена его расцвета, когда сцены из мифологии получали свое бессмертное воплощение на церийских гидриях. Два образца беспечного повествовательного искусства росписи на ионических вазах, шедевры которого найдены в этрус-

ском городе Цере, представлены в моей книге «Боги Греции» (илл. IIIa и VIIa). Третью можно увидеть в Лувре, на ней изображена первая кража, которую совершает младенец-трикстер Гермес. Еще одна архаическая тема в греческой мифологии — борьба двух братьев, Аполлона и Геракла за дельфийский треножник — тема, также обнаруживаемая в архаических произведениях искусства, «архаических» не только с точки зрения искусства (тема появляется также и в классический период), но и из-за самого сюжета: это борьба между двумя божественными братьями.

Сцена, которая, вполне возможно, заимствована из того же сюжета, также разыгрывалась на сцене флиаками и позже была изображена на одной из ваз, предположительно художником Астеасом из Пестума. Здесь Геракл — воплощенный трикстер, пытается обманом заставить спуститься вниз своего брата, нашедшего убежище на крыше храма, и показывает ему корзину с фруктами и прочей съедью. В другой его руке видна дубина. Как иллюстрацию того же стиля и как параллель историям виннебаго, которые рисуют Трикстера как угодно, но только не в качестве героя, я рекомендую первую часть «Лягушек» Аристофана: образец аттической плутовской драмы богов, где в роли плута выступает сам Дионис. Облачившись в костюм Геракла, он отправляется в путешествие в подземное царство, чтобы затем в страхе бежать от Эмпусы и спрятаться в толпе за спиной одного из своих собственных жрецов. Последствия его испуга плачевны:

Дионис: О ужас! Я побледнел, как труп...

Ксанфий (указывая на свой зад): А вот здесь зато благодаря тебе порыжело.

Вторая строка (в тексте 308) — указание на то, что товарищ Диониса по путешествию, раб Ксанфий, поворачивается спиной к зрителям, показывая, что произошло. Дионис переживает увиденное не сам,

а как бы со стороны, видя, какая неприятность приключилась с Ксанфием, который перепугался гораздо больше него. В остальном эта комическая ситуация напоминает эпизод со слабительной луковицей (эпизоды 23 и 24) в цикле виннебаго о Трикстере. В первом случае — это последствия трусости и малодушия, в случае же с Трикстером — результат глупости. Прослеживается та же тенденция: мифология переходит в копрологию, хотя и наполнена в данном случае иным смыслом, чем, скажем, у Софрона (представителя драматической школы, тесно связанной с театром флиаков), пьесу которого я проанализировал в работе «Аполлон». Происходит ли подобное в сцене из комедии или же в прологе к мифологической истории — это всегда в основе своей мифологическая драма, скрытые возможности которой воплощаются на сцене — перед нами все та же отличительная характеристика стиля: преобладание крайней формы развлечения. Элемент развлечения всегда присутствует в мифологии, и предрасположенность к крайнему, к тому, что, по человеческим представлениям, непристойно — одна из отличительных особенностей архаической мифологии. Акцент на крайности развлечения также характерен для позднего архаизма, элемент которого присутствует у Аристофана и в пьесах флиаков, она же доминирующей нотой звучит в историях о Трикстере у виннебаго.

III

ПАРАЛЛЕЛИ

Отличительные черты этого стиля, крайняя форма и элемент абсурда проявляются тогда, когда рассказчик подчеркивает именно глупость Трикстера. В современных фольклорных историях Греции эта черта напоминает о Хадже Насреддине, типичном хитром глупце или глупом плуте, который всюду известен и

над которым смеется весь мир, поскольку невозможно определить, где заканчивается хитрость и начинается глупость и какое из двух качеств преобладает. Хитрость и глупость идут рука об руку, и лучше всего это единство отражено в мифологии, пока она не вырождается в анекдоты и фольклорные истории, которым свойственны поздний архаизм, упрощенность и *abaissement du niveau mental* (последние две характеристики неприменимы, конечно же, к такому архаическому племени, как виннебаго). Среди растений, животных и людей хитрость демонстрируют те, кто достаточно глуп, чтобы попасться. Но в мифологии хитрость более важна, глупость же — нечто вторичное, в том числе и глупость самой хитрости. В Прометее есть что-то от Трикстера, ибо хитря с Зевсом, он в конце концов обманывает самого себя. Его хитрость становится глупостью, воплощенной в его брате, Эпиметее.

Трикстеры некоторых других индейских племен имеют с Прометеем даже больше общих черт, чем Трикстер виннебаго, Вакджункага. И чем разительней это сходство, тем больше они, вместо того, чтобы прибегать к обману в собственных целях, приближаются к образу благодетельного героя-творца, становясь тем, кого этнологи называют *культурным героем*. Прометею, благодетелю человечества, не хватает эгоизма и озорства. Гермес наделен этими качествами и демонстрирует их, когда находит огонь и совершает жертвоприношение (прежде, чем это делает Прометей) — при этом ничуть не заботясь о человечестве. В тех жестоких шутках, которые Гермес в юности сыграл с черепахой и жертвенными коровами во время своей первой кражи (и которые не принесли человечеству никакой пользы), мы различаем хитрую ухмылку трикстера, в то время, как в деяниях Прометея мы видим одновременно хитрость и глупость: Прометея и Эпиметея. Возможно, здесь я могу повторить то, о чем уже писал в своей книге «Античная религия»:

«Каждое благое начинание Прометея приносит человечеству новые и новые страдания. Как только он добывает огонь для людей, Зевс сразу же лишает их этого дара. И когда, после похищения огня, Прометей терпит наказание вдали от людей, его место занимает Эпиметей: хитрость сменилась глупостью. Глубокое родство между этими двумя персонажами подкрепляется тем, что они братья. Можно даже сказать, что образ единого изначального существа, хитрого и глупого одновременно, разделен в них надвое: предсказатель Прометей и сильный лишь задним умом Эпиметей. Именно он приносит человечеству (в качестве дара богов) неисчерпаемый источник несчастий — Пандору».

В моей книге о Прометее (опубликованной в 1946 году) я задался вопросом, не могло ли дело обстоять так, что он и Эпиметей изначально были одним существом, обладающим дуальной природой, прамужчиной, который произвел на свет человечество, женившись на праженищине. Я не мог тогда предположить (книга Пола Радина о «Циклы о героях у виннебаго» не была опубликована до 1948 года), что дуализм такого мифологического существа, соединяющего в себе хитрость и глупость, может быть выражен в мифе настолько рельефно, что левая рука его не знает, что творит правая — в буквальном смысле. Этот (пятый) эпизод обнаруживает комическую глупость героя. Но не этого ли он и добивается? Не хочет ли он вызвать у слушателя смех, разыгрывая жестокий спектакль с самим собой и заставляя собственные руки сцепиться друг с другом в кровавой драке? (Непосредственно перед тем он весьма показательным образом разделался с бизоном — поступок, напоминающий ловкость и отвагу молодого Гермеса). Вся природа смеется над его ужимками, зная, на что он способен. Птицы кричали: «Смотрите, смотрите! Вон идет Трикстер!» Он же делал вид, что не понимает значения слова,

которым его называют: «Ах вы, дрянные маленькие птицы! Интересно, что они говорят?» Он продолжает свое притворство перед птицами — свидетелями пьесы флиаков, которую он разыгрывает.

Несмотря на абсурдность позднего архаизма, этот эпизод несет в себе нечто действительно архаическое. Элементы подлинной архаики сохранились, несмотря на копрологию и дешевый фарс. Они до сих пор формируют тонкую структуру, скрывающуюся за комическим фасадом преувеличения. Особенностью Трикстера виннебаго является то, что, в отличие от флиаков, у которых фаллос был прикреплен к телу как символ представлений этого типа, он хранит свой фаллос в коробе, который носит за спиной. Пятнадцатый эпизод описывает освобождение его органа, и в этом — помимо преувеличения как стилистического приема — нет ничего неестественного или инфантильного. «Вот почему природа срамных частей мужа строптива и своевольна, словно зверь, неподвластный рассудку, и под стрекалом непереносимого вожделения способна на все». Так пишет Платон в «Тимее» (91b). В следующем эпизоде Трикстер достает свой фаллос из короба (не следует забывать всю комичность ситуации) и посылает его по воде в любовное приключение. Тем временем его связь с этой плывущей через озеро частью своего собственного тела — настоящей *part pro toto* — не теряется, и для человека, знающего о том, кто такой Трикстер, это не секрет. Так, мудрая старуха, призванная на помощь дочери вождя, немедленно награждает посланника весьма почетным титулом, который показывает место Трикстера в миропорядке: «Это же Перворожденный, Трикстер. Дочь вождя вступила с ним в связь, вы же все сейчас ее только раздражаете».

Нельзя сказать, чтобы это была неподходящая маскировка для того, чья основная характеристика как раз в этом и состоит: говорить о «хитром фаллосе» или «глупом фаллосе» не было бы

слишком абсурдным описанием мотивов поступков Трикстера, если не вступает в силу жадность, которая естественно связана со сферой фаллического. Фаллос — двойник и «альтер эго» Трикстера. Гермеса также часто изображали просто в виде фаллоса, в виде «килленического образа» или в виде фаллоподобной гермы, столба, который венчала голова божества. Эти архаические способы представления Гермеса направлены на демонстрацию силы магического не больше, чем истории виннебаго о Трикстере. Объяснение склонности Гермеса к воровству его хитростью (Браун Н.О., Гермес-похититель, 1947) было правильной интерпретацией; попытка (в той же книге) изобразить Трикстера как мага, а герму как охранительный межевой камень доказала свою ошибочность после детального изучения мифологических текстов, посвященных Трикстеру. Он не маг и не охранитель границ. С другой стороны, ни жезл Гермеса, ни его функция посланника не основаны на его хитрости, и нет ничего, что бы говорило в пользу того, что такой род занятий, как знахарство, вообще существовал в то далекое мифологическое время, о котором повествует цикл о Трикстере.

Возможно, характеристикой Трикстера служит тот факт, что его роль может исполнять фаллос. Для этого ему не нужны были никакие особые магические силы. Быть представленным таким образом — вполне соответствует его природе и характеру. Поэтому история, в которой представление осмысленно и служит определенной цели, вполне уместна. Более того, для правильной классификации нетекстовых памятников — таких, как менгиры или гермы, текст, основанный на той же идентификации, имеет большую ценность, даже если это документ культуры американских индейцев позднейшего времени. Подобные тексты в Греции держались в тайне. Как пишет Геродот (II, 51), только те, кто был посвящен в Кабирские мистерии Самофракии, знали священные истории о фаллоподобных гермах. Эти

мистерии были посвящены событию древнейшего времени, они повторяли или указывали на миф, в котором, возможно, шла речь о мужском происхождении жизни (как я это называю в своей книге «Гермес — проводник душ»), а также несомненно, присутствовали элементы, сближавшие его с историями о Трикстере, которые в другом своем аспекте отразились в гомеровском Гимне Гермесу.

Для нас все еще остается загадкой короб Вакджункаги: кажется, он носил в нем самое сокровенное, свою сущность. Гораздо более мрачные ноты звучат в истории, которую рассказывает Клемент Александрийский о македонском Кабирском культе: два кабира убили своего младшего брата и принесли в Этрурию его пенис, который был спрятан ими в особом ларце (*Protrepticus*, II, 19). Так этруски познакомились с культом Диониса. По сведениям историка Николаоса из Дамаска (Якоби, Фрагменты древнегреческих историков, 52), в городе Ассессос в Малой Азии имели место похожие события: однажды в город прибыли два молодых иноземца, носивших фригийские имена Тоттес и Оннес. С собою они принесли загадочный ларец, спасший осажденный город, и основали в нем Кабирские мистерии. Сам Дионис никогда не изображался как откровенно фаллическое божество. Он предстает или в длинном одеянии или в еще в каком-то другом женоподобном виде. Движение по кругу с фаллосом, его воздвижение и открытие играли определенную роль в его культе. Разумеется, этот элемент не был чужд природе божества — пусть и отделенный от него, он составлял его особенность.

Это отступление в другую область, от атмосферы, сопутствовавшей комедии и пьесам флиаков, в атмосферу мистерий не случайно, ибо мистерии также могут внезапно превращаться из возвышенного действия в смехотворное представление, чтобы дать затем материал для веселых историй Петрония. Театру флиаков

на Ближнем Востоке наследовал театр теней, герой пьес которого по-турецки именовался Карагез, или Черный Глаз. Флобер в своем «Путешествии в Карфаген» (1858) описывает его следующим образом:

«Пенис Карагеца был похож, скорее, на балку; это уже не было непристойным. Существует несколько Карагезов; мне кажется, этот персонаж переживает упадок. Нужно только показать как можно больше фаллоса. На самом большом был колокольчик, который при каждом движении бедер звенел; это вызывало сильный смех».

Только путем чрезвычайного упрощения данный материал мог быть сведен в общеизвестную категорию «культов плодородия». Даже в своем самом грубом виде он требует очень осторожного отношения к различению стилей, смыслов и атмосферы. Я надеюсь, что если подобная точность и осторожность оправданы для изучения культуры классической Греции и Рима, она также станет неременным условием для той области исследований, что теперь открыта для нас благодаря работе Пола Радина.

IV

ПРИРОДА ТРИКСТЕРА

Должен признаться, что мне не удалось разыскать ни в мифе виннебаго, ни в каких-либо других архаических источниках или в их драматических представлениях ничего похожего на «внутреннее развитие» героя. Боги и другие первобытные существа не обладают внутренним измерением. Не имеют его и относящиеся к той же сфере герои. Можно проследить те изменения, которые вызваны временем и различными стилями, но удивительней всего сила сопротивления, кото-

рая позволяет «ядру» пережить эти изменения. Мои собственные наблюдения подтверждают то определение героя, которое было предложено Эмерсоном: «Герой — это тот, кто обладает неподвижным центром». Для нас это также является истинным. В самом первом эпизоде, когда Трикстер еще не назван и мы слышим лишь о вожде, совокупляющимся с женщиной неподобающим образом в неподходящее время — он, Трикстер, уже присутствует, обнаруживая свою истинную природу духа беспорядка, *противника границ* (именно этот активный элемент и объединяет столь различные компоненты — «фаллический», «прожорливый», «хитрый», «глупый»).

Архаические социальные иерархии строго упорядочены. Архаическое отнюдь не значит хаотическое. Наоборот: ничто не раскрывает смысла всеохватного социального порядка так отчетливо, как религиозное признание того, что избегает этот порядок — персонажа, выражающего и воплощающего жизнь тела, ничему не подчиняющегося полностью, управляемого похотью и голодом, вечно навлекающего на себя боль и страдания, хитрого и вместе с тем неразумного в своих поступках. Беспорядок — неотъемлемая часть жизни, и Трикстер — воплощенный дух этого беспорядка. Его функцией в архаическом обществе, вернее, функцией мифологических сюжетов, о нем повествующих, является внесение беспорядка в порядок, и таким образом, создание целого, включение в рамки дозволенного опыта недозволенного.

Эти функции сознательно продолжает плутовской роман. Рабле своим великим непристойным романом отстаивает интересы гуманистической традиции перед именем средневековых форм жизни. В Испании плутовской роман оформился в самостоятельный жанр литературы и оставался там единственным средством сопротивления застывшей традиции. Гете написал своего «Рейнеке-Лиса» во времена Французской революции, и этот эпос о похождениях Трикстера —

классический пример подобного рода литературы. Герой Томаса Манна Феликс Крулл («Исповедь Феликса Крулла, отпетого мошенника») стоит в этом же ряду; здесь Трикстер — буржуа в условиях современного нам общественного строя. Видимо, великий романист не мог не отдать должного плутовскому жанру.

Как и всякий другой трикстер, Гермес также действует вне пределов установленных обычаями и законами границ. Та область, в которой он действует, описана мной как «ничья земля, закрытое герметическое пространство между установленными границами собственности; пространство, где все еще возможны открытия и кражи». («Гермес — проводник душ», с. 33) К этому я добавляю: «Просто беспринципность — это еще не Гермес, он также энергия и мастерство. Если глупцу везет, то этим везением он обязан неторопливости Геракла, почитавшегося в Италии как бог удачи». Уже это позволяет развести Гермеса и Вакджункагу: последний представляется мне сочетанием Гермеса и Геракла, даже более, чем Прометея и Эпиметея. От Гермеса — его негероические черты, а от Геракла — все, что связывает его с жизнью, с ее радостями и печалью. «Геркулесов Гермес» — так его можно определить, не забывая в то же время о том, что один из идейских дактилей, первобытных фаллических существ, чье имя означает «палец», звался также Гераклом. Утверждают, конечно, что это был другой Геракл, совсем не сын Зевса и Алкмены, но постоянство изначальной фаллической природы не менее очевидно проглядывает и в похождениях могучего обладателя дубинки.

Для любой религии было бы трудно воспринять этот образ, полный жизненной силы, образ Геркулесова Гермеса в его американском индейском воплощении, после того, как он утратил свою функцию, которой мог обладать только в рамках живой архаической культуры. Это оказалось трудным и для самих индейцев. Существовало несколько путей избавиться от него. Первый и наиболее радикальный — сведение изначальной его функции к

безобидному развлечению, усиливающего смешные стороны. Вторым состоял в том, чтобы слить его с образом культурного героя. В мифологических историях виннебаго, преследующих, в основном, увеселительные цели, немного указаний на это, самое значительное — в эпизоде 39, где Трикстер действует определенно в сфере фаллического. Третий путь — превращение его в дьявола. Это произошло либо под влиянием христианства, где он приравнивается к Сатане, либо благодаря тому, что его представляли как некое божество, утратившее свою божественную природу по воле другого, более могущественного божества. Каждый из трех перечисленных способов находит достаточное количество примеров в тексте, предоставленном нам Радиным, и подробно описан в его комментарии. Причем последнего взгляда придерживался не сам Радин, но религиозные систематизаторы, которые легко отдаются абстракциям и встают в тупик перед таким образом, как трикстер.

Вслед за публикациями У.Б. Кристенсена и Йосселина де Йонга*, которые в рамках истории религии впервые выдвинули спорный вопрос о «божественном обманщике», попытка доказать эту теорию была предпринята Р. Петтаццони (Paideuma, 1950). Из всех способов представления Трикстера им был выделен один, где в роли Трикстера выступает койот или степной волк. Его точка зрения сводится к тому, что в условиях существования, которые во многом зависели от результатов охоты, это животное в качестве «Правителя» или «Царя зверей» вполне могло быть признано неким «рудиментарным» «высшим Божеством», вытесненным впоследствии другим высшим Божеством, богом-творцом и ставшим его антагонистом. Поэтому истории, которые он рассказывает — а в мифологии вичита он действительно выступает в роли «рассказчика» в уничижительном смысле этого слова —

* De goddelijke bedrieger, 1928, и De oorsprong van den goddelijken bedrieger, 1929. Обе в Mededeel. Akad Wetensch. Afd. Letterk.

всегда не что иное, как выдумка и ложь. Однако в работе ничего не сказано о том, действительно ли койоту в силу его природы сами индейцы приписывали титул «Правителя и Царя зверей». Автор не задается вопросом, свойственно ли койоту быть носителем основных черт Трикстера, как это произошло с лисом в европейской традиции. Богатство конкретных деталей, представленных в книге Радина, которые вряд ли можно свести к пустому понятию «рудиментарное Высшее божество», с легкостью опровергло бы любую слишком упрощенную конструкцию. Было бы ошибочным полагать, что мифологические существа, когда они перестают отвечать нашим собственным теологическим концепциям, должны непременно превратиться в изгнанных с небес антагонистов, или, иначе, «дьяволов». Они не превращаются ни в дьяволов, ни в носителей нравственности, однако их природа по-прежнему божественна — как в случае с Вакджункагой. Они не теряют своих божественных качеств даже в самых комических ситуациях: образ Диониса в «Лягушках» Аристофана — прекрасный пример того, что смех над божеством и вера в него вовсе не взаимоисключающие явления. Когда смех достигает своей высшей точки, это свидетельствует не о потере веры, но, скорее, о том, что бог «износился».

Из всех животных, в образе которых перед нами предстает Трикстер, одно представляет для нас особый интерес. Как пишет Радин, имя, которым называли Трикстера индейцы племени огла-ла дакота, в переводе означает «паук». Это ясно указывает на то, что образ Трикстера не обязательно изначально антропоморфен. Наиболее впечатляющим природным воплощением его образа как раз является паук. Решающий фактор для подобного вывода — не внешний вид этого насекомого, а его хитрость. В сборнике африканского фольклора (Реттрей, Сказки акан-ашанти, 1930) мы видим, что местные сказители изображали паука — мифологический персонаж — иногда как насекомое, а иногда и

как человека. Забывали ли они о том, как выглядит паук, подобно тому, как Рабле иногда забывал о гигантских размерах его главных персонажей? Так или иначе, нельзя забывать, что в мифологии образ животного — только феноменальная форма, сквозь которую угадывается другой образ, тот, что стоит перед внутренним взором мифотворца. В нашем случае это хитрый, неуклюжий дух плоти.

V

ЕГО ОТЛИЧИЕ ОТ ГЕРМЕСА

Между пауком, трикстером животного мира, и Гермесом, трикстером мира богов, стоит Трикстер виннебаго. Его природа, враждебная любым границам, открыта всему. Он может совокупляться с животными и поскольку его сексуальность не знает ограничений, он даже не соблюдает границ пола. Его неумеренный фаллизм не может ограничиться одним полом: в двадцатом эпизоде он ухитряется стать невестой и матерью — ради свадебного пиршества, да и просто для развлечения. Зрители классической Греции и Рима также любили посмеяться над мужчиной, одетым как невеста — достаточно вспомнить «Казину» Плавта или ателланские фарсы Помпония, не говоря уже о похожих перевоплощениях в пьесах Аристофана. Театры, где в представлениях принимали участие танцоры, переодетые женщинами и при этом постоянно подчеркивающие свою мужественность, получили широкое распространение в период эллинизма. Прежде они участвовали в культе Артемиды. Сам Дионис стал выражением пассивности Вакджункаги. У дионисийского экстаза та же функция, что и у мифа о Трикстере: он разрушает все границы, в том числе границы пола. Метаморфоза, в результате которой Трикстер оказался в роли матери, отсылает нас к комическим глубинам дионисийства, а ее последнее основание мы находим в мистериях,

посвященных Приапу: он тоже мог быть представлен не только в мужском обличье. Известно, что этот бог был гермафродитом, в пользу чего свидетельствуют и особенности его телосложения. (См. мою книгу «Боги древних греков», с. 175, о Дионисе, с. 259).

И все же, как ни парадоксально, подобное отсутствие всяких границ само по себе создает некое ограничение. Подчеркивая это, не будем пользоваться критериями, применимыми только к греческому пантеону, в который входил Дионис, но не входили духи танца, обитатели более низкой сферы — силены и сатиры. Не входил в пантеон и Приап, тогда как Гермес принадлежал Олимпу, несмотря на его функцию посредника между низшим и высшим. Вакджункагу же, даже учитывая то, что касается исключительно мифологии виннебаго, никак нельзя поставить на одну ступень с олимпийцами. Его ограничение низшей сферой выражается в том, что его странствия должны закончиться до наступления эпохи установления порядка на земле. В последнем эпизоде рассказывается о том, как он покидает землю, поев в последний раз и оставив характерные отпечатки своего тела, и отправляется на небо. Возможно, здесь перед нами христианская модель, оказавшая влияние на мифологию виннебаго, но в то же время подобное могло произойти и с греческим героем — например, с Гераклом. С тех пор он правит другим миром и обречен в нем оставаться, пока рассказчик не возвращает его, повествуя о его приключениях. Как мы уже упоминали, у него нет никакого магического жезла. Но и в руках Гермеса этот жезл, в свою очередь, никак не связан с земными магами. Это посох психопомпа, вестника и посредника, парящего-между-мирами, который живет в своем собственном мире. Это символ тех божественных качеств, которые превосходят просто хитрость.

Не думаю, что здесь обязательно повторять то, что я уже писал об этом божестве в моей книге «Гермес — проводник душ», или цитировать соответствующие места из «Гомеровских богов»

В.Ф. Отто. Но повторение основных позиций, отделяющих Трикстера-героя, каким он известен в мифологии виннебаго, от Трикстера-бога, содержащего в себе черты последнего, кажется излишним. Выше мы говорили о духе беспорядка, о восстающем против всяких ограничений могучем жизненном начале. Гермес также не признает никаких границ, хотя и не воплощает собой дух беспорядка. И хотя не будет ошибкой назвать его духом жизни, одного этого все же недостаточно. Вслед за Отто мы можем назвать его «духом [стиля жизни], который повторяется при самых разных обстоятельствах, включая в себя как потерю, так и приобретение, как зло, так и добро. Хотя с точки зрения этики все это и не бесспорно, но такого рода противоречивые определения описывают фундаментальные характеристики самой жизни, и, следовательно, согласно греческому мировосприятию, требуют к себе почтительного отношения — если не к каждому конкретному проявлению, то, по крайней мере, к их наиболее целостному смыслу» («Гомеровские боги»).

Трикстер-герой, вероятно, может стать источником литературы, поначалу наивной и плутовской, а впоследствии очень утонченной и сознательно художественной. Трикстер-бог, с другой стороны — это трансперсональный источник определенного стиля жизни и способа познания мира. В первую очередь, это представление о мире, основанное на том, что человек существует в мире обособленно и самостоятельно, что он наделен сознанием, воспринимающим только чувственные впечатления, которые могут затем получить научную оценку. Для сознания, которое находит свое выражение не в науке, а в мифологии, такой исходной посылки не существует. Скорее, оно открыто для сверхчувственного проводника и психотипа, способного доставлять впечатления иного рода — впечатления, основанные на чувственном опыте, не противоречащие результатам научных наблюдений, но все же выходящие за пределы научного взгляда на мир. Благодаря ведущему нас по жизни Гермесу, мир предстает перед нами в особом

качестве. Это новое качество совершенно реально и всецело остается в рамках естественного опыта.

Совокупность различных путей — герметическое пространство, удача и неудача — герметическая субстанция, ее превращение, через «открытие и кражу» в герметическое искусство (не без хитрости), в сокровища, любовь, поэзию, и всевозможные способы избежать узких рамок закона, обычая, обстоятельств, судьбы — все это не просто психические реалии. Это то, что составляет мир вокруг нас, и, в то же время, мир, который открывает нам Гермес.

Реальность герметического универсума доказывает существование точки зрения, с которой на него можно посмотреть. Она свидетельствует о наличии некоторой активной силы, которая, будучи рассмотрена с этой точки, является не просто иллюзией, но тем, что с необходимостью привносит в реальность мира все разнообразие герметического искусства и искусности. Источником, из которого мы, взглянув на мир с указанной точки, черпаем этот опыт — называем мы его или нет — является Гермес. Этот опыт должен содержать все, что скрывает в себе вселенная Гермеса — от фаллического до психопомпного начала.

Только глядя на мир такими глазами, мы пересекаем границы чувственного опыта, но при этом остаемся в границах психической реальности. Этот опыт принадлежит и миру Гермеса. Хотя игры со смертью в темных уголках души, где правят духи и призраки, существенно отличаются от сопровождения душ умерших к месту их успокоения. Быть богом значит быть творцом мира, мир же значит порядок. Таков приговор, который мы выносим Гермесу. Даже самые преданные ему среди виннебаго никогда не могли допустить, что Вакджункага, создатель литературы, мог быть создателем вселенной. Гермес открывает новые пути, Вакджункага — вечную сцену театра флиаков, переживающую закат империй и увядание культур.

КАРЛ ГУСТАВ ЮНГ О ПСИХОЛОГИИ ОБРАЗА ТРИКСТЕРА

Нелегко писать об образе Трикстера в мифологии американских индейцев в ограниченных рамках комментария. Когда, много лет назад, мне впервые встретился классический в этой области труд — «Создатели удовольствий»* Адольфа Бандельера — я был поражен приведенными там европейскими аналогиями: карнавальными обычаями средневековой церкви, с их перевернутым иерархическим порядком, который по-прежнему присутствует в карнавалах, проводимых в наши дни студенческими обществами. Что-то от этого противоречивого духа можно уловить и в средневековом обозначении дьявола «*simia dei*» (обезьяна Бога), и в его фольклорной характеристике «простака», которого «надувают», «обводят вокруг пальца». Любопытное сочетание присущих Трикстеру черт можно обнаружить в алхимическом образе Меркурия: например, его любовь к хитрым шуткам и злым проказам, способность изменять облик, его двойственная — наполовину животная, наполовину божественная — натура, то, что он был подвержен всем видам мучений, и, не в последнюю очередь, его приближенность к образу спасителя. Эти качества делают Меркурия демоническим существом первобытных времен, даже древнее, чем Гермес. Его проказы в какой-то степени уподобляют его некоторым фольклорным персонажам, известным нам из сказок: Мальчику-с-пальчик, глупому Гансу или шутообразному Гансу-колбаснику, который вообще является отрицательным персонажем, но благодаря своей глупости умудряется достичь того, что другим не под силу, несмотря на все их старания. В сказке братьев

---

* Первое издание, New York, 1890.

Гримм дух Меркурия позволяет обмануть себя крестьянскому парню и вынужден заплатить ему за свою свободу драгоценным даром исцеления.

Поскольку все мифологические персонажи соотносятся с внутренним психическим опытом и изначально происходят из него, неудивительно, что в сфере парапсихологии можно обнаружить некоторые явления, напоминающие нам о Трикстере. Они связаны с тем, что называют полтергейстом, и встречаются повсюду и во все времена в среде детей дошкольного возраста. Проказы полтергейста известны так же хорошо, как его глупость или бессмысленность его «сообщений». Способность менять облик также, по-видимому, является одним из свойств полтергейста — нередко рассказы о его появлении в виде животных. Поскольку иногда полтергейст называет себя душой в аду, с ним связан и мотив страдания. Его универсальность соизмерима, если можно так сказать, с универсальностью шаманства, которому, как мы знаем, принадлежит целая феноменология спиритуализма. Что-то от Трикстера, несомненно, присутствует в характере шамана или знахаря, ибо и он любит зло подшутить над людьми — лишь затем, чтобы пасть жертвой мести тех, кому он навредил. По этой причине его профессия часто представляет опасность для его жизни. Кроме того, шаманские обряды и сами по себе бывают связаны со значительным риском для исполнителей, если не с настоящей болью. Во всем мире во всех событиях «становления шамана» так часто фигурируют страдания и тела и души, что нетрудно предположить, какую психическую травму они могут повлечь за собой. Отсюда вытекает его «близость к спасителю», и это только подтверждает мифологическую истину о том, что исцелять может лишь тот, кто и наносит раны, и сам ранен, и что только страдающий может отвести страдание.

Эти мифологические черты распространяются даже на высшие области человеческого духовного развития. Если мы рассмотрим, к примеру, демонические черты, присущие Яхве в Ветхом Завете, мы найдем в них немало того, что напомнило бы нам о непредсказуемом поведении Трикстера, об устраиваемых им бессмысленных оргиях разрушения и причиняемом самому себе страдании — вместе с его поспешным превращением в спасителя и одновременным очеловечиванием. Именно это преобразование бессмысленного в осмысленное открывает нам компенсаторное отношение, в котором фигура Трикстера находится по отношению к фигуре святого: именно оно было причиной существовавших в раннем средневековье странных церковных обычаев, основанных на воспоминаниях об античных сатурналиях. В основном они отмечались сразу за Рождеством Христовым — то есть в новогодние дни — пением и танцами. Этими танцами были поначалу безобидные *tripudia* (пляски) священников, младшего духовенства, детей и младших дьяконов, проводились они в церкви. Выбирался *episcopus puerorum* (детский епископ), его облачали в епископскую мантию. Под радостные возгласы собравшихся он наносил визит архиепископу в его дворце и раздавал из окна епископские благословения толпе. То же происходило во время *tripudium hypodiaconorum* (пляски младших дьяконов) и во время танцев, посвященных другим санам. К концу двенадцатого столетия танец младших дьяконов уже выродился в *festum stultorum* (праздник дураков). Хроника за 1198 год говорит, что на празднике Обрезания в соборе Парижской богородицы было совершено «такое множество непристойностей и позорных дел», что святое место было осквернено «не только бесстыдными шутками, но даже и пролитием крови». Напрасно папа Иннокентий III яростно выступает против этих «безумных насмешек над клиром» и

«бесстыдного неистовства их представлений». Почти три столетия спустя (12 марта 1444 года) письмо парижского Теологического факультета всем французским епископам по-прежнему посылало проклятья этим празднествам, на которых «даже священники и клирики выбирали архиепископа, или епископа, или папу и называли его папой дураков (*fatuorum papium*)». «Посреди божественной службы люди в гротескных масках, в облинии жен, львов и фигляров исполняли свои пляски, распевали хором непристойные песни, ели жирную пиццу на алтаре, рядом со священником, служащим мессу, играли в кости, жгли вместо благовоний в кадилъницах смердящую башмачную кожу, скакали и носились по всей церкви»*.

Неудивительно, что эти настоящие шабаши ведьм пользовались огромной популярностью, и церкви понадобилось значительное время и усилия, чтобы избавиться от этого языческого наследия**.

В некоторых местах, по-видимому, даже священники участвовали в «*libertas decembris*», как назывался праздник дураков, несмотря на то (а может быть, благодаря тому), что именно более древний слой сознания мог в этом случае позволить себе все что угодно вместе с подобной языческой дикостью,

* Du Cange, Gloss. Med. Et Inf. Lat., 1733, статья *Kalendae*, с. 1666. Здесь находится примечание, в котором говорится, что французский титул «*sou-diacres*» буквально означает «*saturi diaconi*» или «*diacres saouls*» (пьяные диаконы).

** Эти обычаи, по-видимому, прямо скопированы с языческого праздника, известного как «*Cervula*» или «*Cervulus*». Он отмечался в январские календы и был чем-то вроде новогоднего фестиваля, во время которого люди обменивались «*strenae*» (*étrennes*, подарками), переодевались животными или старухами, и танцевали на улицах, исполняя песни к веселью всех остальных. Согласно Дю Канжу (там же, статья *cervulus*), песни были святотатственного содержания. Это происходило даже в непосредственной близости собора св. Петра в Риме.

необузданностью и безответственностью*. Эти церемонии, открывающие нам дух Трикстера в его изначальной форме, видимо, вымерли к началу шестнадцатого столетия. В любом случае, в период с 1581 по 1585 год церковью были выпущены различные постановления, которые запрещали не только *festum puerorum*, но и выборы *episcopus puerorum*.

Наконец, мы должны упомянуть в связи с этим о *festum asinarium*, который, насколько мне известно, праздновался в основном во Франции. Хотя он считался сравнительно безобидным празднеством в память о бегстве Марии в Египет, отмечали его довольно необычно, что давало повод считать его чем-то кощунственным. В Бовэ ослиная процессия входила прямо в церковь**. В конце каждой части мессы (Входная, Господи, помилуй, Слава в Вышних Богу и т.д.), которая следовала за этим, вся паства *ревела по-ослиному*, т.е. все вместе кричали «И-а» («*hac modulatione hinham concludebantur*»). В кодексе, датированном приблизительно одиннадцатым столетием, говорится: «В конце мессы, вместо слов “*Ite missa est*”, священнику нужно было три раза прокричать по-ослиному (*ter hinhamabit*), а вместо слов “*Deo gratias*” пастве нужно было трижды ответить “И-а” (*hinham*)».

Дю Канж цитирует гимн, который пели на этом празднестве:

*Orientis partibus
Adventavit asinus*

---

* Частью *festum fatuorum* во многих местах была игра в мяч, предназначение которой до сих пор не объяснено — в нее играли священники во главе с епископом или архиепископом, «*ut etiam sese ad lusum pilae de mitterent*» (чтобы и они могли насладиться игрой в pelota). *Pila*, или *pelota* — мяч, который играющие бросают друг другу. См. Du Cange, *ibid.*, статья *Kalendae et pelota*.

** «*Puella, quae cum asino a parte Evangelii prope altare collocabatur*» (девушка, которая вставала с ослом у алтаря, где читали евангелие).. Du Cagne, *ibid.*, статья *festum asinorum*.

Pulcher et fortissimus

Sarcinis aptissimus.

Каждый куплет сопровождался припевом по-французски:

Hez, Sire Asnes, car chantez

Belle bouche rechignez

Vous aurez due foin assez

et de l'avoine à plantez.

В гимне было девять куплетов, последний же был такой:

Amen, dicas, Asine (hic genuflectebatur)

Jam satur de gramine

Amen, amen, itera

Aspernare vetera* .

Дю Канж пишет, что чем несуразнее казался обряд, тем большее воодушевление он вызывал у участников. В других местах осла покрывали расшитой золотом попоной, края которой поддерживали «почитаемые каноники», другие присутствующие должны были «облачиться в соответствующие праздничные одеяния, как на Рождество». Поскольку существовала тенденция наделять осла символическим родством с образом Христа и поскольку с древнейших времен бог евреев в простонародье воспринимался как осел — предрассудок, который распространился на самого Христа**, что видно из псевдо-распятия, нацарапанного на стене Имперской Кадетской Школы, располагавшейся на Палатине — опасность териоморфизма была слишком очевидна. Даже епископам было не под силу вытравить этот обычай — до тех пор, пока, наконец, он не был строго запрещен «auctoritas supremi Senatus». Его богохульство видно также и из ницшевского «Праздника осла», сознательно богохульственной пародии на мессу*** .

* Caetera вместо vetera?

** Ср. также Тертуллиан, *Apologeticus adversus gentes*, XVI.

*** Так говорил Заратустра, часть IV, гл. LXXVIII.

Эти средневековые обычаи в совершенстве демонстрируют роль Трикстера, и когда они, наконец, вышли за пределы церкви, то вновь возникли в светской сфере в итальянских театральные представления в лице тех комических персонажей, которые часто украшали свои костюмы огромными фаллическими символами и забавляли далеко не ханжескую публику непристойностями в подлинно раблезианском духе. Гравюры Калло сохранили эти классические фигуры для потомков — это Пульчинелла, Кукоронья, Чико Сгарра и прочие*.

Присутствует ли он в плутовских историях, на карнавалах и пирах, в священных и магических обрядах или в религиозном страхе и экзальтации людей — призрак Трикстера никогда не покидает мифологию — будь он в безошибочно узнаваемом или в странно изменившемся облике**. Очевидно, он представляет собой одну из «психологем», одну из чрезвычайно древних архетипических структур психики. В своем наиболее ярком проявлении он — подлинное отражение абсолютно недифференцированного человеческого сознания, которое соответствует душе, едва оставившей животный уровень. Именно такое происхождение образа Трикстера вряд ли может быть оспорено, если мы посмотрим на этот вопрос с причинной и исторической точки зрения. В психологии, как и в биологии, мы не можем позволить себе не заметить или недооценить вопрос о происхождении, хотя ответ на него обычно не говорит нам ничего

---

* Я говорю здесь о серии под названием «Balli di Sfessania». Это название вероятно, указывает на этрусский город Фесценния, знаменитый своими непристойными песнями. Отсюда «Fescennina licentia» у Горация, где «фесценнийский» выступает эквивалентом φαλλικός.

** Ср. статью А. McGlashen «Daily Paper Pantheon» в The Lancet, 1953, с. 238, в которой указываются явные архетипические аналогии героев газетных комиксов.

о функциональном значении. По этой причине биология никогда не должна забывать вопрос о цели, ибо только задавшись этим вопросом, мы можем постигнуть значение того или иного явления. Даже в патологии, где мы изучаем повреждения, которые не несут сами по себе никакого смысла, исключительно причинный подход оказывается неадекватным, поскольку существуют определенные патологические явления, смысл которых может стать ясен лишь в том случае, если мы заинтересуемся их целью. Там же, где мы сталкиваемся с явлениями обыденной жизни, вопрос о цели неоспоримо имеет главное значение.

Таким образом, когда у первобытного сознания формируется образ самого себя на ранней стадии развития, а также на протяжении последующих сотен и даже тысяч лет — невзирая на контакт этих архаических качеств с дифференцированной, высоко организованной жизнью ума — тогда, согласно причинному объяснению, чем древнее эти архаические качества, тем более их поведение консервативно и устойчиво. Нельзя просто стряхнуть с себя запечатленный в памяти образ вещей, так как они явились памяти изначально, и поэтому образ этот продолжает сохраняться неоощуцаемым грузом.

Такое объяснение, вполне отвечающее рационалистическим требованиям нашего века, совершенно точно не встретило бы одобрения у индейцев виннебаго, владеющих наиболее аутентичной версией цикла мифов о Трикстере. Для них миф ни в коем случае не является пережитком — для этого он слишком забавен, слишком живую реакцию вызывает. Для них он по-прежнему «функционирует», если только их еще не успела испортить цивилизация. Для них не существует реальной причины размышлять над значением и целью мифов, как для наивного европейца рождественская елка не содержит никакой проблемы. Тем не менее, для размышляющего наблюдателя и

Трикстер, и рождественская елка — полноценные объекты для рефлексии. Естественно, то, что он думает о них, во многом зависит от склада его ума. Учитывая грубую примитивность цикла о Трикстере, было бы неудивительно, если в этом мифе кто-нибудь усмотрел бы просто отражение более ранней, рудиментарной стадии сознания, каковую, очевидно, Трикстер и представляет*.

Единственный вопрос, на который надо было бы найти ответ — это вопрос о том, существуют ли вообще подобные персонифицированные отражения в эмпирической психологии. На самом деле, они существуют, и такой опыт расколотой или двойственной личности является ядром самых первых психопатологических исследований. Особенностью этих диссоциаций является то, что такая отколовшаяся личность не случайна, а состоит в дополнительных или компенсаторных отношениях с эго-личностью. Это персонификация черт характера, которые иногда лучше, а иногда и хуже тех, которыми обладает эго-личность. Такая коллективная персонификация, как Трикстер, есть продукт множества индивидов и принимается каждым из них как нечто уже знакомое — чего не было бы, если бы Трикстер был продуктом лишь индивидуального сознания.

Итак, если бы миф был не более, чем пережитком, стоило бы задаться вопросом, почему он давным-давно не покоится на великой свалке истории и почему он продолжает оказывать влияние, которое ощущается даже на высшем уровне развития цивилизации — даже там, где из-за откровенной глупости и

---

* Ранние стадии сознания, несомненно, всегда оставляют за собой весьма ощутимые следы. Например, чакры тантрической системы более или менее соответствуют тем областям, которые в древности считались местами локализации сознания: анахата — грудной клетке, манипура — животу, свадхи-стана — мочевому пузырю, висуддха — гортани и речевому сознанию современного человека. См. Arthur Avalon, *The Serpent Power*.

гротескной непристойности Трикстер более не исполняет роли «создателя удовольствий». Во многих культурах его образ по-прежнему можно сравнить со старым руслом реки, в котором все еще течет вода. Явственней всего это видно из того факта, что мотив Трикстера, сохраняется не только в своей первоначальной форме, но продолжает также наивно и достоверно существовать в ничего не подозревающем современном человеке — всегда, когда он чувствует себя в плену у раздражающих случайностей, которые с явно злостными намерениями противоречат его воле и поступкам. Тогда он и говорит о «порче» и «вредности какого-либо объекта», о том, что ему «попала шлея под хвост» и т.д. Здесь дух Трикстера проявляется в виде контртенденций в бессознательном, иногда даже в чем-то вроде второй личности, для которой характерна определенная детскость, недоразвитость, которая очень похожа на тех духов, что являются во время сеанса спиритизма и с которыми связаны все столь типичные для полтергейста откровенно детские проделки. Мне, как кажется, удалось найти для этой составляющей характера подходящее имя — я называю ее *тенью**. На цивилизованном уровне ее проявления называют «оплошностью», «faux pas» и т.д. и считают их ошибками, дефектами сознательной личности. Мы уже забыли о том, что в карнавальных и подобных традициях существовал коллективный образ тени, который доказывает, что персональная тень отчасти произошла именно от священного коллективного образа. Этот коллективный образ постепенно исчезает под влиянием цивилизации, оставляя не так легко распознаваемые следы в фольклоре. Однако главная его часть персонализируется и становится объектом личной ответственности.

---

* Ту же идею можно обнаружить у одного из отцов церкви — Иренея, называющего ее «umbra». *Advers. Haer.* I, ii, 1.

Цикл о Трикстере, представленный Радиным, сохраняет тень в ее изначальной мифологической форме и потому направляет наше внимание к самой ранней стадии развития сознания, существовавшей еще до рождения самого мифа, когда умственная жизнь индейцев была почти целиком окутана тьмой. Только когда их сознание достигло более высокого уровня, они смогли отделить эту раннюю стадию от самих себя и объективировать ее, то есть что-то о ней сказать. Пока их собственное сознание оставалось подобным Трикстеру, такое противостояние не могло иметь места. Оно стало возможным лишь тогда, когда достигнутый ими более высокий уровень сознания предоставил им возможность взглянуть на тот, который они оставили позади. Естественно, что эта ретроспектива должна нести в себе много насмешек и презрения, что заставило индейцев заслониться от прошлого еще более непроницаемой пеленой, впрочем, вряд ли эти их воспоминания могли стать чем-то значительным в их жизни. Такое должно было случаться в истории их умственного развития неоднократно. Презрение, с которым наш современный век смотрит на вкусы и умственное развитие прошлых эпох — классический тому пример, и даже в Новом Завете мы встречаемся с указанием именно на этот факт — в Деяниях (17:30) говорится, что Бог взглянул сверху вниз (*υπερίδων*, *despiciens*) на *χρνοί της αὔνοιας*, времена неведения (или бессознательности).

Это отношение контрастирует со все еще более распространенной и более поразительной идеализацией прошлого, которое не только прославляется как «старые добрые времена», но и как Золотой Век — и не просто необразованными и суеверными людьми, но и множеством теософов-энтузиастов, которые беспрекословно верят в реальное существование высочайшей цивилизации Атлантиды.

Любой из тех, кто принадлежит сфере культуры, для которой существенен поиск некого совершенного порядка в прошлом, должен почувствовать себя, по меньшей мере, странно, столкнувшись с фигурой Трикстера. Трикстер — предшественник спасителя, и, подобно ему, он одновременно Бог, человек и животное. Он и недочеловек, и сверхчеловек, бестия и божество, а самая главная и бросающаяся в глаза его черта — его бессознательность. Поэтому его и оставляют (очевидно, человеческие) товарищи — он опустился ниже уровня их сознания. Он настолько не осознает себя, что даже в его теле нет единства: его руки дерутся друг с другом. Он отделяет от себя анус и доверяет ему выполнение определенного задания. Даже пол его неясен, несмотря на явное преобладание фаллических качеств: он может превратиться в женщину и вынашивать детей. Из своего пениса он делает всевозможные полезные растения. Это демонстрирует нам его изначальную сущность Творца, ибо мир был создан из тела бога.

С другой стороны, он во многих отношениях глупее животных и постоянно попадает то в одну, то в другую нелепую ситуацию. Хотя он и не зол по-настоящему, он выплывает самые жестокие вещи лишь из откровенной бессознательности и несвязанности. Его заключенность в животной бессознательности хорошо видна в эпизоде, в котором его голова застревает в лосином черепе, в следующем эпизоде мы узнаем, как он выбирается из этой ситуации, зажав в своей прямой кишке голову ястреба. Правда, он тут же возвращается в прежнее состояние, провалившись под лед. Его постоянно обводят вокруг пальца разные животные, но под конец ему удастся перехитрить самого койота, и это снова говорит нам о его сходстве со спасителем. Трикстер — это примитивное космическое существо божественно-животной природы, с одной стороны, превосходящее человека благодаря своим сверхчеловеческим качествам, а, с другой — уступающее ему из-за

своего неразумия и бессознательности. Он не ровня и животным, из-за своей неуклюжести и полного отсутствия инстинктов. Эти дефекты говорят нам о его человеческой природе, которая не так приспособлена к окружающему миру, как животная, однако при этом имеет прекрасные перспективы для развития сознания, основанные на огромном стремлении к обучению, что соответствующим образом отмечается в мифе.

Повторное рассказывание мифа в истории означает терапевтический характер некоего забвения, которое — по причинам, еще требующим выяснения — не должно быть слишком долгим. Если бы то, что подлежит такому забвению, представляло собой лишь реликт неразвитого состояния, было бы понятно нежелание человека уделять ему внимание, ощущение того, что оно лишнее в его жизни. Очевидно, что все обстоит иначе, ибо в противном случае Трикстер — в виде, например, карнавальных образов Пульчинеллы или шута — не вызывал бы у людей столь живой реакции вплоть до настоящего времени. Здесь скрыта важная, хотя и не единственная причина жизненности этого образа. Кроме того, с ее помощью нельзя объяснить, почему это отражение самого первобытного состояния сознания обрело форму мифологического персонажа. Простые следы раннего состояния сознания, которое вымирает, быстро теряют свою энергию, ведь иначе они не могли бы исчезнуть. Мы не могли бы ожидать от них того, чтобы они запечатлелись в персонаже со своим собственным циклом легенд — если только они не получили бы какой-то поддержки извне, в данном случае или от высокоразвитого сознания, или из ресурсов бессознательного, которые остались неисчерпанными. Проводя законную параллель в психологии индивида, а именно, рассматривая постоянное возникновение теневой фигуры, действующей антагонистически по отношению к личностному сознанию, говорят, что эта фигура возникает не просто потому, что все еще суще-

ствуется внутри индивида, но потому, что это ее возникновение основывается на динамике, существование которой может быть объяснено лишь актуальным положением индивида, например, тем, что тень настолько неприемлема для его эго-сознания, что должна оставаться на уровне бессознательного. Такое объяснение не вполне отвечает данному случаю, потому что Трикстер, очевидно, представляет исчезающий уровень сознания, все более и более неспособный к самоутверждению в какой бы то ни было форме. Более того, подавление уберегло бы его от исчезновения, потому что подавленное содержание сознания обладает наилучшими шансами выжить — мы знаем по опыту, что в бессознательном ничего не может быть исправлено. Наконец, истории о Трикстере ни в коей мере не неприятны или не несовместимы с сознанием виннебаго, но, наоборот, вызывают наслаждение и поэтому не ведут ни к какому подавлению. Из всего этого складывается такое ощущение, что сознание само активно поддерживает и даже песнует этот миф. Это очень похоже на правду, ибо это лучший способ сохранять сознание теневой фигуры и подвергать ее сознательной критике. Хотя эта критика поначалу больше похожа на позитивную оценку, мы можем ожидать того, что с развитием сознания более грубые аспекты мифа постепенно отпадут, даже в том случае, если бы не существовало угрозы его быстрого вымирания под влиянием белой цивилизации. Мы часто были свидетелями того, как жестокие или непристойные обычаи с течением времени становились по своему содержанию вполне безобидными*.

Этот процесс нейтрализации, как показывает история трикстерского мотива, может длиться довольно долго, поэтому даже

---

* Например, обычай окунать в воду «Ueli» (от *Udalricus*=Ульрих, деревенщина, простофиля, дурак) в Базеле во вторую половину января, если я правильно помню, был в 1860 году запрещен полицией, после того, как одна из его жертв умерла от пневмонии.

на высших уровнях цивилизации можно обнаружить его следы. Эту длительность может также объяснить сила и жизненность того слоя сознания, который изображен в мифе, а кроме того — его тайную притягательность для уже сформировавшегося сознания. Хотя чисто причинные гипотезы в биологии, как правило, не очень удовлетворительны, все же необходимо отметить, что в случае с Трикстером более высокий уровень сознания накрыл собой более низкий, а последний уже потерял свое прежнее значение. Воспоминание о нем, тем не менее, вызывается в основном тем интересом, который начинает к нему испытывать заверщенное сознание — причем, как мы видели, этому неизбежно сопутствует постепенное окультуривание, то есть ассимиляция первобытной демонической фигуры, которая была изначально независимой и даже способной вызывать одержимость.

Дополнение, таким образом, причинного подхода целевым позволяет нам получить более осмысленную интерпретацию не только в сфере медицинской психологии, в которой мы заняты индивидуальными фантазиями, порождаемыми бессознательным, но также и в области изучения коллективных фантазий, то есть мифов и сказок.

Как указывает Радин, цивилизующий процесс начинается в рамках самого трикстеровского цикла, и это явно демонстрирует нам то, что изначальная, архаическая стадия уже пройдена. В любом случае, ближе к концу цикла мы не видим в нем знаков глубочайшей бессознательности: вместо того, чтобы действовать в дикой, необузданной, глупой и бессмысленной манере, он постепенно меняет свое поведение на довольно полезное и понятное. Обесценивание прежней бессознательности очевидно даже в самом мифе — куда только исчезают его злые качества! Наивный читатель может вообразить, что темные аспекты его природы, исчезая, перестают существовать. Однако, как показы-

вает опыт, это не так. В реальности сознание становится способным освободиться от притягательности зла, и поэтому не обязательно больше жить по его законам. Тьма и зло не рассеялись, как дым, но, потеряв энергию, удалились в бессознательное, где и остаются, пока с сознанием все благополучно. Однако если сознание попадает в критическую ситуацию, скоро становится ясно, что тень не исчезла бесследно, но лишь ждет своего часа, чтобы снова заявить о себе в виде проекции на другого. Если этот трюк оказывается удачным, то между ними немедленно создается мир первобытной тьмы, в котором и случается все, что характерно для Трикстера — даже на высоком уровне цивилизации. Лучшие примеры этих «обезьяньих проделок» — как обыденный язык удачно выражает состояние дел, когда ничего разумного не получается, разве только по ошибке и в последний момент — можно найти в области политики.

Так называемый цивилизованный человек забыл о Трикстере. Он вспоминает о нем лишь метафорически, когда, раздраженный своими неудачами, говорит о том, что судьба сыграла с ним дурную шутку, или что «все это — какое-то наваждение». Он и не подозревает, что его собственная скрытая и на первый взгляд безобидная тень обладает такими качествами, которые не могли присниться ему и в самом страшном сне. Как только люди собираются в массу и подчиняют ей индивидуальное, тень мобилизуется и, как показывает история, может даже воплотиться в конкретном человеке.

Разрушительная идея о том, что все приходит в человеческую душу извне, что она рождается как *tabula rasa*, виновата в заблуждении, согласно которому в нормальных обстоятельствах человек пребывает в полном порядке. Руководствуясь этим заблуждением, человек возлагает свои надежды о спасении на

государство и заставляет общество расплачиваться за свою якобы неаффективность. Он думает, что смысл существования будет раскрыт, если пропитание и одежда будут даваться всем «на блюдечке» или если у каждого будет свой автомобиль. Такие детские представления рождаются вместо ушедшей в бессознательное тени, которую они продолжают оставлять бессознательной. В результате этих предрассудков человек чувствует себя полностью зависимым от окружающей среды и утрачивает всякую способность к наблюдению. В этом случае его этический кодекс заменяется знанием того, что позволено, а что запрещено или приказано. Как в таких обстоятельствах можно ожидать от солдата, что он будет подвергать полученный от командования приказ этическому рассмотрению? Ему и в голову не приходит, что он может быть способен на внезапные этические импульсы и на их исполнение — даже когда никто этого не видит!

С этой точки зрения становится ясно, почему миф о Трикстере сохранился и даже получил свое развитие: как и многие другие мифы, он предназначался для того, чтобы терапевтически на нас воздействовать. Он держит ранний низкий интеллектуальный и моральный уровень перед глазами высоко развитого индивида, чтобы тот не забыл, как все было еще вчера. Нам нравится считать, что то, чего мы не понимаем, к нам не относится. Однако это не всегда так. Человек редко понимает лишь при помощи головы, тем более — человек первобытный. По причине своего священного характера миф непосредственно воздействует на бессознательное, вне зависимости от того, понимается он или нет. Тот факт, что его постоянное рассказывание стало отмирать совсем недавно, объясняется, я полагаю, его полезностью. Объяснить это довольно трудно, поскольку действуют две противоположных тенденции: желание, с одной стороны, выбраться из более раннего состояния, а, с другой,

желание не забыть его*. По-видимому, Радин также чувствует это затруднение, ибо он говорит: «С точки зрения психологин можно утверждать, что история цивилизации — это свидетельство попыток человека забыть о своем превращении из животного в человеческое существо»**. Через несколько страниц он говорит (имея в виду Золотой Век): «Такой упорный отказ забыть не может быть случайным»***. И так же не случайно то, что мы вынуждены противоречить себе, как только мы пытаемся сформулировать парадоксальное отношение человека к мифу. Даже самые просвещенные из нас устраивают для детей рождественские елки, не имея ни малейшего представления о том, что значит эта традиция, и, более того, стараясь вообще не задумываться над этим. Поразительно видеть, как живучи по сей день многие так называемые суеверия и в городе, и в деревне, но если взять любого и спросить громко и внятно: «Вы верите в привидения? В ведьм? В заклинания и волшебство?», он станет с возмущением это отрицать. Сто против одного, что он ни разу не слышал об этих вещах и считает все это чепухой. Однако втайне он за это, как и любой житель джунглей. Как бы то ни было, публике известно очень мало об этих вещах, она убеждена, что суеверия давно вытеснены из нашего просвещенного общества и что частью нашего общего образования является необходимость отрицать существование подобных вещей: верить в них просто «не принято».

Однако ничто не исчезает навсегда, тем более сделка с дьяволом. Внешне она забыта, но внутренне нет. Мы ведем себя, как туземцы с южного склона горы Элгон, один из которых сопровождал меня часть пути в буш. Там, где тропинка

---

* Не забывать что-то означает хранить это в сознании. Если враг исчезает у меня из поля зрения, вполне вероятно, что он находится сзади — а это еще опасней.

** P. Radin, *The world of primitive men*, New York, 1953, p. 3.

*** Там же, p. 5.

раздвигалась, мы натолкнулись на недавно поставленную «ловушку для духов», красиво устроенную маленькую хижину рядом с пещерой, в которой жил мой попутчик со своей семьей. Я спросил, не он ли ее сделал. Он стал живо это отрицать, сказав, что лишь детям подобает делать такие «игрушки». После чего он пнул хижину, и она рассыпалась на куски.

В точности такую реакцию можно часто наблюдать и в Европе. Внешне люди более или менее цивилизованы, но внутренне они так же первобытны. Что-то в человеке очень не желает отказываться от того, с чего он однажды начал. А что-то верит, что это начало давно уже в прошлом. Это противоречие я осознал однажды в самом резком виде, наблюдая за «штруделем» (местным колдуном), снимающим наговор с конюшни. Конюшня располагалась сразу за железнодорожной линией Готтарда, и во время церемонии несколько международных экспрессов промчалось мимо. Их пассажиры и не подозревали, что рядом с ними происходит первобытный ритуал.

Конфликт между двумя измерениями сознания является просто выражением полярной структуры нашей психики, которая, как и всякая другая энергетическая система, зависит от напряжения, создаваемого противоположностями. Именно поэтому нет таких общих психологических закономерностей, которые нельзя было бы перевернуть — и действительно, именно их обратимость говорит об их правильности. Мы не должны забывать, что во всякой психологической дискуссии мы ничего не говорим о психике, но психика говорит сама о себе. Бесполезно думать, что мы можем встать по ту сторону психики посредством «ума», даже если ум утверждает, что не зависит от психики. Как он может это доказать? Мы можем, если захотим, сказать, что одно суждение происходит из психики, и потому оно психическое и только, а другое исходит из ума и «духовно», а поэтому превос-

ходит психическое. Но оба есть лишь утверждения, основанные только на собственной вере.

Фактически эта трехчастная иерархия содержания психики (материальное, душевное и духовное) представляет собой ее полярную структуру, а она есть единственный непосредственный предмет опыта. Единство психической природы лежит посередине, как живое единство водопада предстает в динамической связи верха и низа. Так же переживается и живое действие мифа, когда более высокое сознание, пребывающее в своей свободе и независимости, противопоставляется автономии мифологического образа и при этом не может избежать его притягательной силы и должно платить дань захватывающему впечатлению. Такой образ действует, потому что он тайно принимает участие в психической жизни наблюдателя и является ее отражением, пусть таковым и не признается. Он отколот от сознания и поэтому ведет себя как автономная личность. Трикстер есть коллективный теневой образ, воплощение всех низших черт индивидуальных характеров. А поскольку индивидуальная тень присутствует в составе личности, коллективный образ может постоянно пользоваться ею для воссоздания себя. Конечно, не всегда в виде мифологического персонажа, но часто, вследствие растущего подавления и забвения изначальных мифологем, как соответствующая проекция на разные социальные группы и народы.

Если рассматривать Трикстера в качестве параллели индивидуальной тени, то возникает вопрос, наблюдается ли эта, увиденная нами в мифе о нем, тенденция к осмыслению в области субъективной и персональной тени. Поскольку эта тень часто проявляется в снах как вполне очерченная фигура, мы можем положительно ответить на этот вопрос: тень, фигура по определению хотя и негативная, иногда имеет отчетливые черты и свойства, которые отсылают, в свою очередь, к совершенно иному фону существования — как если бы она прятала свое осмысленное содержание

под уродливой внешностью. Опыт подтверждает это; но что более важно: сокрытое обычно состоит из все более и более священных фигур. Первое, что стоит за тенью, это анима*, которая наделена значительными способностями к очаровыванию и овладению. Она часто является в довольно юном виде, но прячет внутри мощный архетип мудрого старика (мудрец, волшебник, царь и т.д.). Ряд может быть продолжен, но это было бы бессмысленно, ведь психологически можно понять только то, что сам пережил. Понятия комплексной психологии по сути своей — не формулировки ума, но названия определенных областей опыта, и хотя их можно описать, они остаются мертвы и непредставимы для тех, кто сам не пережил их. Я уже отмечал как-то, что людям обычно несложно представить себе, что подразумевается под тенью, пусть они и предпочтут выразить это на латинско-греческом жаргоне, звучащем более «научно». Но понять, что такое анима, для них невероятно трудно. Они принимают ее с легкостью, когда она проявляется в романах или в кинозвездах, однако им ее вообще не понять, когда речь заходит о ее присутствии в их собственной жизни, ибо она обобщает все, чего человек никогда не преодолает, с чем никогда не сможет справиться. Поэтому она пребывает в области непрерывной эмоции, к которой нельзя прикоснуться. Степень бессознательного, с которой приходится здесь сталкиваться, мягко выражаясь, просто поразительна. Из-за этого практически невозможно добиться от мужчины, который боится своей собственной женственности, понимания того, что такое анима.

---

* Метафорой «стоит за тенью» я хочу конкретно проиллюстрировать тот факт, что в той степени, в какой тень признается и интерпретируется в сознание, создается и проблема анимы, то есть отношения. Понятно, что встреча с тенью оказывает осязаемое и длительное влияние на отношение эго к внутреннему и внешнему миру, ибо интеграция тени влечет за собой изменение личности. Ср. мою книгу «Aion», 1951, p.p. 22 ff.

На самом деле это неудивительно, поскольку даже самое поверхностное понимание тени иногда вызывает у современного европейца огромные трудности. Но если тень — образ, наиболее близкий его сознанию и наименее взрывоопасный, она также является первой проявляющейся в ходе анализа бессознательного компонентой личности. Угрожающая и часто смешная фигура, она стоит в самом начале пути индивидуации, задавая обманчиво легкую загадку Сфинкса или мрачно требуя ответа на «*quaestio crocodilina*»*.

Если в конце мифа о Трикстере нам намекают на фигуру спасителя, это утешительное предвестие или приятная надежда означает, что какая-то катастрофа произошла, но была понята сознанием. Надежда на спасителя может родиться только из недр несчастья — другими словами, признание и неизбежная психическая интеграция тени создает такую мучительную ситуацию, что никто, кроме спасителя, не может развязать этот запутанный узел судьбы. В случае с отдельным индивидом проблема, вызванная тенью, решается на уровне анимы, то есть через отношение. В истории коллектива, как и в истории индивида, все зависит от развития сознания. Оно постепенно дает освобождение от заключения в *αἴνους*, в бессознательном**, и поэтому является как носителем света, так и исцеления.

Как в своей коллективной, мифологической форме, так и в форме индивидуальной, тень содержит внутри себя семя энантиодромии, превращения в собственную противоположность.

---

* Крокодил украл у матери ребенка. Когда она попросила отдать ребенка назад, крокодил ответил, что исполнит ее желание, если только она сможет дать истинный ответ на вопрос: «Отдам ли я ребенка?». Если она ответит «Да», это будет ложно, и она не получит ребенка. Если она ответит «Нет», это снова будет ложно, так что в любом случае мать потеряет своего ребенка.

** Erich Neumann, *The Origin and History of Consciousness*, New York and London, 1954, *passim*.

Пол Радин
Трикстер

**Исследование мифов североамериканских индейцев с
комментариями К.Г. Юнга и К.К. Кереньи**

Главный редактор Чубарь В. В.

Редактор Трофимов В. Ю.

Художественный редактор Лосев П. П.

Компьютерная обработка Кирюкова Ю. С.

Ответственный выпускающий Кирсанов Д. О.

Научный редактор Тавровский А. В.

Корректор Пурицкая Е. В.

ООО «Издательская группа "Евразия"»

Лицензия на издательскую деятельность

серия ЛР № 065280 от 09 июля 1997 г.

191194, Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 65, пом. 7Н

тел. 245-91-20

Сдано в набор 30.03.99. Подписано в печать 29.04.99.

Объем 9 печ.л. Формат 70х100 1/32. Гарнитура «Академия»

Тираж 3000 экз. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.

Заказ № 3220

**Отпечатано с готовых диалозитивов в
Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12**